

Петербургская
библиотечная школа
№ 1(10) 1999 г.

Настоящий журнал издан
при финансовой поддержке
«Института Открытое общество.
Фонд содействия».

Редакционная коллегия
З.В.Чалова,
С.А.Басов,
В.Ю.Григорьев,
А.С.Зонин,
Н.М.Комиссарчик,
Е.В.Конюхова,
Л.Г.Косачева,
Н.Н.Мазняк,
В.А.Минкина,
Т.Ю.Монакова,
Н.Н.Никитина,
Т.И.Новикова,
Т.В.Петрусенко,
З.А.Рудая,
Н.П.Тряпкина,
Е.В.Шеповалова

Редакционный совет
Б.Ф.Володин
(Научный редактор),
М.Ф.Ежова
(«Публичные библиотеки»),
З.А.Рудая
(«Уникумы»),
В.Ю.Григорьев
(«Информационные технологии»),
И.Л.Клим
(«Переводы»),
С.С.Серейчик
(«Реклама»)

Литературный редактор
Л.Д.Грибакина

УЧРЕДИТЕЛЬ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 311 27 53
факс (812) 311 22 47

Регистрационный
№ П1360
от 03 марта 1995 г.

ОТ 1989-ГО К 1999-МУ: ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ОБЩЕСТВА

1989 ГОД — год рождения Петербургского библиотечного общества — имел особое значение для мировой истории, став годом крушения тоталитарных режимов в целом ряде стран Восточной Европы. В одних из них, как в Чехословакии, этот процесс проходил мирно — в виде «бархатной революции». В других странах, как в Румынии, освобождение от тоталитаризма было связано с восстанием. Главным же событием этого года стало падение Берлинской стены. С ее падением рухнул «нерушимый» социалистический лагерь. С ее падением закончилась и холодная война.

На столь бурном фоне рождение в Ленинграде профессионального библиотечного общества — Ленинградского, а ныне Петербургского библиотечного общества (ПБО), первого после полного запрета в СССР в 1930-е гг. библиотечных объединений, — событие для истории достаточно скромное. Но для профессионального библиотечного сообщества оно имело значение очень большое, прежде всего потому, что это общество не только не распалось вскоре, как многие возникшие в годы перестройки объединения и общества, а выжило и начало жить полноценной жизнью, способствовать консолидации библиотечной Петербурга и библиотечной России, активизации многих инициатив, развитию профессиональных контактов с коллегами из разных стран и регионов мира.

Данный номер журнала посвящен 10-летию юбилею Петербургского библиотечного общества, осмыслению пути, пройденного Обществом за эти годы. В номер вошли интервью с первым президентом Общества профессором Аркадием Васильевичем Соколовым и нынешним президентом — Зоей Васильевной Чаловой. В рубрике «Лидеры петербургской библиотечной школы» представлены портреты двух коллег, которые сыграли в становлении и развитии Общества особенно важную роль. Леонид Александрович Шилов — человек, который пользуется особой любовью и высочайшим авторитетом как среди библиотечной Петербурга, так и всей России. В 1989 году он был среди тех, кто был выдвинут на пост президента Общества, но чрезвычайная загруженность не позволяла ему принять это предложение. Однако на протяжении нескольких лет

Л.А. Шилов активно участвовал в жизни Общества, будучи членом его правления. Неоднократно избиралась в правление ПБО и профессор Валентина Альфредовна Минкина. Именно благодаря ей стало возможным проведение многих круглых столов и семинаров, интересных социологических исследований и реализация многих других самых ярких инициатив.

Юбилей Общества мы хотим осмыслить в более широком контексте жизни библиотечного сообщества, в том числе выйти за пределы географических границ и Петербурга, и России. В рубрике «Переводы» представлены на этот раз достаточно непривычные — и с тематической, и с географической точки зрения — материалы. Это статья нашей румынской коллеги Хермины Ангелеску, в которой анализируются изменения в жизни библиотек ее страны за эти десять лет. Для нас с вами это не только возможность узнать о проблемах страны, которая во многом гораздо ближе по отношению к нашей стране при всей специфике ее исторического развития в сравнении с другими, более благополучными странами бывшего социалистического лагеря, но, прежде всего, восприняв опыт коллег другой страны, внимательнее всмотреться в проблемы страны собственной, понять самих себя. Вторая статья написана А. Диком из Южно-Африканской Республики. Эта работа была опубликована несколько лет назад, но за годы, прошедшие после ее публикации, стало особенно очевидным, насколько значимыми становятся для нас сегодня проблемы, анализируемые нашим далеким коллегой. И, наконец, в рубрике «Библиотека как культурный центр» мы представляем читателям текст выступления нашего замечательного современника, Ефима Григорьевича Эткинда. Он размышляет о судьбах культуры России, рассказывает о наших писателях-соотечественниках за рубежом. Юбилей Общества — это повод оглянуться на недавнее прошлое и попытаться взглянуть в будущее профессионального библиотечного сообщества. Этот разговор будет продолжен на страницах юбилейного сборника ПБО, который также должен выйти из печати в ближайшее время.

Борис Володин,
научный редактор журнала

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА ЗАЙЦЕВА С ЮБИЛЕЕМ

Мы желаем ему от всего сердца в первую очередь крепкого здоровья, желаем чтобы и дальше успешно раскрывался его потенциал библиотечного лидера, опытного руководителя—профессионала. Пусть сопутствует ему удача в реализации творческих планов и начинаний — и как директора Библиотеки, и как Президента РБА.

Библиотекари Санкт-Петербурга и Ленинградской области

8 декабря 1998 г. исполнилось 60 лет президенту Российской библиотечной ассоциации, директору Российской национальной библиотеки Владимиру Николаевичу Зайцеву. Это юбилей зрелости, когда многое из намеченного достигнуто и когда впереди — время реализации интересных планов.

У Владимира Николаевича множество титулов и званий. Он имеет звание кандидата технических наук и является профессором. Он избран академиком Международной академии информатизации. Ему присуждено почетное звание «Заслуженного работника культуры Российской Федерации». Но в первую очередь он известен и в Петербурге, и в России, и во всем мире как директор Российской национальной библиотеки — Публичной библиотеки.

Став директором всемирно известной Публичной библиотеки в 1985 г., В.Н. Зайцев начал не с того, с чего начинают многие руководители в самых разных сферах, в том числе и в библиотечной. Он не стал ломать сложившуюся структуру и создавать новые отделы с новыми сотрудниками. Для него принципиальным было сохранение преемственности в развитии этого уникального учреждения. Им руководило стремление осмыслить сложившуюся структуру, тот круг обязанностей, которые выполняет библиотека, и лишь затем постепенно вносить неизбежные в связи с развитием общества, с развитием профессионального библиотечного сообщества коррективы. Чрезвычайно важным было и сохранение уникального коллектива Библиотеки и его развитие, привлечение новых сотрудников, которые могли бы продолжить работу тех профессиональных лидеров, которые были широко известны и в России, и в мире. Была сделана ставка на раскрытие потенциала Библиотеки, использование новых возможностей.

Предметом особой заботы стало установление самых тесных и подлинно творческих контактов Публичной библиотеки с библиотеками Ленинграда—Петербурга, с библиотеками федерального уровня и их сотрудниками. По инициативе В.Н. Зайцева, в частности, завязались рабочие контакты с другой национальной библиотекой страны — Ленинской библиотекой — Российской Государственной библиотекой. Укрепилась связь и с другими библиотеками и библиотечными учреждениями Москвы.

В России В.Н. Зайцева знают как инициатора многих важнейших проектов и программ, активно способствующего консолидации библиотекарей страны, поддерживающего, прежде всего, инициативы самих регионов России, библиотек областей, краев и республик Федерации. Он часто выезжает в различные регионы, руководит работой общероссийских научных и научно-практических конференций, выступает с докладами. Самое активное участие принимал он в разработке федеральных законов «О библиотечном деле» и «Об обязательных экземплярах документов». Владимир Николаевич является одним из самых уважаемых и авторитетных библиотечных лидеров страны, в силу чего он столь единодушно был избран в 1994 г., а впоследствии — в 1998 г. — переизбран Президентом Российской библиотечной ассоциации. С 1991 г. В.Н. Зайцев является Председателем постоянной библиотечной комиссии Российского творческого союза работников культуры. Особо хотелось бы выделить сложнейшую работу в качестве Председателя экспертной группы по библиотечным фондам Государственной комиссии Российской Федерации по регистрации культурных ценностей, обязанности которого он выполняет с 1992 г. Активно способствует В.Н. Зайцев и консолидации библиотекарей России с коллегами из стран СНГ. С момента со-

здания в 1992 г. Библиотечной ассамблеи Евразии Владимир Николаевич становится членом ее Координационного бюро.

Благодаря активной деятельности В.Н. Зайцева за годы его работы в РНБ расширились и углубились профессиональные контакты с библиотекарями всего мира. Эти контакты стали подлинно рабочими, разнообразными и плодотворными. Это касается и развития связей с главным библиотечным объединением мира — Международной Федерацией библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), в работе которой он принимает самое активное участие с 1986 г. В.Н. Зайцев является и членом национального комитета ЮНЕСКО по программе «Память мира». Успешно развиваются связи с библиотеками Европы, в том числе с крупнейшим общеевропейским библиотечным объединением — Европейской лигой научных (исследовательских) библиотек (ЛИБЕР). Владимир Николаевич избран одним из руководителей объединения библиотек Европы, зародившегося в рамках ЛИБЕР, — Консорциума европейских научных (исследовательских) библиотек. Благодаря поддержке В.Н. Зайцева именно РНБ стала в первой половине 1990-х гг. самой активной библиотекой России в плане установления профессиональных рабочих связей, стала участницей масштабных общеевропейских проектов и программ. Под его руководством многие библиотеки России стали участницами таких проектов, например проекта по созданию российского тома уникального «Справочника по немецким исторически ценным книжным фондам в Европе».

Известен В.Н. Зайцев и как педагог. На протяжении многих лет ведет он преподавательскую деятельность в Санкт-Петербургской государственной Академии культуры.

За годы работы В.Н. Зайцев в РНБ Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина не просто сменила название, став Российской национальной библиотекой. И раньше эта библиотека являлась и по сути и по официальному статусу национальной библиотекой России (в советское время, соответственно, национальной библиотекой РСФСР). За сменой названия просматриваются более глубокие изменения — стремление сориентировать всю работу Библиотеки на выполнение главных функций, основных обязанностей национальной библиотеки в понимании этих функций и

обязанностей мировым библиотечным сообществом. Мощный рывок был сделан и в развитии Библиотеки как информационного центра. Библиотека стала одним из лидеров России в освоении новых технологий, в области автоматизации библиотечно—библиографических процессов, обеспечения пользователей выходом в ИНТЕРНЕТ. О результатах проделанной работы свидетельствуют многочисленные публикации работ самого В.Н. Зайцева и подготовленные под его руководством и при его непосредственном участии (в частности, в качестве председателя редакционных коллегий) издания, выпущенные Издательством РНБ. По его инициативе и при его непосредственном участии состоялись многочисленные международные и общеевропейские конференции и семинары.

1998-й год стал для В.Н. Зайцева не только юбилейным годом. Он стал новым рубежом в жизни руководимой им Библиотеки. В этом году было открыто здание на Московском проспекте. А это влечет за собой весьма масштабные изменения в жизни Библиотеки, в ее структуре, в работе ее сотрудников, а главное — в обслуживании ее читателей. Библиотека неизбежно станет иной. Процесс освоения нового здания и переориентации основных, ныне действующих зданий на новые условия потребует не одного года. Но одно уже очевидно — Библиотека смогла решить проблему физической сохранности своих ценнейших фондов, которая была столь острой при наличии многочисленных и более чем не пригодных для хранения библиотечной литературы временных книгохранилищ.

Первое и основное здание Публичной библиотеки по-прежнему стоит в центре Петербурга, на пересечении главной магистрали города — Невского проспекта с другой важнейшей его артерией — Садовой улицей. В окнах этого здания горит свет. В нем, несмотря на многочисленные трудности и проблемы нынешнего времени, кипит жизнь. Она кипит вопреки этим проблемам и трудностям. В здании уютно и тепло. Здесь сохранились и поддерживаются удивительных очаг духовности. Духовный свет этого Дома ощущают все приходящие сюда жители Петербурга — и читатели, и посетители тех удивительных мероприятий, которые проводит Библиотека, являющаяся истинным культурным центром города. Этот свет ощущают библиотекари города, России, и других стран.

ЩЕДРОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

(интервью с Президентом ПБО Зоей Васильевной Чаловой)

— Петербургскому библиотечному обществу исполняется 10 лет. Какие чувства Вы, нынешний Президент ПБО, испытываете по этому поводу, о чем думаете?

— Во-первых, чувство ответственности, т.к. правление Общества решило, что наше 10-летие это довольно значительное общественное событие и не только в городском, но даже и в Российском масштабе, которое должно быть достойно отмечено. Мы были первыми, кто воссоздал в России общественную (т.е. негосударственную) ассоциацию библиотечных специалистов. Мы все были увлечены этой идеей, но, как говорит Д.С. Лихачев, «настоящая культура всегда личностна»: поэтому стоит поименно назвать инициаторов: это А.В. Соколов, первый президент и почетный член ПБО, С.А. Басов, А.С. Зонин. У них была большая группа поддержки.

Вспоминается энтузиазм, с которым мы брались за любые проекты. Казалось, что доброй воли достаточно, чтобы преобразить действительность, например, создать общественно—государственную систему управления библиотеками.

Разумеется, в жизни все оказалось по—другому. Сильные ассоциации не возникают на пустом месте. Должно развиваться гражданское общество в целом, а вместе с ним независимые, самоуправляемые объединения граждан. Тради-

ции сильной государственности в нашей стране затрудняют развитие ассоциаций. Однако библиотечные объединения существуют в регионах, набирает силу Российская библиотечная ассоциация. Парадокс: в условиях финансового, экономического кризиса происходит расцвет библиотек.

Общество стало нуждаться в информации, а для работы с ней нужна свобода. Руководителю библиотеки сейчас легче работать. Он может быть более самостоятельным, принимать решения, на него не давят ни райком, ни обком, ни комитет по культуре. Все зависит от профессионализма руководителя. И вот тут возникает острая необходимость в общении друг с другом, в профессиональном единении, в выработке профессионального сознания.

— Создается впечатление, что у нас в стране социальную роль библиотек не понимают только библиотекарни. Например, по словам мэра Хельсинки, город содействует развитию своих библиотек, чтобы обеспечить каждому возможность быть активным членом общества. У нас подобным образом рассуждают только библиотекарни.

— Вы правы. К сожалению, роль библиотек недооценивается у нас и читателями, и обществом, и многими библиотекарями.

В наших руках неоценимое сокровище — информация. Ничто не ценится так дорого, как информация. Мы должны помочь обществу понять современную роль библиотек. Тогда изменится и отношение к нам. Самая важная наша задача — сформировать у нас в городе положительный имидж библиотеки, библиотекаря.

— Очевидно, силы для работы над общественным сознанием дает общение с коллегами, которые решают те же задачи или, может быть, уже успешно решили их?

— Библиотечный мир очень маленький, руководители всех крупнейших библиотек знают друг друга, следят за успехами. Мы встречаемся на международных конференциях, бываем друг у друга. ПБО тесно сотрудничает с IFLA. За последние годы мы принимали у себя в городе многих руководителей IFLA, включая и нынешнего президента К. Дешан. Представители ПБО встречались с директором Библиотеки Конгресса США Дж. Биллингтоном. Только в 1998 году у нас в Санкт-Петербурге побывали представители библиотек Украины, Белоруссии, Казахстана. Я присутствовала на форуме библиотек Литвы. Потрясения не отразились на наших контактах. Возможно, правы те, кто считает менталитет библиотекарей в мире наиболее интернациональным.

— Если следовать Вашей логике, то можно заключить, что общение с коллегами во всем мире является стимулом, который помогает развитию наших библиотек, вопреки всем объективным трудностям.

— Я абсолютно убеждена, что это так и есть. Приведу примеры. Раньше библиотека для слепых в нашем городе влачила довольно жалкое существование. С приходом Е. В. Шеповаловой — уникального, с моей точки зрения, человека — все изменилось. Евгения Викторовна много общается с коллегами, видит, как работают другие, умеет замечать возможности, работать с благотворительными фондами.

В результате библиотека сейчас прекрасно оснащена уникальной техникой, имеет издательскую базу, студию записи. На ее базе проводятся международные и региональные семинары. Это, пожалуй, сейчас лучшая библиотека в Рос-

сии, обслуживающая незрячих.

Другой пример — театральная библиотека. Когда много лет назад ее директором стала Р. А. Михалева, библиотека не имела достойного статуса, соответствующего ее уникальной коллекции, она считалась просто массовой библиотекой с низкой категорией по оплате труда, острой была проблема сохранности уникальных документов — театральных эскизов «Мира искусств», авторизованных пьес и т. п. Раиса Андреевна привлекла театральную общественность. Международные контакты научили ее прекрасно работать с благотворительными фондами. В библиотеке действует уникальная автоматизированная система сохранности фондов. Теперь библиотеку знают в мире. Раиса Андреевна часто выступала с докладами на международных конференциях, представляла издания своей библиотеки на крупнейших книжных ярмарках. Надо было видеть, каким спросом пользовались эти издания. Больно и очень обидно, что так рано она ушла от нас. Мы сейчас стараемся, как можем, помочь ее преемнице, Анастасии Павловой. Ввели ее в состав правления Петербургского библиотечного общества, приглашаем на все городские совещания, т. е. делаем все, чтобы она немедленно включилась в библиотечную жизнь Петербурга.

— Вы с большим чувством сопричастности говорили о других библиотеках города, наверное, могли бы еще многое рассказать, например, об успехах вузовских библиотек. Возможно, одной из причин такой осведомленности является то, что библиотекарни города любят приходить в городскую библиотеку им. В.В. Маяковского — штаб—квартиру ПБО, делиться с коллегами своими новостями?

— Директор БАН В.П. Леонов на юбилейном вечере, посвященном 130—летию юбилею библиотеки имени Маяковского, назвал ее «нашим гайд—парком».

У нас очень тесная дружба с самыми разными библиотеками города. У библиотеки очень богатые традиции межбиблиотечного общения. Более 70 лет наша библиотека является городским методическим центром. Мы знаем нужды библиотек города, все их горести и радости. Все, что появляется в мире, в нашей библиотеке, в городе, мы немедленно стараемся до всех донести, научить, сами у себя растим по зернышку этот опыт, и все, что наработано, услышано,

прочитано, мы стараемся отдать коллегам. Я думаю, что именно эта традиция позволила нашей библиотеке так органично превратиться в штаб—квартиру ПБО.

— Раз Вы говорили о традициях, хотелось бы знать, существует ли, по Вашему мнению, Петербургская библиотечная школа? В чем Вы видите ее особенности и пути развития?

— Думаю, что такая школа есть, как она есть в кинематографе и театре, поэзии и графике... Если говорить о библиотеках, такая школа не могла не сложиться. В Петербурге сосредоточена значительная часть книжного богатства России. Столетиями многие библиотеки накапливали сокровища опыта: создание коллекций, их хранение и библиографирование, этика общения библиотечкарей с учеными, со всей читающей публикой. Существуют традиции прямого участия библиотечкарей в научной, общественной жизни (вспомним имена В. Стасова, Н. Рубакина, А. Черкесова). Все это вместе взятое сформировало свой стиль. Конечно, школа развивается, меняется, как меняется мир вокруг нас. В наступающем веке информации именно библиотека гарантирует обществу надежный доступ к знаниям. Ярким примером существования библиотечной школы является наш журнал. Мы издаем его уже три года, он пользуется огромным успехом не только у нас в городе, но вызывает большой интерес у коллег в России.

— Зоя Васильевна, как Вам удается совмещать две такие значительные должности: директора Центральной городской публичной библиотеки и президента ПБО?

— Благодаря команде, которая работает на ПБО. Это З.А. Рудая, М.Ф. Ежова, С.С. Серейчик, члены правления ПБО. По существу вся библиотека работает на ПБО. Ведь то хорошее, что есть в нашей библиотеке, улучшает имидж библиотек в общественном сознании.

— Вполне очевидно, что роль Центральной городской библиотеки за последние годы изменилась. Какой Вам видится эта роль в настоящее время и в будущем?

Конечно, роль библиотеки имени Маяковского в жизни города значительно выросла. Почему это произошло? Во-первых, руководители

библиотек обрели самостоятельность, во-вторых, нам очень помогло то, что мы получили новое здание. За счет этого мы резко расширили спектр своих услуг для читателей библиотеки. В-третьих (и это главное), библиотека любима читателями, они нуждаются в ней. Наверное, поэтому и власти города оценивают библиотеку по достоинству. Если руководитель является членом коллегий Комитета по культуре, членом правления Союза творческих работников, членом правления Совета по культуре Центрального района — это дань уважения к библиотеке, признания ее статуса.

— Дом Карловой, который вот уже пятый год занимает библиотека, является уникальным памятником культуры. Вам удалось сохранить его уникальность, наполнив современным содержанием.

— Мы получили этот дом от правительства города в 1994 году, и серьезно думали над концепцией его использования. Было решено, что мы будем создавать информационный центр иностранной книги. Так, мы приняли в свою семью Американский образовательный центр, потом пригласили Британский совет и наконец Немецкий культурный центр им. Гете. Мы все делаем одно дело: мы предоставляем жителям Петербурга уникальную информацию. Причем вся она предоставляется практически бесплатно. Недалеко даже правительство города, не особенно вникая в нужды библиотеки и ее проблемы, оценило наши достижения. Мы в прошлом году стали лауреатом премии губернатора за работу библиотеки как информационного центра. Прекрасный старинный особняк на Фонтанке, 46 вновь включен в культурную жизнь города. Не случайно он стал притягательным центром и для Петербургского библиотечного общества.

— Профессия библиотечкаря за последние 100 лет стала почти исключительно женской. Вы возглавляете свою библиотеку, на Вас внимательно смотрят все Ваши сотрудницы. Вы всегда хорошо выглядите, подтянуты, у Вас улыбка на лице, Вы хорошо одеты, причесаны. Как Вы умудряетесь при всей своей занятости ухаживать за собой как женщина?

— Это не требует много времени. Ну, а потом это идет с детства. У меня отец и мать были

портными, они баловали меня, наряжали. Я была поздним ребенком. Их нет очень давно. В 25 лет я осталась без родителей. Жизнь стала очень сложной. Я сама научилась шить, вязать и никогда не распускаться. Я приехала в Ленинград в 1957 году из провинции, мне было очень трудно в большом городе совсем одной. У меня не было покровителей. Я всего добилась сама.

— А что Вы любите читать? Назовите, пожалуйста, книги, которые Вы прочитали в последнее время?

— Мне приходится читать много профессиональных изданий. Я политизирована, поэтому прочитываю массу газет, журналов. Наверное, это плохо, но я продолжаю кому-то верить из политиков, надеяться. Хотя я устала разочаровываться. Когда устаю от периодики, читаю классику. Люблю Тургенева, Чехова. Сейчас на моем столе Ф. Саган, С. Рушди. Читать люблю страстно, если оказываюсь в ситуации, когда нет под рукой чтения — страдаю.

— У Вас на столе стоят белые тюльпаны. А какие цветы Вы больше всего любите?

— Я люблю все цветы, но отдаю предпочтение скромным цветам. Обожаю букеты из анютиных глазок, лобелии, настурции. Много времени и сил отдаю цветам на даче, пытаюсь делать это профессионально. Накупила массу книг, штурдую, колдую над посадками. Это мое хобби.

— Вы считаете, что Ваша жизнь сложилась удачно?

— Да! Я довольна многим в своей жизни. У меня прекрасная дочь, которой я очень горжусь. Чистый, порядочный, интеллигентный человек. Я счастлива, что она такова. У меня есть внук. Пока о нем рано что-то говорить. И, наконец, моя работа. Я прошла все ступеньки нашей профессии. Я никогда даже не мечтала о том, что буду работать в такой библиотеке. Но Бог дал мне это счастье!

Беседа велла Н.В. Давиди

ТОЧКА РОСТА

Галина Феофановна Гордукалова — доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарной информации Санкт-Петербургского государственного университета культуры

10 ЛЕТ существования библиотечного общества вместили в себя рождение, стремительное воплощение идеи профессионального объединения библиотечной профессии, ее молниеносное распространение в России.

За эти годы осознан факт профессионального единения, подведены первые итоги совместной деятельности и осуществлен переход к стадии зрелого развития Общества. Чья энергетика провела в жизнь столь масштабное деяние? Чем определялись точки роста столь новой для города библиотечной реалии? Эти вопросы были заданы Аркадию Васильевичу Соколову — главному «энергетику», основателю и первому президенту Ленинградского библиотечного общества.

ПРЕДЫСТОРИЯ ИДЕИ: Как возникла идея создания профессионального общества библиотечной профессии?

А.В. Соколов:

С 1986 г. началось всесоюзное исследование «Библиотечная профессия». Головной организацией выступал Ленинградский государственный институт культуры. Как ответственный исполнитель я побывал во всех институтах культуры. Мы подключили к исследованию Узбекистан, Украину, Белоруссию. В процессе работы выяснилось, что необходимы реформы библиотечного управления, образования, организации науки. Исследование проводилось по заказу Министерства культуры, но для осуществления реформ недостаточны только административные решения. Важно было подключить к осознанию и реализации реформ всю библиотечную общественность. Формой такого подключения в этот период общей демократизации могло стать Библиотечное общество.

Немаловажный стимул мы получили из Эстонии, где в ноябре 1988 г. было восстановлено Эстонское библиотечное общество. Я побывал у его инициаторов, мы получили их уставные документы. Это и явилось первым шагом в поиске организационных форм профессионального сообщества.

Комментарии:

Среди привычных традиционных средств (дискуссии в библиотечных журналах, конференции, расширенные совещания, социологические опросы и др.) важно и не столь просто найти действенную и правомочную форму выражения профессионального мнения — интегрированного, коллективно выработанного решения конкретных проблем. Ее выбор не мог быть спровоцирован глубокой историей международных библиотечных обществ и ассоциаций, работающих почти столетие в иных социально-политических условиях. Более того, в этот период времени в России любая форма выражения общественного мнения могла мгновенно вырасти до кратковременного яркого протеста высвобождающейся демократической воли. Задуманные же реформы требовали последовательной, кропотливой и долговременной работы. Выбранная форма должна была соединить практиков, теоретиков, преподавателей и управленцев, способствовать свободному волеизъявлению каждой группы. Эта форма ВПЕРВЫЕ должна была объединить библиотечные сети разной ведомственной подчиненности, учитывать их интересы. В ней должны были сочетаться и энтузиазм перестройки и реальный механизм влияния на библиотечную жизнь. Выбор был нелегким: ему предшествовали жаркие споры, крайние предложения, стремление охватить все имеющиеся и возникающие проблемы библиотек всех типов. И лишь сейчас становится очевидным, что найдена правильная позиция: профессиональное общество библиотечной профессии — оптимальная форма коллективного поиска решений.

РАЗВИТИЕ ИДЕИ: Хотелось увидеть Ваши глаза как восприняли идею, где она обрела сторонников. Кто вложил максимальные усилия в ее реализацию?

А.В. Соколов:

Были только сторонники. Поддержали идею все, с кем она обсуждалась. Скептиков мы практически не встретили. Довольно оперативно в

феврале 1989 г. произошло собрание библиотечного актива, где я выступил с результатами исследования библиотечной профессии. Одним из решений была зафиксирована задача создания библиотечного общества в г. Ленинграде. Для ее осуществления создана инициативная группа — С. Басов, А. Зонин, И. Черняк, Г. Стругацкая, Е. Теплицкая, И. Халимова. Централизованная система представляла директор Петроградской ЦБС Г.И. Хорькова. И мы начали заседания в Библиотеке им. Маяковского, в кабинете ее директора З.В. Чаловой: допоздна, спорно, энергично (я даже начал курить). К весне мы побывали в сети массовых, вузовских, детских библиотек. Всюду встретили понимание. Нас поддержали профсоюзные, научно-технические библиотеки в лице Т.А. Левелевой, управленческие культуры, ректор ЛГИК проф. Е.Я. Зазерский, благодаря которому 19 мая 1989 г. в актовом зале Института культуры собрались 500 библиотечных специалистов города. Приехала поделиться опытом из Эстонии директор Национальной библиотеки Иви Ээнмаа, а уже «заимствовать» опыт прибыла группа во главе с Е.Ю. Генневой (Библиотека иностранной литературы, г. Москва), заинтересованная в создании Московского библиотечного общества. Официальных, подготовленных выступлений не было, только мой постановочный доклад. Затем последовали краткие информационные сообщения главных «движителей» идеи — С.А. Басова и А.С. Зонина, избрание членов Правления.

Комментарии:

Это был акт доброй воли библиотечной профессии города с предельно демократическими нормами. Имена кандидатов в Правление предлагались из зала, вписывались в свободный перечень на открытой доске. Голосовали все присутствующие, избрание осуществлялось простым большинством голосов. Студенты библиотечного техникума подсчитывали результаты. Именно тогда и проголосовали более 450 человек за первого Президента Ленинградского библиотечного общества — А.В. Соколова — профессора, доктора педагогических наук, автора более 280 научных работ в области информатики, библиотечного ведения, теории социальных коммуникаций.

Первые по числу голосов 15 человек не просто «вошли» в правление, а приняли на свои плечи основную нагрузку реальных действий: ежемесячные заседания, встречи, создание секций,

утверждение устава и регистрация общества, выполнение договорных научно-исследовательских работ. НИР по библиотечной профессии стали основным источником финансовой поддержки в первые годы существования Общества. (Членские взносы были минимальны — 2 рубля, с предусмотренными льготами в зависимости от зарплаты библиотечной профессии). Из этих средств оказывалась даже материальная помощь малым библиотекам, ветеранам библиотечного дела. Характеризуя первый, «романтико-героический», период деятельности Общества, А.В. Соколов назвал имена более 40 библиотечных лидеров, энтузиастов, библиотечной элиты города. В беседе он бесконечно подчеркивал ведущую роль ЦБ им. Маяковского, которая была и остается штаб-квартирой Общества. Показал реальную работу сотрудников ее методического отдела — Марии Федоровны Ежовой, Галины Аркадьевны Стругацкой, Зинаиды Абрамовны Рудой. Самым сложным в жизни Общества А.В. Соколов назвал переход от «романтико-героического» периода (первый год существования общества) к этапу текущей, будничной работы: нужно было «войти во власть», непрерывно отстаивать там интересы не Общества, а всего библиотечного сообщества.

ГЛАВНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ: Что привнесло Общество в библиотечную жизнь города? Каких проблем удалось избежать? Будет ли оно работать в третьем тысячелетии?

А.В. Соколов:

Общество оказалось жизнеспособным. Мы были первыми в Российской Федерации. Уже в 1990 г. обеспечили связь с другими регионами, где были проведены учредительные конференции — Москва, Саратов, Тверь, Рязань, Тюмень, Курган и др., а также с общероссийской сетью профсоюзных библиотек, которая формировала собственное Правление.

По нашей инициативе в 1989 г. был проведен 1-й библиотечный съезд (Санкт-Петербург, ДК Газа). В январе 1990 г. планировался Всесоюзный библиотечный съезд, не состоявшийся из-за распада СССР. Вместо съезда была собрана Учредительная конференция Российской библиотечной ассоциации (сентябрь, 1990 г., Санкт-Петербург, ГПБ), которой и была завершена КОНСОЛИДАЦИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО СООБЩЕСТВА — главное достижение в работе Ле-

нинградского библиотечного общества тех лет. В августе 1991 г. делегация от Общества участвовала в работе ИФЛА, где А.С. Зонин выступил с докладом о библиотечном движении в России и Санкт-Петербурге, подтверждая международную значимость единения российского библиотечного сообщества.

Нерешенных проблем всегда много. Это и финансовая поддержка Общества, наличие штатных сотрудников, долгосрочной программы. Нам удалось избежать подчинения Общества более сильным организационными структурами, сохранить его самостоятельность, войти в состав Ленсовета народных депутатов (в 1990 г. С.А. Басов возглавил комиссию по культуре). Это позволило последовательно отстаивать принципиальную для тех лет демократическую позицию общекультурных, а не идеологических функций библиотеки. Полагаю, что и наш, и мировой опыт работы профессиональных обществ свидетельствуют о перспективности единения специалистов, богатстве и целенаправленности коллективного разума.

Спасибо всем, кто работает на благо библиотек не покладая рук.

Комментарии:

Аркадий Васильевич приводит только факты, характеризовал проблемы, горячо благодарил всех своих соратников, а за всем этим виделся напряженный труд ученого и организатора в течение многих лет:

Аркадий Васильевич Соколов родился в предвоенном Ленинграде в 1934 г. Окончил военно-механический институт (1958), затем сразу же — Заочный политехнический институт (1961), аспирантуру ЛГИК (1965). Работал заведующим лабораторией отдела НИИ НИИ радиоэлектроники, создавал механизированные и автоматизированные поисковые системы. С 1961 г. преподавал в ЛГИК, где в течение 16 лет возглавлял первую в системе библиотечного образования кафедру информатики, а затем — кафедру отраслевой библиографии, почти 7 лет работал старшим научным сотрудником Библиотеки Российской Академии наук.

В настоящее время А.В. Соколов — чл.-корр. Академии естественных наук (1992), доктор педагогических наук (1979), профессор кафедры теории социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного универси-

тета профсоюзов. Он продолжает чтение курса «Социальные коммуникации» на библиотечно-информационном факультете Санкт-Петербургского государственного университета культуры.

Если оценить круг специалистов, — с которыми А.В. Соколова тесно связала профессиональная судьба, то следует назвать огромное число: более 10 тысяч человек лично знакомы, поддержаны или обучены ученым. Наибольшая часть из них — библиотекари России. Это его студенты, аспиранты, коллеги, сотрудники почти всех крупных библиотек страны. Отмечена одна яркая и ненарушаемая особенность: Аркадий Васильевич никогда не оставляет своих учеников на половине пути, помнит почти каждого, стремится помочь в любом профессиональном действии — от первого доклада студента до защиты докторской диссертации. Только один частный пример: в 80-е годы среди студентов ЛГИК была сложена весьма реальная легенда о том, что профессор Соколов после первой лекции по информатике запоминает имена, отчества и фамилии каждого из 120 присутствующих на ней, войдя в аудиторию во второй раз — назовет отсутствующих в зале.

Научные исследования А.В. Соколова связаны с перспективными точками роста науки, выходом на самый высокий уровень обобщения знания. В 70-е гг. ученый был занят разработкой информационно-поисковых языков дескрипторного типа, семиотических проблем релевантности. Его концепция фасетно-блочных тезаурусов внедрена в АСНТИ «Союзкультура», АСНТИ морского флота, АСНТИ «Геология». Дальнейшее научное творчество было ориентировано на формирование концепции социальной информатики: определение предмета социальной информатики, ее места в системе информационно-коммуникационных наук, взаимодействия с библиотечно-библиографическими дисциплинами. Изучение проблем библиотечной профессионалогии позволило А.В. Соколову разработать концепцию всесоюзного исследования «Библиотечная профессия», предложить оценочную стратификацию библиотечных работников по профессиональным ориентациям и механизму определения принадлежности библиотекарей к определенной страте. Ученый анализировал соотношение предметов библиотечного, библиографического и информатического, обосновал идею взаимодействия и взаимовлияния наук информационно-коммуникационного цикла. Затем

последовало создание первого в стране учебного курса «Социальные коммуникации» для библиотечных факультетов. Этот курс сегодня введен в учебный план вузов культуры. В поисках общего основания А.В. Соколов разрабатывает в 90-е гг. теорию коммуникационных потребностей общества и личности. Отрицая онтологический самостоятельный статус информационных потребностей, он трактует последние как результат информационного подхода к анализу социальных коммуникаций. Результаты его научного поиска обобщены в книгах: *Автоматизация библиотечного поиска*. (М.: Книга, 1981); *Информационно-поисковые системы: учеб. пособие для вузов* (М.: Радио и связь, 1981); *Эволюция социальных коммуникаций: учеб. пособие* (СПб., 1995); *Введение в теорию социальных коммуникаций*. (СПб., 1996); *Коммуникационные потребности: Учеб. пособие для бакалавров образования* (Краснодар, 1996).

Более 20 его работ вышли в свет на английском, испанском, немецком, чешском и других языках.

Целый ряд публикаций посвящены А.В. Соколову. О его научной школе писали О.И. Воврене, О.П. Вилкина, Д.А. Рингайтите (*Идентификация научных школ в библиотековедении, библиографоведении и информатике // Науч.-техн. б-ки СССР. — 1989. — N 2. — С.11-18*). В обширной статье И.Г. Белоглазкиной приведены результаты библиометрического анализа публикаций ученого, выделены наиболее цитируемые работы (*Изучая жизнь своих учителей, мы учимся сами: К 60-летию со дня рождения А.В. Соколова // Библиография. — 1994. — N 1. — С. 93-97*). В.В. Зверевич попытался показать социальную роль А.В. Соколова — лидера демократического движения в библиотечном деле (*Профессор, педагог, президент профессионального общества // Науч.-техн. б-ки. — 1994. — N 2. — С. 56-58*). Петербургское библиотечное общество в знак признательности первому Президенту выпустило в свет удивительную, нетрадиционную книгу, последовательно раскрывающую научное, литературное творчество ученого, отно-

шение к нему ведущих специалистов — И.В. Гудовщиковой, И.Е. Баренбаума, И.Г. Моргенштерна, Д.Я. Коготкова, а также учеников, коллег, соратников из всех регионов России и Прибалтики (*Соколов А.В. Ретроспектива — 60 / Петербург. библиотечное об-во; Науч. ред. С.А. Басов. — СПб., 1994. — 464 с.*). В книгу включены тексты важнейших работ, а также аннотированный указатель публикаций А.В. Соколова.

Даже краткое описание научной биографии показывает тесную связь трудов ученого с библиотечными проблемами, людьми, процессами. Благодаря этому, профессору Соколову удалось осознать необходимость библиотечного общества в конце восьмидесятых, когда была необходима моральная поддержка для каждого библиотекаря, ощущение причастности к общему делу, взаимответственность.

Лишь позднее, через 2—3 года в России эта потребность стала отчетливо пониматься, что и привело к стохастическому процессу создания многочисленных партий, общественных фондов, политических и профессиональных объединений. Из них сохранились не многие. Лучшая же их часть та, в основание которых были заложены гуманные принципы взаимоподдержки организаций с прямо выраженными профессиональными задачами.

Организаторы Петербургского библиотечного общества увидели грядущие, почти непроницаемые социально-экономические изменения в стране, создали, сохранили и преумножили библиотечное общество города.

Отслужив два уставных периода Президентом Петербургского библиотечного общества, А.В. Соколов подготовил библиотеки к переходному периоду, к новой системе хозяйствования, новому стилю профессионального общения, а главное — к коллективному принятию важных решений.

Передав руководство Обществом в надежные руки З.В. Чаловой, оставаясь его Почетным членом, А.В. Соколов уверен: общество жизнеспособно, направляет свои усилия во благо России и Библиотеки.

НЕИССЯКАЕМЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Галина Васильевна Михеева — ведущий научный сотрудник
отдела библиографии и краеведения РНБ, и. о. профессора, доктор
педагогических наук

18 августа 1998 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Леонида Александровича Шилова — многолетнего лидера библиотечного дела страны, долгие годы возглавлявшего ведущую библиотеку России — Государственную Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Леонид Александрович родился в Архангельской области в семье портового служащего. Его детство проходило в суровом и прекрасном северном крае, а сердце тяготело к морю. Недалеком первым местом его учебы стало Архангельское мореходное училище. Однако его призвание было в другом. В 1951 г. он окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета, где за время обучения проявил склонность к научной работе и развил в себе несомненный талант организатора. В 1952—1960 гг. Леонид Александрович был помощником проректора по научной работе ЛГУ. В это же время он впервые приобщился к библиотечной профессии: с 1960 по 1966 гг. возглавлял главную библиотеку Ленинградского университета — Научную библиотеку им. М. Горького. Еще в студенческие годы истинным призванием будущего ученого становится история. В 1965 г. Л.А. Шилов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность Коммунистической партии по перестройке высшей школы в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.)». С тех пор интерес к историческим исследованиям определяет его творческий путь.

Научную и административную деятельность в Университете (в 1966—1967 гг. Леонид Александрович возглавлял научно-исследовательский сектор ЛГУ) он сочетал с преподавательской деятельностью. С 1967 г. Л.А. Шилов становится старшим преподавателем кафедры истории КПСС, с 1969 г. — доцентом этой кафедры. Одновременно он был ученым секретарем Университета. Академическая среда и университетская аура навсегда отметили этого человека особым, неповторимым своеобразием: редким демократизмом в истинном значении

этого слова, широкой эрудицией, глубиной научных познаний, тщательностью проработки любой проблемы, подлинной петербургской интеллигентностью.

В 1970 г. происходит серьезный поворот в административной карьере Леонида Александровича — он становится директором Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ее он возглавлял до 1985 г.

С самого начала работы на посту директора Л.А. Шилов столкнулся с огромными трудностями: Библиотека находилась в критическом положении, отсутствовали производственные площади для размещения постоянно растущих фондов и каталогов, слабой была материально-техническая база в целом. Во многом благодаря энергии нового директора ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина были предоставлены помещения, необходимые для нормальной жизнедеятельности коллектива, проведен капитальный ремонт первой очереди здания библиотеки на наб. р. Фонтанки.

13 февраля 1973 г. Президиум Совета Министров СССР одобрил предложение Ленинградского обкома КПСС и Ленгорисполкома о проектировании для ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина книгохранилища на 20 млн. томов и читальных залов на 2000 мест. В последующие годы под руководством Л.А. Шилова была проведена огромная работа по подготовке программных документов, определяющих перспективы развития Библиотеки.

Благодаря усилиям Леонида Александровича особое внимание уделялось развитию Библиотеки как научно-исследовательского учреждения и головного методического центра библиотек РСФСР (а по отдельным направлениям — и для библиотек СССР), организационно-координирующего центра научной деятельности библиотек Российской Федерации. По его инициативе на заседании коллегии Министерства культуры РСФСР в 1979 г. был рассмотрен вопрос о состоянии и перспективах методической работы в РСФСР, принято решение о закрепле-

нии за ГПБ статуса головного учреждения. При его активном участии организованы и проведены крупные исследования по актуальным проблемам библиотековедения, библиографоведения, книговедения («Библиотека и научная информация», «История книги в России во 2-й половине XIX в.», «Проблемы централизации сети библиотек», «Комплектование и использование фондов массовых библиотек», «Экономика библиотечного дела», «Организация системы депозитарного хранения фондов», дальнейшая разработка и совершенствование ББК и внедрение ее в массовые и научные библиотеки РСФСР, изучение и оптимизация структуры и статуса областных библиотек, разработка механических методов консервации и реставрации фондов и др.). В этот же период началось формирование системы сводных каталогов различных видов изданий. Все это потребовало организационной перестройки научных отделов, создания новых научных секторов и проблемных групп. Значительно расширилась издательская деятельность ГПБ прежде всего за счет публикации фундаментальных библиографических указателей, серий сборников научных трудов, монографических исследований, описаний уникальных фондов и коллекций Библиотеки, издания рукописных памятников.

В 1970-е—1980-е гг. впервые развернулись совместные научные исследования Публичной библиотеки с государственными библиотеками ГДР, НРБ, ПНР, ЧССР, Сербии и Черногории. Значительно вырос научный потенциал Библиотеки; с 1976 г. была восстановлена практика направления сотрудников в целевую аспирантуру Ленинградского государственного института культуры им. Н.К. Крупской. При непосредственном содействии Леонида Александровича подготовлен и защищен ряд кандидатских и свыше 10 докторских диссертаций. В те же годы под его руководством и при его непосредственном участии организованы и проведены всесоюзные и всероссийские совещания и конференции по актуальным проблемам библиотечного дела и библиографии. Ежегодно проводились научные конференции ГПБ, конференции молодых специалистов, традиционными стали научные чтения.

В этот период в Библиотеке впервые стали применяться элементы автоматизации при обработке книг, механизация транспортировки литературы из фондов в читальные залы. В на-

чале 1970-х годов первой в Ленинграде Библиотека ввела услугу по ксерокопированию материалов для читателей. Были введены новые формы информационно-библиографического обслуживания, в частности, система ИРИ. Существенную роль сыграла организация системы крупных выездных выставок и обзоров, проводившихся совместно с ведущими предприятиями и научно-исследовательскими учреждениями города. Библиотека значительно расширила книгообмен, прежде всего с зарубежными партнерами, что способствовало пополнению ее фондов ценными иностранными изданиями. Началась рекаталогизация старых иностранных фондов ГПБ, уникальных по своему содержанию.

В разные годы Леонид Александрович активно занимался общественной деятельностью. Он был депутатом Ленинградского городского совета 15-го созыва (1975—1977); членом Бюро Совета по библиотечной работе при Министерстве культуры СССР; членом Совета по библиотечной работе при Министерстве культуры РСФСР, председателем Секции депозитарного хранения; членом Межведомственной комиссии по координации деятельности специальных, научных и технических библиотек при Государственном Комитете по науке и технике Совета Министров СССР; членом научно-методического Совета по библиотечному образованию при Министерстве высшего и среднего образования СССР; заместителем председателя Межведомственного совета при Главном управлении культуры Ленгорисполкома; членом правления Общества любителей книги РСФСР; членом правления Ленинградского областного комитета защиты мира; членом правления Ленинградского отделения Общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами; Президентом Ленинградского отделения Общества дружбы «СССР-Дания»; членом Санкт-Петербургского общества историков и архивистов.

За успехи в административной, научной и общественной деятельности Л.А. Шилов многократно отмечался высокими правительственными наградами. Среди его наград — медаль «За доблестный труд» (1970), два ордена «Знак Почета» (1961, 1976), орден Трудового Красного Знамени (1990). В 1978 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». В 1983 г. постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР и

Президиума ЦК профсоюзов его имя было занесено в «Книгу Трудовой славы» Министерства культуры РСФСР, в 1984 г. — в «Книгу Почета» Министерства культуры СССР.

С 1985 по 1993 г. Леонид Александрович продолжал работать в Публичной библиотеке заместителем директора по научной работе, развивая и упрочивая все те научные направления, которые были заложены в годы его директорства. В этот период он бесспорно был «мозговым центром» библиотечного дела страны. Ему принадлежит концепция развития библиотечного дела в РСФСР до 2005 г. Он являлся одним из участников разработки первого в нашей стране Закона «О библиотечном деле в Российской Федерации» (1994).

Во все времена, будучи на крупных административных постах, Л.А. Шилов всегда придерживался того мнения, что «тренер должен быть играющим», и не оставлял научных занятий и исследований. К этому его подталкивала и внутренняя сущность ученого-историка. Он является автором и редактором более 150 работ по проблемам истории высшей школы в России (дореволюционный и советский период), в том числе Ленинградского университета: студенческой печати; общих проблем библиотечного дела, библиотековедения и библиографии, фундаментальных указателей, посвященных газетам, книговедческих трудов. Ряд статей он опубликовал в научных журналах: «Вестник высшей школы», «Известия высших учебных заведений. Сер. «Правоведение», «Вестник ЛГУ», «Советская библиография», «Библиотекар» («Библиотека»), «Библиотековедение и библиографоведение», «В мире книг», «Библиотековедение и библиография за рубежом», «Советское библиотековедение»; газетах «Правда», «Советская культура», «Ленинградская правда», «Вечерний Ленинград»; других отечественных и зарубежных изданиях.

Среди его научных занятий — участие в работе многих редколлегии и научное редактирование известных библиографических, книговедческих, библиотековедческих трудов. Он являлся членом редколлегии серии рекомендательных и научно-вспомогательных библиографических указателей («Страны и народы мира» (1975—1989)), «Периодическая печать в России в 1917 году» (Ч. 1-3. 1987), «Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина: Библиографический указатель литературы...» (3

вып.: 1987—1989), «Указатель заглавий произведений художественной литературы, 1801—1975» (1985—1992), «Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в.» (1984—1986) и др. Он состоял членом редколлегии ряда научных трудов, в том числе «Сборника материалов в помощь научной деятельности библиотек» (Вып. 1—13. 1973—1976), «Пометы Г.В. Плеханова на книгах его библиотеки» (1983—1990), «Книга в России, 1861—1881» (Т. 1-3. 1988—1991) и др., а также профессиональных продолжающихся изданий («Вестник ЛГУ» (1950-60-е гг.), «Библиотекар» (1971—1985), «Советское библиотековедение» (1985—1994), «Библиотековедение» (1994—1995). С 1995 г. он является членом общественного совета издания «Ленинградский мартиролог, 1937—1938».

Прекрасный оратор, интересный рассказчик, Леонид Александрович неоднократно выступал и выступает с докладами на научных и научно-практических конференциях и совещаниях всесоюзного и всероссийского уровня, международных симпозиумах и семинарах, ежегодных сессиях ИФЛА, в том числе на Международном семинаре «Проблемы управления библиотекой» (1979), Всероссийских совещаниях директоров республиканских (АССР), краевых и областных библиотек РСФСР (1973, 1974, 1978, 1979, 1980), Конференции библиотечных работников (София, 1973), Советско-французском библиотечном семинаре (Париж, 1981), Советско-шведском семинаре (Стокгольм, 1981), Всесоюзном совещании по проблемам библиографии (Вильнюс, 1981), Финляндско-советском семинаре по вопросам ретроспективной национальной библиографии (Хельсинки, 1932), пленуме Всесоюзного библиотечного совета (Вильнюс, 1982) и др.

Подтверждением высочайшего уровня научных исследований, проводимых Леонидом Александровичем, служат его награды. Он трижды становился лауреатом первой премии Министерства культуры Российской Федерации за лучшую научную работу (1979, 1981, 1996).

В разные годы он состоял членом Ученого совета ЛГУ, Библиотеки АН, в 1970—1985 гг. — председатель, с 1985 г. — член Ученого совета ГПБ (РНБ).

С 1994 г. и по сей день Леонид Александрович продолжает трудиться в должности ведущего научного сотрудника Российской националь-

ной библиотеки. В последние годы основная специализация его научной деятельности — история библиотечного дела, прежде всего — Императорской Публичной библиотеки (ГПБ, РНБ). Инициатор, главный редактор, автор предисловия и более 160 персональных глав в библиографическом словаре «Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры» (Т. 1: «Императорская Публичная библиотека, 1795—1917 гг.»).

Леонид Александрович продолжает неустанно трудиться над созданием второго тома этого издания, возвращая из небытия и забвения имена ее сотрудников, очеловечивая историю нашей замечательной Библиотеки. Он сумел увлечь идеей создания этого биографического энциклопедического свода свыше 160 авторов, среди которых и сотрудники Публичной библиотеки, и ее ветераны, и работники других научных учреждений Санкт-Петербурга.

Он — признанный глава формирующейся на наших глазах подлинной школы историков Российской национальной библиотеки. Будучи исключительно скромным, лишенным честолюбия

и тщеславия человеком, Леонид Александрович старается никогда не подчеркивать своей главенствующей роли и решительно протестует, когда его называют главой школы и научным лидером.

Леонид Александрович занимается вопросами истории библиотечного дела и библиографии в самом широком спектре. Он является членом редколлегии продолжающегося сборника научных трудов «История библиотек: Исследования, материалы, документы», инициатором создания и научным редактором широко известного сборника «Историко-библиографические исследования» (Вып. 1-7. 1990—1998).

Всех, так или иначе соприкасающихся с этим человеком, поражают и привлекают его блестящая эрудиция, исключительное умение увлекать окружающих научными идеями, щедрая и бескорыстная помощь во всем любому исследователю, обратившемуся к нему с вопросом.

Мы желаем Леониду Александровичу крепкого здоровья, бодрости, творческих успехов, научных открытий, сохранения неутомимости и увлеченности, которые всегда были присущи этому неординарному человеку и ученому.

КОНСПЕКТ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ...

написанный учениками

Валентина Владимировна Брежнева — доцент кафедры научно-технической информации Санкт-Петербургского университета культуры, канд. пед. наук

Татьяна Викторовна Захарчук — и.о. зав. научно-исследовательским отделом библиотековедения Российской национальной библиотеки, канд. пед. наук

Олег Менделевич Зусьман — доцент кафедры научно-технической информации Санкт-Петербургского государственного университета культуры

Почти невозможно писать объективно о человеке, которого хорошо знаешь и очень любишь. Пусть объективность будет уделом оппонентов, а ученикам пусть никто не откажет в привилегии говорить о своем учителе с любовью. Мы будем говорить о нашем учителе, Валентине Альфредовне Минкиной — библиографе, библиотековедке, профессоре кафедры научно-технической информации Санкт-Петербургского

университета культуры, воспитавшей несколько поколений библиотечно-информационных работников Санкт-Петербурга.

Вряд ли в нашем городе найдется хоть одна более или менее крупная научная библиотека, в которой не работают ученики Валентины Альфредовны.

Каждый из нас может сказать, что встреча с Валентиной Альфредовной во многом опреде-

лила его профессиональную и личную судьбу. Нет сомнения, что такие же или похожие слова произнесут многие ее ученики: педагоги библиотечно-информационных факультетов вузов культуры, библиотекари и библиографы, работники информационных и т.п. служб.

Мы лишь попытались составить краткий конспект той большой монографии, которую мы бы хотели написать для серии книг «Выдающиеся ученые и педагоги библиотечного Санкт-Петербурга». Серия, которую, надеемся, будет издавать Санкт-Петербургское библиотечное общество.

Глава 1. Ее учителя

Когда пишешь об ученом, нельзя не сказать об его учителях, о тех людях, которые сформировали его будущее в науке. Валентина Альфредовна закончила Ленинградский институт культуры по кафедре технической литературы, на которой несколько позже написала и успешно защитила диссертацию под руководством Л.В. Зильберминц. На этой кафедре (сейчас кафедре научно-технической информации) Валентина Альфредовна и преподает уже около 30 лет. Свое уважение и любовь к учителям она передала и своим ученикам.

С самого начала мы, ученики, знали имена Н.А. Мохова, Д.Ю. Теплова, В.В. Гнучевой. Всегда с особой теплотой звучало имя Людмилы Вениаминовны Зильберминц, чей авторитет стал непрекращаемым для всех, кто когда-либо учился и работал на кафедре. Все ученики Валентины Альфредовны с гордостью говорят о том, что принадлежат к научной школе Л.В. Зильберминц, а теперь добавляют — и к школе Зильберминц-Минкиной.

Благодаря Валентине Альфредовне на кафедре сложилось бережное отношение к истории кафедры, сохраняемое во всем: в фотографиях основателей кафедры; во встречах со старыми сотрудниками; в подготовке библиографий сотрудников; в подготовке воспоминаний и статей о людях, работавших на кафедре.

Глава 2. Ее коллеги

Вместе с Валентиной Альфредовной к научной школе Л.В. Зильберминц принадлежат и такие известные ученые и педагоги, как Г.В. Гедримо-

вич, Э.Е. Рокицкая, Т.А. Белогорская.

Они все вместе и были той «могучей кучкой», которая определяла на кафедре научную жизнь, воспитывала в учениках уважение к делу и создавала ту атмосферу доброжелательности, которая всегда привлекала студентов.

Глава 3. Ее ученики

Валентина Альфредовна прекрасный педагог. В это понятие мы вкладываем не только лекторское мастерство, но неспякаемую любовь и уважение к студентам. В каждом из них, даже в самых безнадежных, она находит какие-то привлекательные стороны, относясь к преподаванию как к сотворчеству педагога и студента.

Главными на кафедре всегда были и остаются не преподаватели, а студенты. Студенты никогда не стоят под дверью, каждому назначается время индивидуальных консультаций, и вот тогда и появляется абсолютная студенческая уверенность, что важнее тебя и твоей курсовой (диплома, диссертации и т.д.) в жизни Валентины Альфредовны ничего не существует. Каждый из ее учеников помнит неловкость, появляющуюся во время примерно такого разговора:

В.А.: «На странице 39 Вашей работы во 2-м абзаце надо более четко оговорить идею, конкретизировать мысль. Я предлагаю перестроить этот фрагмент следующим образом...» А ты стоишь и судорожно пытаешься вспомнить, есть ли у тебя работа, есть ли в ней 39 страница и есть ли на ней мысль.

Что еще? Колоссальная работоспособность, рождающая в окружающих уверенность, что «шеф» может все и всегда. Типичная ситуация выглядит так: 10-минутный перерыв между парами. Полуживая, после четырех, нередко шести, а иногда и восьми часов занятий, Валентина Альфредовна заходит на кафедру с надеждой выпить чашку кофе и позвонить домой, дабы осуществить «телефонное воспитание» внуки. Но это только ее надежды, поскольку перемены с нетерпением ждали и мы и, только завидя «шефа», начинаем задавать самые разные вопросы, требующие для ответа от легкого кивка головой, подписи, разрешения до подробного философского отступления. И Валентина Альфредовна успевает за эти 10 минут решить те проблемы, над которыми мы бились недели. Мы, конечно, знаем из истории, что были люди, которые могли одновременно слушать, думать,

говорить и писать, но из живущих рядом знаем только нашего «шефа».

Валентиной Альфредовной подготовлено 9 кандидатов педагогических наук. На первый взгляд, это не так уж и много. Но сегодня уже они определяют развитие библиотечно-информационной науки в стране. Это профессор, заведующий кафедрой Омского государственного университета Е.М. Смирнов, доценты различных институтов культуры В.А. Глушко (Харьков), Н.В. Огурцова (Омск), О.М. Зусьман и В.В. Брежнева (Санкт-Петербургский университет культуры), заместитель директора по научной работе Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского и др. Сейчас в науку пришли уже ученики учеников Валентины Альфредовны.

Валентина Альфредовна сочетает в себе качества блестящего педагога и замечательного ученого. Ее научная деятельность всегда очень тесно сочеталась с педагогической. Ее педагогический талант позволил привлечь в науку наиболее талантливую молодежь. А проводимые ею научные исследования всегда становились основой для новых учебных курсов и программ.

Глава 4. Вклад в развитие библиотечно-информационной науки

Диапазон научных интересов Валентины Альфредовны всегда был очень широк. Ею опубликовано более 100 работ. Она автор коллективной монографии, многих статей, учебных пособий, глав учебников, программ учебных курсов. Особенностью ее научного творчества стало постоянное изменение научных интересов под воздействием требований времени (то, что социологи науки называют профессиональной мобильностью).

Предметный анализ публикаций Валентины Альфредовны позволяет выделить основные, последовательно развиваемые ею направления. Сначала это были проблемы информационно-поисковых языков и возможностей библиотечно-библиографических классификаций. В середине 70-х годов основное внимание сосредоточено на связи документальный поток — библиографическая продукция. Исследования посвящены вопросам библиографирования технической литературы, оценке качества библиографических пособий. Эта тема продолжается в 80-х годах на основе изучения документаль-

ных потоков, когда выходят в свет работы по организации проблемно-ориентированного информационного обеспечения и слежения за развитием отраслей и проблем в области естествознания и техники. В конце 70-х годов В.А. Минкиной в соавторстве с Э.Е. Рокицкой открывается новое для отечественной библиографии направление исследований документального потока — изучение ценностных свойств потока — изучение ценностных свойств документов, качественная оценка их библиографами. В конце 80-х годов В.А. Минкина занимается изучением проблем библиографического обслуживания специалистов. Вместе с коллегами ею найден нетрадиционный подход — психологическое изучение профессионального чтения, позволивший объединить результаты изучения ценностных свойств документов, условий чтения и ситуаций библиографического обслуживания в единый комплекс проблем организации обслуживания специалистов научно-технических библиотек предприятий и организаций, наметить пути и проблемы библиографического обеспечения специалистов в условиях межведомственного взаимодействия библиотек, разрабатывать проблемы информационного менеджмента и маркетинга.

В то же время наметился переход к разработке проблем оценки информационно-библиотечного потенциала региона, анализа взаимодействия библиотек различного типа и подчинения. Этой проблеме посвящена монография «Библиотечная система крупного города» (1993 г.), в которой освещены вопросы истории и современного состояния библиотечной системы Санкт-Петербурга.

Особое место в научном творчестве В.А. Минкиной занимает комплексная проблема роли библиотечно-библиографического обслуживания в непрерывном образовании специалистов. Результаты этого исследования в 1993 г. были защищены в качестве докторской диссертации.

Известность среди коллег получили и работы последнего пятилетия, связанные с изучением информационной культуры специалистов, рассмотрением проблем имиджа библиотек, информационного поведения ученых.

Однако вклад ученого определяется не только количеством опубликованных работ, широтой их тематики, но и тем, как они используются в профессиональном сообществе и смежных научных дисциплинах. Установлено, что количество ссылок на публикации Валентины Альфредовны, сделанных в основных профессио-

нальных журналах России и в диссертационных исследованиях — более 300. На ее работы ссылаются не только те, кто работает в близких научных направлениях, но и ученые, занимающиеся самыми разными проблемами библиотечно-информационной науки, социологи, науковеды, психологи, педагоги.

Мы сумели выявить работы нашего учителя, которые вызвали наибольший интерес.

В основном пока это работы 70-х—80-х годов. Еще рано говорить об активном цитировании более поздних публикаций. К наиболее цитируемым публикациям В.А. Минкиной относятся:

Библиографические описания наиболее цитируемых публикаций	Число ссылок
1. Техническая литература как источник информации: Учеб. пособие / ЛГИК. — Л., 1979. — 68 с. (В соавт. с Э.Е. Рокицкой).	30
2. Тенденции развития СБА низовых НТБ и служб информации // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1981. — № 10. С. 3—6.	17
3. Изучение документальных потоков для целей слежения за развитием отраслей и проблем // Документальные потоки по естественному и технике и проблемы библиографии: Сб. науч. тр. / ЛГИК. — Л., 1983. — С. 140—160.	13
4. Основные направления профессиональной оценки технической литературы // Науч.-техн. б-ки СССР. — 1979. — № 1. — С. 11—16.	14
5. Отражение ведомственной литературы в текущих библиографических изданиях министерств и ведомств // Науч.-техн. б-ки СССР. — 1973. — № 2. — С. 3—12 (в соавт. с Л.В. Зильберминц и Г.В. Гедримович).	12
6. Современное состояние сигнальной информации ВИНТИ (на примере СИ по автоматике и радиоэлектронике) // Науч.-техн. информация. Сер. I. — 1973. — № 6. — С. 29—35 (в соавт. с Л.В. Зильберминц и Г.В. Гедримович).	12

Однако научная работа Валентины Альфредовны не замыкается в стенах кафедры и университета. Она — талантливый организатор науки, член Ученого совета Университета культуры, Совета по присуждению ученых степеней, Ученого совета Международной школы социологии науки и техники. И, наконец, она член Правления Санкт-Петербургского библиотечного общества. Во всех этих организациях она работает в полную силу, никогда ее членство не является формальным.

Что еще? Неиссякаемый творческий потенциал, основанный на вере в безграничные возможности профессии. Отсюда стремление к социальной экспансии, а это значит постоянное обновление классических курсов и разработка новых: от зарождения идеи до аудиторного исполнения. Понимание того, что для того, чтобы

профессии выжить, ей надо изменяться. Понимание единства теории и практики. Отсюда желание участвовать в экспериментальных исследованиях, привнося реальность, опыт работы в аудиторные курсы. И желание привлечь практиков к исследовательской работе, совместные исследования с Библиотечным обществом, с Библиотекой им. В.В.Маяковского, с ВУЗовскими библиотеками и др.

И последнее. Работа рядом с Валентиной Альфредовной ставит очень высокую планку. И хотя всем нам уже достаточно много лет, нам стыдно сделать работу плохо, получить упрек. И мы очень стараемся. Поэтому один из основных мотивов нашей деятельности — любовь к «шефу», и мы, ученики Валентины Альфредовны, не стесняемся высоты этих слов.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ ШКОЛА: МИФ... ТАЙНА... ФАКТ?

Аркадий Васильевич Соколов — доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, Заслуженный работник культуры России, почетный член ПБО

Словосочетание «Петербургская библиотечная школа» возникло на одном из заседаний правления Петербургского библиотечного общества, когда решался вопрос о названии журнала ПБО. Были предложены разные варианты, остановились на «школе». Почему? Аргументов было несколько.

Школа — не только учреждение, это сложный социальный институт, где формируются личности и вызревают профессионалы. Школа не может ограничиваться стенами учебных заведений, потому что образование человека продолжается и после получения аттестатов и дипломов. Образование — процесс непрерывный, особенно в наше динамичное время, время перехода от старых культурных стереотипов к новым, пока еще неизвестным нам. Это первое.

Второе. Профессиональное добровольное общество — не профсоюз, хотя ему не мешает заниматься социально-экономическими проблемами; оно — не политическая партия, хотя ему приходится иметь дело с органами власти; оно — не досугово-развлекательный кружок, а гораздо более серьезное социальное явление. Профессиональное общество — это та среда, в которой формируется профессиональное самосознание, где обсуждаются такие «вечные вопросы», как место и роль библиотек в современной Петербурге; цели, методы, средства современной библиотечной деятельности; идеалы петербургского библиотекаря наших дней.

В учебниках и монографиях нет окончательного ответа на эти вопросы, их нужно находить самим библиотечным работникам в зависимости от ситуации, сложившейся вокруг библиотек. Разумно организованное профессиональное общение — главный путь поисков такого рода. Общение же — всегда взаимное обучение, обмен знаниями, эмоциями, волевыми импульсами; это школа, где каждый одновременно и учитель, и ученик.

Наконец, третий аргумент. Школа — это не только учебное заведение, формальное или неформальное, не только выучка в каком-либо деле, но еще и социальная группа, осознающая свое единство благодаря общности знаний, убеждений, опыта. Хотелось бы, чтобы члены Петербургского библиотечного общества представляли собой особую петербургскую библиотечную школу, узнаваемую в массе российских библиотекарей, имели бы «лица необщее выражение». Конечно, не о местничестве снобизме идет речь, а о той духовности, про которую Пушкин сказал:

*Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни поведет,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам...*

Я бы добавил «наше ПБО».

Приведенные доводы показались убедительными, и в 1997 году появился журнал «Петербургская библиотечная школа». Журнал с таким названием — это бесспорный факт, но существует ли фактически такой феномен, как Петербургская библиотечная школа? Может быть, мы мечтаем о недостижимом и занимаемся мифотворчеством? Может быть, Петербургская библиотечная школа — это миф? Допустим, что так. Но ведь в сотворении мифов нет греха, а есть глубокий, жизненно важный смысл.

Мифология — необходимая эмоциональная составляющая профессионального сознания. Библиотечная профессия в России, как ни странно, является профессией, овеянной мифами. Мифами, возвышающими и мифами, унижающими библиотекаря. Миф первый — «скромная и благородная»:

*Милые тихоголосые женщины,
В книгах — всеведущи,
В жизни — застенчивы...
Кажитесь вы мне красивыми самыми,
Залы читален мне видятся храмами...*

Л. Ошанин

У Каверина находим: «Библиотечная профессия — одна из самых благородных профессий, требующая терпения, любви к делу, силы души... Дело, которому отдает свою жизнь библиотечный работник, потому и требует такой любви, такой самоотверженной преданности, что это очень скромное и, на первый взгляд, почти незаметное дело».

Миф второй — «старомодная и чудаковатая»: *Она некрасива, старомодна, нелепо одета, смешна и беззащитна в своей искренности и стремлении служить людям. Окружающие относятся к ней со снисходительным удивлением, а поочас со злой издевкой... Старая дева — хранительница книг, пропитанная миссионерскими настроениями, заложеными в нее в библиотечной школе.*

Миф третий — «элегантная, обаятельная». По внешнему виду это *современная девушка, следящая за собой, с глазами, устремленными вперед и полными света, удивления и радости*, или современная женщина — *высокая, хрупкая, походящая на картинку из модного журнала, любящая отдохнуть и повеселиться*. Внутренне — это человек дела, не представляющий себе жизни без работы, человек огромной культуры, прекрасен образованный, почти профессионально разбирающийся в живописи и музыке.

В этом ряду не лишним был бы миф об особой «Петербургской библиотечной школе», разумеется, миф возвышающий, а не унижающий. Однако, в отличие от сказок, мифы не придумываются, мифы рождаются стихийно, это естественные продукты общественного сознания. «В мифе, — по словам Ф.Х. Кассиди, — переплетаются вымысел, вера и знание... Миф — особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни» (Кассиди Ф.Х. От мифа к логосу. — М., 1972. — С. 39, 41). Мифология не ушла в прошлое вместе с архаической культурой, она продолжает существовать в наши дни, активно воздействуя на массовое сознание. Сила мифа в том, что он не беспочвенная фантазия, он правдоподобно и убедительно объясняет реальные явления, вовсе от них не отрываясь. Для того чтобы Петербургская библиотечная школа стала полноценным мифом, должна быть реальная почва,

на которую мог бы опереться этот миф. Такая почва есть, и называют ее *петербургской метафизикой*.

Петербургской метафизике, тайне обаяния Северной Пальмиры посвящена обширная литература. Философы, историки, краеведы точнее — петербурговеды, писатели, публицисты написали немало замечательных страниц о таинственном Духе, загадочной Душе Петербурга. Начало этой пляяде положила великодушная книга Н. П. Анциферова «Душа Петербурга» (1922). Правда, первооткрыватель петербургской метафизики (именно метафизики, а не физиологии, которая изучалась еще в середине XIX века) намеренно себя ограничивал: «Не следует задаваться совершенно непосильной задачей — дать определение духа Петербурга. Нужно поставить себе более скромное задание: постараться наметить основные пути, на которых можно обрести «чувство Петербурга», вступить в проникновенное общение с гением его местности».¹

Прошло 75 лет, и современные ученые — семиотики решились сделать то, что скромный Н.П. Анциферов считал для себя непосильным. Цитирую: «Под «метафизикой Петербурга» мы понимаем его замкнутую семиосферу, осуществляющую трансперсональное преобразование».² Если «гений местности», с которым призвал общаться Н.П. Анциферов, — нечто неосознаемое, то семиосфера осознаема и наблюдаема. Она представляет собой совокупность культурных знаков, вольно или невольно воспринимаемых органами чувств и оказывающих воздействие на горожан, т.е. осуществляющих трансперсональное преобразование их сознания.

К числу этих знаков относятся архитектура, изобразительное искусство, этикет, мода, костюм, обыденное общение и, конечно, литература, точнее — книжность в целом. Ясно, что у каждого города есть своя неповторимая индивидуальность и семиосфера Петербурга отличается от семиосферы Москвы, Парижа, Одессы или любого другого города. Не следует сбрасывать со счета также природно-климатические различия (вспомним несравненные белые ночи), исторические ассоциации, связанные со славным прошлым (чего стоят 900 дней

блокады) и с великими людьми, одухотворившими город.

Проницательный В.Г. Белинский отмечал отражение «преимущественного гражданства того или иного города» в творчестве «великих талантов, которых назначение быть представителями национального духа». Он писал: «Поэт, который более сжился бы с правилами московскими и менее был бы гражданином Петербурга, чем Пушкин, или не написал бы «Онегина», или написал бы его иначе» (Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.8. М., 1955. С. 554, 555). По-видимому, не случайно Москва стала центром славянофильства, а Петербург — центром серебряного века русской культуры.

Коль скоро метафизика Петербурга налицо, то полноправными представителями и служителями духа Петербурга становятся не только петербургские поэты и художники, но и библиотеки, и библиотечные коллективы нашего города. Метафизика городской атмосферы одухотворяет Петербургскую библиотечную школу и естественным образом проявляется в знаменательных фактах библиотечной жизни. Напомним некоторые из них.

Именно в Петербурге была основана в 1714 году первая научная библиотека, которая позже стала академической и в течение всего XVIII века оставалась главной библиотекой России. В 1783 г. Екатерина II даровала ей полномочия получать и хранить все образцы издательской продукции в России (начало законодательства об обязательном экземпляре). Не случайно в Петербурге была открыта в 1814 году Императорская Публичная библиотека, до сих пор играющая роль национального хранилища. В 1907 году в Петербурге стала публиковаться «Книжная летопись», которую готовили петербургские библиографы. В 1918 году в Петрог-

раде был открыт первый в нашей стране библиотечный факультет, положивший начало высшему библиотечному образованию. Примеры можно множить и множить, и все они доказывают одно и то же: именно Душа Петербурга востребовала главные новации русской книжной культуры и обеспечила их реализацию.

Вернемся в наше время. В мае 1989 года именно на невских берегах было образовано первое российское библиотечное общество. В том же году в нашем городе состоялся первый библиотечный съезд. Нам выпала честь возродить демократическое библиотечное движение в нашей стране. Наша инициатива была подхвачена в Москве, в других городах России. Здесь, в нашем городе, в 1990 году состоялась учредительная конференция Российской библиотечной ассоциации. С 1997 года регулярно издается первый журнал регионального библиотечного общества — «Петербургская библиотечная школа». Кажется, что эти факты подтверждают жизненность петербургской библиотечной традиции.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что мифические и мистические особенности Петербургской библиотечной школы проявляются в двух, вообще говоря, противоположно направленных устремлениях: во-первых, в новаторской неуспокоенности, чувстве нового, готовности к трудам, заботам, а если надо — к риску; во-вторых, в верности традициям питерской культуры и интеллигентности, в почитании мудрых учителей своих, в преданности волшебной метафизике Петербурга. Что же касается библиотечного форума, приуроченного к десятилетию создания ПБО, то я его воспринимаю не как юбилейное мероприятие, не как праздничный ритуал, а как открытый урок Петербургской библиотечной школы.

¹ Анциферов Н.П. Душа Петербурга. — Репринтное изд. — М., 1990. С. 14

² Спивак Д.Л. Северная столица. Метафизика Петербурга. — СПб., 1998. С. 6.

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ БИБЛИОТЕКАРЯ

Валентина Альфредовна Минкина — доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой научно-технической информации Санкт-Петербургского государственного университета культуры, член Правления Петербургского библиотечно-общественного общества; сфера научных интересов — информационный менеджмент, проблемы формирования имиджа и корпоративной культуры

Наталья Васильева — студентка-дипломница библиотечно-информационного факультета Санкт-Петербургского государственного университета культуры

Актуальность проблемы

В настоящее время осознано, что успешность деятельности любой организации зависит от мотивированности персонала, нацеленности сотрудников на решение общих задач при отношении к ним как к лично значимым. В основе же мотивации коллектива лежат ценности корпоративной культуры.

Проблемы формирования корпоративной культуры начали разрабатываться в теории социального управления сравнительно недавно, первое упоминание термина относится к 1980 г. Как синонимы часто используются понятия «организационная культура», «философия фирмы». Существует большое число определений, из которых следует, что одни авторы понимают корпоративную культуру как систему ценностей организации, другие — как комплекс разделяемых членами коллектива норм, эталонов поведения, обуславливающих индивидуальность фирмы в большей степени, чем выпускаемая ею продукция (1).

Отсутствие традиций изучения корпоративной культуры и неоднозначность ее трактовки приводят к тому, что часто смешиваются или подменяются представления о культуре организации и существующем морально-психологическом климате, стиле руководства, поведении фирмы во внешнем мире и т.д. Все эти явления, конечно, имеют отношение к корпоративной культуре, но являются либо ее составляющей, либо следствием. Культура определяет климат организации, стиль взаимоотношений сотрудников и их поведение, а практический опыт поведения в свою очередь стимулирует развитие культуры.

Судя по публикациям в библиотечной печати, проблемы формирования корпоративной

культуры не стали еще предметом изучения ни ученых, ни библиотекарей-практиков. Хотя и здесь отдельные ее составляющие (этические нормы библиотечного обслуживания, мотивация персонала) обсуждаются все активнее. Много пишут и о путях формирования имиджа библиотек. Но все эти, бесспорно, очень важные вопросы рассматриваются изолированно, тогда как на самом деле они являют собой компоненты одной сложной системы и должны изучаться именно в ее пределах.

В данной работе предпринята попытка рассмотрения проблемы формирования корпоративной культуры применительно к деятельности библиотек. Мы поставим перед собой ряд задач:

- описать корпоративную культуру как феномен;
- выявить особенности ее формирования в библиотеке;
- охарактеризовать тесторонныбиблиотечной деятельности, которые в наибольшей степени подвергнуты влиянию корпоративной культуры;
- изучить представление сотрудников публичных библиотек Санкт-Петербурга об особенностях и значимости корпоративной культуры.

Цели формирования корпоративной культуры

Специалисты по управлению не обсуждают необходимость формирования корпоративной культуры и положительного образа организации в глазах общественности. Дело в том, что и определенная культура, и какие-то мнения об учреждении или фирме существуют всегда. Начиная деятельность Public Relations (PR), организация не заполняет пустоту, а замещает одну информацию другой. И речь всегда идет либо о сознатель-

ном и целенаправленном формировании корпоративной культуры, либо о том, чтобы довольствоваться стихийно складывающимися ценностями, нормами и традициями поведения.

Из этого постулата нужно вывести и еще одно следствие. Определенная культура присуща любой организации, чем дольше период ее существования, тем сильнее привычки и стереотипы. Поэтому процесс формирования корпоративной культуры считается очень трудным и длительным.

Корпоративная культура складывается из комплекса составляющих, важнейшими среди которых являются:

- представления о миссии, назначении организации, основных целях ее деятельности;
- вытекающие из миссии ценности организации; представление о средствах, использование которых допустимо для достижения целей;
- принятые нормы распределения власти и полномочий; стиль взаимоотношений внутри организации и за ее пределами;
- отношение к истории, традициям, обычаям;
- порядок приобщения новых членов коллектива к ценностям организации;
- принятые способы мотивации и поощрения сотрудников, способствующие достижению общих целей.

Рассмотрим последовательно указанные составляющие, обращая особое внимание на специфическую их проявления в деятельности библиотеки.

Ведущее место в формировании корпоративной культуры принадлежит целевому началу. Оно отражает и заинтересованность общества в существовании учреждений данного типа, и осознание персоналом значимости собственного труда, и смысл деятельности руководителя.

Существует широкое и узкое понимание миссии. В широком смысле миссия характеризует предназначение организации и определяет ее тип. И когда мы говорим о музеях, библиотеках и театрах как учреждениях культуры, основанием для их объединения в одну группу служит именно общность целевого начала. Важно отметить, что представление о миссии в широком смысле меняется медленно.

В узком понимании миссия проявляется как сформулированное достаточно развернуто и де-

тально утверждение относительно того, для чего существует именно данная организация, что позволяет относить ее к определенной группе социальных институтов и, одновременно, что отличает ее от других аналогичных учреждений и делает уникальной.

Определение миссии и генеральных целей, их принятие всеми работающими является принципиально важным. Именно оно позволяет связать воедино и приблизить технологические, административно-управленческие и коммерческие проблемы учреждения к социальным ожиданиям сотрудников, убедить их в общественной значимости и гуманистической направленности повседневного труда. Осознание же своей роли в успешности развития организации, заставляет персонал ориентировать действия в едином направлении. Причем чем большим по числу работающих является учреждение, тем важнее осознание и внутреннее согласие сотрудников с декларируемыми целями. Это объясняется тем, что раздробленный технологический процесс, присущий именно крупным организациям, часто ведет к тому, что за повседневной монотонной работой сотрудники перестают видеть общий смысл своего труда и осознавать, что конечный результат стоит затрачиваемых ими усилий. Надо ли говорить, насколько эта проблема серьезна для больших библиотек. В них сотрудники отдела комплектования или обработки иногда начинают связывать смысл своей работы с приобретением литературы и отражением ее в СБА, а не с обслуживанием читателей, изменением спроса которых они не отслеживают именно из-за разделения труда и нечеткой системы взаимософормирования персонала разных подразделений.

Тогда отсутствие в фонде или СБА нужных материалов рассматривается как недочет, брак, имеющий место в любой работе. И отказ, который читатель, кстати, слышит из уст сотрудника другого отдела, никак не соотносится с нарушением прав личности на доступ к информации. Учитывая это обстоятельство, во многих крупных библиотеках практикуется ротация кадров, при которой работников внутренних отделов в определенные дни (недели, месяцы) переводят на абонемент или читальный зал.

Генеральные цели деятельности оказывают воздействие и на аппарат управления. Руководство соотносит с представлениями, задаваемыми

ми миссией, стратегические планы и текущие решения, оценивает допустимость используемых средств.

И, наконец, именно миссия дает субъектам внешней среды общее представление о том, каково предназначение организации, к чему она стремится, какие средства может и готова использовать для достижения поставленных целей. Неудивительно поэтому, что, формируя имидж учреждения, специалисты PR пытаются раскрыть его миссию в формулировке делового кредо или индивидуального девиза (слогана).

Определяя генеральные цели своей деятельности и основное предназначение организации, сотрудники совместно должны найти ответ на ряд очень непростых вопросов. Применительно к библиотеке они формируются следующим образом:

- какова миссия библиотеки в современном мире;
- какова миссия нашей библиотеки и почему;
- кто наши основные читатели, каковы их потребности и ожидания;
- соответствуют ли наличные ресурсы потребностям основных групп читателей, ответственность за обслуживание которых мы берем на себя;
- чем отличается наша библиотека от других и чем мы хотели бы, чтобы она отличалась;
- каков имидж нашей библиотеки, насколько он нас устраивает; что делается и что должно делаться для повышения престижа библиотеки.

Уже этот, конечно, неполный перечень вопросов показывает, что нахождение ответов требует не только их обсуждения в коллективе, но и систематического изучения (мониторинга) состава читателей, изменение спроса, удовлетворенности различных групп населения качеством обслуживания, осведомленности людей о библиотечных услугах и т.д.

Но вернемся к рассмотрению основных составляющих корпоративной культуры. Миссия определяет ценности организации, набор стандартов и критериев, которым люди следуют в своей деятельности. Ценности же задают предпочтения по типу «хорошо — плохо», «допустимо — недопустимо», «полезно — вредно». В учреждениях сферы обслуживания ценности связывают с людьми, ради удовлетворения потребностей которых существует организация.

В соответствии с этим основным посылом считается, что «клиент всегда прав», несмотря на то, что, «получив в ателье платье, которое плохо сидит, клиент думает не о сложности своей фигуры, а о том, что портной не умеет шить. И это его право» (2). Аналогично сказанному, читатель, не найдя нужной информации, также бывает склонен винить библиотекаря, хотя на самом деле весьма распространены ситуации, когда искомое знание отсутствует в совокупных информационных ресурсах, по крайней мере в том виде и в той формулировке, в какой его пытаются найти читатель. Но если читатель является смыслом труда библиотекаря, последний не преминет вспомнить ключевые правила обслуживания, гласящие, что трудные читатели не должны быть неожиданностью для библиотекаря. И что не бывает глупых читательских запросов.

Если же ценности сотрудников лежат в другой плоскости, то происходит иное. И, по образному выражению Е. Креславского, «можно научить продавца улыбаться, но если покупатель не входит в его систему ценностей, эта улыбка очень быстро превратится в оскал» (3).

Средства, избираемые руководством для достижения целей организации, также оцениваются сквозь призму ценностей. И тогда главным критерием оценки результативности работы становится качество обслуживания, мнение читателей, их удовлетворенность оперативностью и комфортностью предоставляемых услуг. Соответственно этому, все средства прямо или косвенно, не приводящие к такому результату, не считаются оправданными. Именно данное обстоятельство принимают во внимание, когда устанавливают режим работы библиотеки, правила общественного книгопользования, вводят платные услуги и штрафные санкции.

Гуманистические ценности делают неприемлемым долго бытовавшее мнение, что цель оправдывает средства. Напротив, «в условиях самого тяжелого социального кризиса поступать нужно так, словно ты совершенно уверен, что справедливость, счастье и мир победят, даже если тебя одолевают на этот счет сомнения» (4, с. 108).

Следует однако отметить, что смысл и перспективность многих средств и действий, избираемых руководством и соответствующих ценностям организации, но не дающих сиюминут-

ного очевидного эффекта, могут быть непонятны персоналу или даже неизвестны ему. А недостаточная информированность, во-первых, всегда приводит к возникновению слухов и домыслов, а, во-вторых, — к отчуждению сотрудников от организации, деятельность которой перестает восприниматься как личностнозначимая. Именно поэтому важнейшей составляющей корпоративной культуры являются принятые нормы распределения власти и полномочий, мера участия сотрудников в принятии принципиальных решений, устойчивость и стиль общения руководителей и подчиненных, руководителей разного уровня между собой, персонала различных подразделений.

Современный менеджмент базируется на уважении прав личности, стимулировании индивидуальных способностей, обеспечении сотрудникам возможности для самореализации.

Уважение к персоналу демонстрируется показом значимости личного вклада сотрудников, его справедливой оценкой, объяснением причин принятия тех или других решений или распределения поручений и ответственности. Если такое поведение руководителей является постоянным, то тогда даже сотрудники, наименее наделенные властью, не ощущают неравенства и, понимая принятую практику разделения функций, считают ее справедливой. Руководитель же, распределяя обязанности, исходит из индивидуальных способностей и психологических особенностей сотрудников. Ибо именно уникальные способности, знания и умения работающих позволяют организации быть конкурентоспособной. При индивидуальном подходе сотрудников рассматривают не как наемных работников, которыми руководитель распоряжается по своему усмотрению (пусть даже во благо и в интересах организации), но как партнеров по совместной деятельности. А наиболее опытных и квалифицированных специалистов считают экспертами в определенной области, со всеми вытекающими из этого статуса последствиями в плане прав, обязанностей и ответственности.

Но, настойчиво подчеркивают психологи, чем более квалифицированным является сотрудник, тем труднее им руководить. Он обладает собственной сложившейся жизненной позицией, взглядами и ценностями. Кроме того, неординарные творческие люди часто амбициозны, у них высокий уровень притязаний. Они ожи-

дают достойных условий труда, участия в стратегическом планировании и принятия принципиальных решений. Часто поэтому руководителю приходится выбирать между «удобными», легко управляемыми, но ориентированными лишь на выполнение конкретных поручений сотрудниками, и «неудобными», но творческими людьми, привносящими в деятельность организации новые, оригинальные, неожиданные идеи.

Для таких сотрудников одним из важнейших требований к организации и основным мотивом деятельности является возможность самореализации. Поэтому сознательно формируемая корпоративная культура всецело направлена на мотивацию персонала, содействие повышению квалификации людей, расширение зоны их прав и полномочий. Иначе говоря, успешные организации стремятся создать условия для развития и удовлетворения высших потребностей человека в его стремлении к сопричастности, успеху, обладанию влиянием и авторитетом, незаемности (6, с. 148). А для людей деятельных, энергичных, творческих самоактуализация столь важна, что если повседневный труд содействует их становлению и развитию как уникальных индивидов, они часто готовы мириться со многими трудностями.

Представляется, что в библиотечном мире мотивации персонала уделяется недостаточное внимание, хотя именно для данной сферы она особенно важна. Дело в том, что на деятельность человека влияют две группы факторов: факторы условий и факторы роста. К факторам условий относится размер зарплаты, режим работы, социальные гарантии и льготы и т.д. Факторы условий очень значимы, но автоматически не приводят к росту личности (6), т.к. «если платить мало, сотрудники уйдут или будут стремиться уйти. Если платить нормально, но только этим и ограничиваться, не следует ждать чудес производительности труда» (7). Иначе говоря, специалисты по управлению подчеркивают, что помимо достойного вознаграждения за труд важно еще многое другое.

В нашей стране факторы условий труда библиотекаря обеспечены недостаточно. Но если руководитель не обладает правом возможностью повысить зарплату своим сотрудникам и обеспечить их социальную защищенность, он должен самое пристальное внимание обращать на факторы роста как некоторую компенсацию

неудовлетворительных условий труда. Ибо «возможность влиять на принятие решений и коллективные ценности — это часть компенсационного пакета. Внутренний психологический и социальный комфорт ценится работниками очень высоко» (8).

Такая сопричастность обеспечивается оперативным и полным оповещением сотрудников о делах организации, изменениях внешней среды, возникающих проблемах и перспективах их разрешения. Получая сведения не по «рабочему месту», т.е. не только в рамках собственных полномочий и в связи с выполняемыми обязанностями, а много шире, сотрудники оказываются способными ориентироваться в обстановке, формировать свои представления. Одновременно они понимают, что их информируют потому, что для руководства и коллектива важна точка зрения каждого.

Право на свою точку зрения и право быть услышанным — неперенные атрибуты корпоративной культуры. Деловые споры, дискуссии рассматриваются как «сознательная конфронтация», как мощнейший фактор организационного развития.

Специалисты по социальному управлению отмечают в связи с этим, что при решении нетривиальных задач успешнее работают те фирмы, в которых есть место сомнениям, неопределенности, вариативности; где важные решения принимаются, не исходя лишь из мнения большинства, но с учетом позиций даже одиночных оппонентов. Культура, лишенная неопределенности, очень быстро становится агрессивной и нетерпимой к любому инакомыслию.

Но, конечно, речь идет только о спорах внутри учреждения. Общаясь с представителями других фирм, поставщиками, клиентами, сотрудники непременно демонстрируют единство взглядов и ценностей. Они поддерживают друг друга и руководство во внешнем мире, не допуская конкуренции или противопоставления интересов отдельных структурных подразделений, критики кого-либо из специалистов собственного учреждения. Благоприятный имидж формируется только в том случае, если руководство и коллектив выступают как единая команда.

На начальном этапе существования культуры организации складывается, главным образом, под влиянием ее основателей. Если их де-

ятельность была продуктивной, примеры жизни и работы выдающихся представителей учреждения наследуются, т.е. из имевшихся в прошлом ценностей и норм отбираются те, которые могут служить настоящему и будущему.

Основная причина обращения к истории — это стремление с позиций прошлого мотивировать персонал в настоящем. Кроме того, именно экскурс в историю и критическое осмысление обстоятельств создания организации, причин ее успехов и неудач, поведения «выдающихся» сотрудников в тех или иных ситуациях, позволяет объяснить сегодняшнее состояние дел. Знание традиций и обычаев вооружает людей определенными правилами поведения, облегчая тем самым принятие повседневных решений. Важно и то, что, видя, с каким уважением организация относится к собственной истории, работающие осознают, что и их вклад в общее дело не будет забыт. А это стимулирует творческую активность и способствует обновлению, развитию ценностно-нормативной системы за счет личного вклада каждого.

Легенды и анекдоты, передаваемые из уст в уста, образуют фольклор организации. В сочетании с традициями и ритуалами они активно используются при приеме на работу и последующей адаптации людей к новым для условиям труда. Все эти символические действия укрепляют связь человека с фирмой, содействуя (9, с. 412):

- приобщению индивида к культурному опыту;
- культурной преемственности, наследованию ценностей;
- созданию состояния коллективного эмоционального подъема.

Для библиотечной сферы все это является немаловажным: труд библиотечарей остается низкооплачиваемым и для привлечения творческой молодежи необходимо уметь акцентировать иные его привлекательные стороны. К их числу отнесем гуманистические цели деятельности, интеллектуальную сферу общения, психологическую защищенность работающих в коллективе единомышленников, уважение к человеку, проявляющееся, прежде всего, в создании условий для профессионального роста. Соответственно, решение о том, зачислить ли нового сотрудника, принимают исходя из того, значимы ли, привлекательны ли для него имен-

но эти ценности организации и насколько он способен вписаться в команду.

Далее, если, наблюдая за поведением коллег в повседневной жизни, знакомясь с принятыми нормами и правилами, новый сотрудник социализируется с ними, очень скоро он начинает осознавать себя членом сплоченного коллектива.

Причем, чем в большей степени человек разделяет ценности организации и дорожит принадлежностью к данной группе людей, тем больше его поведение будет совпадать с групповыми нормами, обогащая их.

Приказы, распоряжения, директивы в такой ситуации становятся ненужными или, по крайней мере, не определяющими. Люди делают то, что от них требуется, и сверх того не потому, что такова установка сверху, а потому, что не хотят, не могут подвести команду. Одновременно, работая в команде, человек обретает в ней опору для себя: команда защищает личность, повышает уверенность в себе, помогает ощутить собственную значимость и незаменимость. Когда же возникает понимание личной ответственности и зависимости общего результата от индивидуального вклада, человек преобразуется. Поэтому в задачи руководства входит вызвать необыкновенные побуждения у обычных, казалось бы, людей. Управление, базирующееся на мотивации, а не на администрировании, предполагает использование и соответствующих способов поощрения сотрудников, не ограничиваясь материальными вознаграждениями.

Если смысл корпоративной культуры связан с созданием условий для самоактуализации личности, то и формы поощрения избирают, исходя из задач организационного развития. Среди них зарубежные менеджеры отдают предпочтение:

- обучению, переобучению, повышению квалификации сотрудников за счет фирмы;
- расширению круга обязанностей специалистов при одновременном предоставлении им больших прав и самостоятельности;
- участию сотрудников в работе научно-технических советов, включению их в состав временных творческих коллективов;
- предоставление авторам права реализации собственных инициативных проектов;
- наставничеству;
- участию в интервьюировании кандидатов на вакансии с правом решающего голоса при

решении вопроса о принятии нового сотрудника в штат.

Подытоживая рассмотрение проблем формирования корпоративной культуры, охарактеризуем ее практическое влияние на деятельность организации. Помимо объединения усилий персонала, направленных на достижение общих целей деятельности, помимо содействия самореализации каждого сотрудника, она способствует профессиональной солидарности, которая облегчает выход из кризисных и стрессовых ситуаций, неизбежных в деятельности любых учреждений.

Кроме того, развитая корпоративная культура значительно облегчает взаимодействие организации с внешним миром. Осознавая и разделяя ценности своей организации, ее традиции и ритуалы, люди начинают значительно более терпимо относиться к взглядам, нормам и ценностям других, какими бы далекими от собственных они ни казались. Возникает понимание причин существования множественности культур. Терпимость же ведет не только к успешному сотрудничеству, но и к взаимобогащению людей. И, наконец, именно благодаря корпоративной культуре организации обретают неповторимость, сильные специфические черты, отличающие их от всех других.

Корпоративная культура в представлении работников публичных библиотек Санкт-Петербурга

Как уже отмечалось, проблемы формирования корпоративной культуры во всем многообразии этого явления еще не стали предметом обсуждения в библиотечной теории и практике. Поэтому показалось интересным выявить и сопоставить между собой представления сотрудников публичных библиотек Санкт-Петербурга о миссии библиотек и основных ценностях библиотечной профессии, о возможностях самореализации личности в ходе трудовой деятельности, о значимости библиотечной истории в сохранении традиций и приобщении новых сотрудников к ценностям профессии. Исследование проводилось совместно кафедрой научно-технической информации (НТИ) СПбГУК и научно-методическим отделом ЦГПБ им. В.В. Маяковского.

Была разработана анкета (табл. 1), включившая 25 вопросов с типовыми вариантами ответов на большинство из них. Заполняя анкету,

библиотекари могли избрать один или несколько вариантов ответа, но могли высказать и иное мнение. Первоначально предполагалось выявить мнения руководства ЦБС, для чего анкеты были переданы в Калининскую, Красносельскую, Красногвардейскую, Московскую и др.

Уже первые результаты показали необходимость сравнения представлений руководи-

телей с мнениями рядовых специалистов. По этому по инициативе руководства ЦБС Василеостровского района было дополнительно опрошено 49 сотрудников библиотек этой системы; 10 работников Выборгской ЦБС и 13 библиотекарей различных ЦБС города, проходящих обучение на курсах повышения квалификации Санкт-Петербургского института культурных программ.

Таблица 1
Соответствие вопросов анкеты направлениям изучения представлений библиотекарей

Аспекты изучения	Формулировка вопросов анкеты
1. Миссия библиотеки	Какова, на Ваш взгляд, основная миссия вашей библиотеки сегодня? Какой Вы представляете свою библиотеку через 5 лет (охарактеризуйте наиболее существенные изменения)? Ведет ли библиотека работу по формированию «имиджа». Если «да», то какие пути и средства используются?
2. Ценности библиотечной деятельности	Испытываете ли Вы чувство гордости за свою библиотеку? Если «да», то что позволяет Вам гордиться библиотекой? Удовлетворены ли Вы своей работой? Если «да», то чем привлекательна для Вас работа в библиотеке? При благоприятной возможности поменяли бы Вы место работы? Какие качества руководства поощряет в сотрудниках библиотеки? По вашему мнению, удовлетворены ли читатели уровнем обслуживания? Изучает ли библиотека результативность своей деятельности и какими путями?
3. Принятые нормы распределения власти и полномочий. Условия, создаваемые для профессионального роста и самореализации личности	Требует ли ваш повседневный труд повышения квалификации? Предоставляет ли ваша библиотека возможности для повышения квалификации и какие? Есть ли у Вас возможность участвовать в принятии принципиальных решений? Интересуетесь ли Вы событиями, происходящими в вашей библиотеке, в библиотечной системе города, страны? Из каких источников Вы получаете эту информацию? Как Вы оцениваете уровень информированности коллектива библиотеки?
4. Отношение к истории и традициям	Считаете ли Вы, что в вашей библиотеке сложилась своя традиция и обычаи? Если «да», то стремится ли библиотека к сохранению традиций и что для этого делается?
5. Порядок приобщения новых членов коллектива к ценностям библиотеки	Предусмотрена ли в вашей библиотеке работа с новыми сотрудниками? Если «да», то принято ли в вашей библиотеке знакомить новых сотрудников: с историей библиотеки и ее сегодняшним днем; со структурой библиотеки; с преимуществами и перспективами работы в библиотеке; с существующими льготами для сотрудников; другие варианты ответа

Всего в исследовании приняло участие 89 человек, в том числе:

- руководителей высшего звена (директора, зам. директора, зав. филиалами) — 21;
- руководителей среднего звена и ведущих специалистов (зав. отделами, зав. секторами, главные библиотекари, методисты и т.д.) — 29
- библиотекари и библиографы различных категорий — 39.

58 сотрудников (66%) опрошенных имеет высшее образование (из них 41 — специальное высшее), 12 — среднее специальное, 2 — общее среднее; 17 человек на вопросы анкеты об образовании не ответили. Распределение опрошенных по возрасту характеризуется следующим образом:

возраст	количество опрошенных
до 20 лет	2
20-30 лет	20 (22%)
30-45 лет	31 (34%)
45-60 лет	32 (35%)
старше 60 лет	3
Не указали возраст	1

По-видимому, возрастное распределение респондентов несильно отличается от аналогичного показателя по библиотечной системе города в целом.

Как уже отмечалось, для формирования корпоративной культуры чрезвычайно важным является понимание сотрудниками миссии библиотеки, через призму которой устанавливаются основные цели деятельности. Представление о миссии, разделяемое руководством и персоналом, служит также основой для формирования положительного образа организации в глазах общественности.

Большинство опрошенных оказалось единодушным в определении главного предназначения библиотеки: важнейшей миссией названа информационно-образовательная (94% ответивших)¹; 28% респондентов связывает работу публичной библиотеки с культурно-просветительской деятельностью; 2% — с воспитанием эсте-

тической культуры и художественного вкуса, с развитием индивидуальных способностей человека. Близкое понимание миссии встретилось в отчете филиала № 5 ЦБС Фрунзенского района за 1997 год. Будущее этой библиотеки «Библиотеки-гармонии» ее сотрудниками связывается с духовным возрождением личности. Для этого не только соответствующим образом профилируется фонд литературы, но и проводятся занятия в рамках «Секции гуманистической психологии».

По мнению 16% опрошенных, библиотека — это центр досуга, место отдыха и развлечения; 16% подчеркивает, что библиотека — это центр интеллектуального общения, где можно встретиться с единомышленниками, найти собеседника, поспорить и обменяться мнениями.

Интересно высказывание сотрудницы ЦБС Василеостровского района, которая определяет библиотеку как центр милосердия, как «второй дом», в котором хоть на какое-то время можно укрыться от повседневных забот, тягот и жизненных невзгод.

Здесь и далее мы намеренно указываем варианты интересных ответов, даже если они носят единичный характер. Дело в том, что любые опросы сотрудников библиотек при правильной обработке результатов дают двойной эффект: позволяют получить некие данные по конкретному направлению исследования и, вместе с тем, обогатить совокупный профессиональный тезаурус, неполнота которого особенно остро ощущается при проведении мероприятий PR и рекламировании библиотечных услуг.

Большинство опрошенных хорошо понимает важность формирования положительного образа публичных библиотек. Для того чтобы показать, какую роль играют библиотеки в общественной жизни района и города, устанавливаются контакты с местными органами власти (на это указало 64% респондентов), поддерживаются связи со средствами массовой информации (31%), выпускаются многочисленные рекламные материалы — буклеты (43%), пресс-релизы (39%) и даже собственная газета (ЦСБ Калининского района — «Библионоости»). Все без исключения назвали среди мероприятий по созданию имид-

¹ Напомним, что при ответе на все вопросы анкеты респонденты имеют право указать несколько; поэтому количество ответов превышает 100%.

жа презентации книг, выставки, обзоры и т.д.

В зарубежной практике принято, чтобы учредения любой сферы деятельности и формы собственности доводило до сведения налогоплательщиков основные результаты своей деятельности. С такой целью в газетах и журналах публикуются ежегодные отчеты фирм. Ориентированные на широкие слои населения, а не только на специалистов, они содержат сведения, подтверждающие нужность, значимость данного учреждения для общества, его положительное влияние на качество жизни людей. В нашей стране публиковать свои отчеты обязаны пока лишь акционерные общества. Однако понятно, что это только первые шаги на пути демократизации.

Тем интереснее опыт ЦБС Московского района, которая готовит и распространяет отчет о своей деятельности, предназначенный для администрации и жителей района. По имеющимся у нас данным, такие же отчеты, ориентированные прежде всего на ректорат, преподавателей и студентов, ежегодно выпускаются научной библиотекой Санкт-Петербургского университета экономики и финансов.

В задачи настоящего исследования не входила оценка рекламной деятельности библиотек и деятельности PR. Важно было лишь выяснить, насколько сотрудниками осознается необходимость обнародования результатов своей работы,

повышения авторитета библиотеки как социального института. И в ответ на эти вопросы были получены положительные результаты.

Рассмотрим теперь, с какими ценностями связывают библиотечари свою деятельность и профессию. 78% респондентов испытывают чувство гордости за библиотеку. Этому способствует дружный сплоченный коллектив (29%), высокий профессионализм сотрудников (13%), качество и культура обслуживания читателей (21%), доступность библиотечных услуг, большая часть которых предоставляется бесплатно (2%). 4% опрошенных отметили, что предметом гордости для них являются сами читатели, их признание, уважение, благодарственные отзывы. 6% гордятся историей и традициями библиотеки. 23% заполнивших анкеты указали, что на формирование их отношения к своему труду положительно влияет общественное признание библиотеки, возросшее в последние годы. Надо сказать, что в анкете на вопрос «Что позволяет Вам гордиться библиотекой?» типовые ответы предусмотрены не были и все мнения формулировались опрошенными самостоятельно.

Данный вопрос связан и перекликается с вопросом об удовлетворенности библиотечарей своей работой, и нам казалось, что ответы на них должны коррелировать. В действительности картина получилась несколько иной:

Вопросы анкеты	Количество ответов
Испытываете ли Вы чувство гордости за свою библиотеку	
• да	78
• нет	5
• не всегда (ответ предложен респондентами)	6
• затрудняюсь ответить	11
Удовлетворены ли Вы своей работой:	
• да	69
• нет	10
• не совсем удовлетворен (ответ предложен респондентами)	19
При благоприятной возможности, поменяли бы Вы работу:	
• да	25
• нет	40
• затрудняюсь ответить	35

При том, что чувство гордости за библиотеку испытывает 78% опрошенных, лишь 40% однозначно считает, что место работы соответствует их призванию и возможностям. В качестве причины неудовлетворенности трудом называется очевидная — низкая зарплата и не столь очевидная — отсутствие условий для самореализации.

Надо отметить, что рядовые сотрудники в значительно меньшей степени удовлетворены своей работой, чем руководители высшего и среднего звена. Из 34 человек, указавших на то, что при благоприятных обстоятельствах они поменяли бы работу, на группу рядовых сотрудников приходится 15. Иными словами, если среди всех опрошенных 60% заявило, что хочет поменять работу или затруднились ответить на этот вопрос, для группы рядовых сотрудников данный показатель достиг 72%. Если же учесть, что читателей обслуживают именно рядовые работники, то не может не возникнуть тревожный вопрос: будет ли стремиться к повышению качества и расширению ассортимента услуг человек, неудовлетворенный своей профессиональной судьбой?

Среди привлекательных сторон работы в библиотеке респонденты отметили возможность заниматься интересным делом (70%), общение с широким кругом людей (63%), наличие условий для творческого и профессионального роста (46%), признание и уважение коллег (41%).

Полученные данные нуждаются в комментарии, т.к. видны и некоторые тенденции, и противоречия. С одной стороны, полностью подтвердилась точка зрения специалистов по управлению персоналом о том, что стремление к самореализации является для индивида чрезвычайно важным.

Именно поэтому 43% опрошенных в ответ на вопрос «Что привлекает Вас в работе в библиотеке» выбрали стандартный ответ «возможность творческого и профессионального роста», а еще 3% дали собственные формулировки близкого содержания (возможность интеллектуального развития, повышение интеллектуального уровня). Поэтому же частой причиной неудовлетворенности трудом выступает отсутствие перспектив для самореализации.

Но, при том, что на важность профессионального роста указала почти половина респондентов, только два человека считает для реальной перспективы продвижения по службе. Даже

если сделать поправку на то, что среди 89 опрошенных 50 являются руководителями высшего и среднего звена, то есть людьми, уже многого достигшими, число указаний на возможность карьерного продвижения удивительно мало. Причины этого явления требуют дальнейшего исследования.

В качестве же предположения можно выдвинуть также: отвечая на вопрос о привлекательных сторонах труда, библиотечари, выбирая ответ «возможность роста», связывали его с собственными стремлениями, желаниями, намерениями и возможностями, а — «перспективы продвижения по службе» — с реальным состоянием дел в конкретной библиотеке, где таких перспектив нет.

О том, насколько востребовано профессиональное саморазвитие библиотечарей, позволяют судить ответы на вопрос «Какие качества руководство поощряет в сотрудниках библиотеки». Респонденты ответили, что руководители стремятся видеть в них высококвалифицированных специалистов, обладающих профессионализмом (88%), инициативностью (75%), творческим отношением к труду и способностью к инновационной деятельности (81%). Среди значимых личностных качеств называют вежливость (74%), тактичность (61%), общительность (67%), добросовестность, порядочность (87%). Интересно, что в дополнение к стандартным ответам, два респондента указали «наличие собственной позиции и умение ее аргументировать».

Таким образом, судя по полученным результатам, стремление личности к самореализации в подавляющем большинстве случаев руководством поддерживается. Лишь в одной анкете высказано мнение о том, что руководители ценят в подчиненных послушание и заискивание.

Теперь рассмотрим те шаги, которые предпринимаются для обеспечения профессионального роста сотрудников, обратившись для этого к ответам на вопрос «Представляет ли библиотека возможность для повышения квалификации и какие», которые формулировались свободно. Респонденты указали:

- «круглые столы» для директоров, организуемые ЦГПБ им. В.В. Маяковского (13%);
- семинарские и лекционные занятия в рамках городских курсов повышения квалификации (47%);

- компьютерные курсы (3%) и курсы по изучению иностранного языка (6%);

- ознакомление с опытом коллег из других библиотек (6%); семинары по обмену опытом (3%); стажировки (2%);

- занятия по повышению квалификации, регулярно проводимые самой библиотекой (на это указало 5 респондентов).

По одному разу упомянуты тренинг и консультации методистов. И, наконец, только 14 человек (17% опрошенных) в качестве средства повышения квалификации указало самообразование.

Вырисовывается достаточно странная картина. С одной стороны, создается впечатление, что библиотека использует значительный арсенал средств повышения квалификации сотрудников. Но с другой — эти средства упоминаются лишь небольшим числом респондентов. Настолько же информированным считают библиотекари себя и коллектив, в котором работают?

46% опрошенных оценивают уровень информированности как достаточный: 17% — как средний и лишь 10% (9 человек) — как недостаточный. 25 респондентов, в подавляющем большинстве руководители высшего и среднего звена, на данный вопрос не ответили. Среди рядовых сотрудников 40% (14 человек из 39) оценили уровень информированности коллектива как средний или неудовлетворительный.

А насколько нужна систематическая информация о состоянии дел в библиотечном мире этой группе работников?

Только три человека указало, что сведения интересуют их эпизодически и применительно к деятельности собственного учреждения. Подавляющее же большинство считает важным для себя получение правдивых и оперативных сведений.

Среди источников получения информации рядовые сотрудники назвали:

- беседы с руководителями (78%) и коллегами по работе (74%);
- профессиональную печать (72%);
- средства массовой информации (38%);
- курсы, семинары, совещания (17%), встречи с коллегами из других библиотек (3%).

Ответы на данный вопрос подтверждают мысль о том, что система повышения квалификации задействована недостаточно. Обращает на себя внимание чрезвычайно важная роль руководителей как распространителей профессиональной информации. Каким же образом обеспечивается их компетентность?

Руководители в качестве источников получения информации указали «круглые столы» директоров ЦБС, собрания Петербургского библиотечного общества и командировки, профессиональную печать.

И опять приходится отметить некоторое несоответствие ответов: на образование как средство повышения квалификации указало лишь 14 человек, но при этом 63 респондента отметили, что систематически знакомятся с профессиональной печатью.

Среди предложений по улучшению системы информирования персонала прозвучали следующие (сохранены авторские формулировки):

- выпуск информационных листовок; создание постоянно действующих стендов с административной информацией;

- отчеты руководства, бухгалтерии, создание постоянно действующего информационного канала «администрация — руководители среднего звена — персонал библиотеки»;

- организация производственных совещаний и семинаров по обмену опытом; встречи с коллегами из других библиотек; проведение открытых дискуссий;

- подготовка регулярных обзоров периодической печати;

- отведение времени для самообразования;

- повышение компетентности руководителей для осознания ими важности профессионального общения.

Как уже отмечалось, мощным средством мотивации персонала, помимо информирования сотрудников о состоянии дел организации, является обеспечение их участия в принятии принципиальных решений, в стратегическом планировании. Приведем ответы на данный вопрос 39 рядовых сотрудников:

- систематически участвуют в принятии решений — 11 человек (28%);

- эпизодически — 15;

- не участвуют — 7;

- не испытывают такой потребности — 4;

- не ответило — 2

Вероятно, здесь есть над чем задуматься в связи с высоким процентом лиц, неудовлетворенных своим трудом.

Читатели находятся в центре внимания библиотекарей и входят в их систему ценностей. Об этом, как уже отмечалось, свидетельствуют ответы на многие вопросы: и то, что общение с широким кругом лиц является привлекательной стороной

библиотечной профессии; и то, что предметом гордости за свой труд выступают читатели, их благодарственные отзывы; и многочисленные предложения в ответ на вопрос «Что можно сделать для улучшения качества обслуживания». «Библиотека поняла, что главная фигура — читатель, его зап-

росы, желания, стремления», — так ответили сотрудники ЦБС Выборгского района на вопрос «Что позволяет Вам гордиться библиотекой?».

Мнения о том, удовлетворены ли читатели качеством обслуживания, распределились следующим образом:

Варианты ответа	руководители высшего звена	руководители среднего звена	рядовые сотрудники	всего
Удовлетворены	14 (66%)	13 (45%)	23 (59%)	50 (56%)
Частично удовлетворены (варианты: скорее да, чем нет; есть некоторая часть неудовлетворенных)	6	13	10	29
Не удовлетворены	—	—	3	3
Не знаю	1	3	3	7

Обработывая результаты ответа на данный вопрос по отдельным группам респондентов, мы исходили из предостережения социальных психологов о том, что руководители организации склонны создавать мифы о ней, в которые сами искренне верят. Вследствие этого и они, и персонал начинают существовать в обстановке социальных иллюзий, имеющих мало общего с реальностью (10).

Если согласиться с нашим посылом о том, что представление о качестве обслуживания может служить индикатором «мифотворчества», то степень его очень незначительна: по числу положительных ответов мнения руководителей и рядовых сотрудников, непосредственно выполняющих читательские запросы, отличаются мало. Ниже всего это ключевое направление деятельности оценили руководители среднего звена. Причем их предложения по улучшению ситуации оказались наиболее конструктивными.

Предложим на обсуждение такой вариант трактовки ответов респондентов: при современном состоянии библиотечных фондов, уровне компьютеризации (прежде всего возможность использования электронных сетей), объеме финансирования, качестве обслуживания читателей не может удовлетворять мировым стандартам. Но библиотекари Петербурга всеми силами стремятся компенсировать эти недостатки. Поэтому мы солидаризируемся с теми, кто из-

брал ответ «читатели удовлетворены обслуживанием частично». Таких оказалось 29 (32%). Интересно, что респонденты, чаще, чем все другие дававшие положительную или отрицательную оценку качества обслуживания, стремились объяснить свое мнение. Их высказывания настолько информативны, что хочется привести некоторые: «читатели довольны, но я то знаю, что делается для них далеко не все», «при имеющихся ресурсах мы не можем удовлетворять запросы читателей полностью», «читатели нас благодарят, их число возрастает, но многое мы сделать просто не в состоянии».

В нескольких анкетах, однако, прозвучали мнения иной тональности: «всегда найдутся недовольные» или «всегда есть читатели, которых что-то не устраивает». К чести библиотечного сообщества города таких ответов очень мало. Предложения по повышению качества обслуживания относятся к:

- изменению состава, обновлению и обогащению фонда (30%);

- автоматизации процессов библиотечной технологии (25%);

- увеличению объема финансирования;

- модернизации, ремонту, увеличению площади библиотечных помещений и созданию таким путем комфортных условий для читателей (13%);

- повышению зарплаты библиотекарей (10%);

• расширению номенклатуры предлагаемых услуг (как бесплатных, так и платных) (8%)

Двенадцать человек (девять руководителей и только три рядовых работника) связывают повышение качества обслуживания с профессионализмом библиотекаря, его умением общаться, общекультурным кругозором, изменением отношений к своим обязанностям, объективной оценкой личного вклада каждого сотрудника в общее дело. Нужно отметить, что озабоченность руководителей квалификацией персонала ощущается во многих ответах. Когда они отмечают низкую зарплату работников, то указывают, что это ведет к оттоку способной творческой молодежи из библиотеки, невозможности привлечения высокопрофессиональных кадров.

Однако и оценка качества обслуживания, и предложения по его совершенствованию базировались на личных представлениях респондентов. Для определения объективности этих ощущений в анкете был предусмотрен вопрос «Изучает ли библиотека результативность своей деятельности?» На то, что такие исследования проводятся систематически, указало 35% опрошенных; эпизодически — 22%; 11% считает, что на подобные исследования нет средств или они просто не нужны; 32% респондентов на этот вопрос не ответило. Среди исследований преобладает анализ библиотечной статистики (35%), несколько реже проводятся опросы читателей для изучения их потребностей, удовлетворенности качеством обслуживания, ориентации в библиотечной системе города и предоставляемых услуг.

О том, что отношение к библиотечным исследованиям у респондентов разное, свидетельствует большое число отказавшихся ответить на данный вопрос (ни на один из остальных 24 позиций анкеты такой результат получен не

был). В одном случае было прямо указано, что подобные исследования — изыски Академии культуры. Ограничен и диапазон проводимых исследований.

Интерпретируя выявленные мнения, можно было бы заключить, что библиотекари недостаточно компетентны и не осознают значимость науки для развития отрасли. Но даже опыт проведенного нами анкетирования, то, как серьезно люди отнеслись к ответу на вопросы, как по собственной инициативе расширили круг опрошенных, как интересовались результатами, заставляет не торопиться с выводами. Честнее предположить, что библиотечные исследования прошлых лет не оправдали ожидания практиков и не дали надежного инструмента для проведения самостоятельных исследований. И лишь с одним утверждением не согласимся: при наличии в городе старейшего ВУЗа культуры и возможности проведения исследований с привлечением для этого студентов и аспирантов ссылки на отсутствие для этого средств и времени не кажутся убедительными. Отказ же от изучения и анализа практической деятельности библиотек не только отрицательно сказывается на ее качестве, но и делает невостребованным творческий потенциал персонала, важность которого подтвердило большинство опрошенных.

Может быть, этой же причиной объясняется то обстоятельство, что, бережно сохраняя историю и традиции, приобщая к ним новых студентов (на это указало 84% опрошенных), библиотекари менее ориентированы на прогнозирование развития общественного книгопользования. Ответы на вопрос «Какой Вы представляете свою библиотеку через 5 лет (укажите существенные изменения)?», мало чем отличались от предложений по повышению качества обслуживания в настоящем:

Варианты ответов	Количество ответов на вопросы в (%)	
	Что можно сделать для улучшения качества обслуживания	Какой представляете свою библиотеку через 5 лет
Автоматизировать процессы библиотечной технологии	25	57
Обновить и обогатить фонды	30	20
Модернизировать и увеличить площади библиотеки для создания комфортных условий читателям	13	29
Увеличить объем финансирования и улучшить материальное положение сотрудников	10	8
Расширить ассортимент услуг	8	10
Повысить профессионализм кадров, в том числе и в отношении культуры общения	13	6

Эпизодически встретились мнения о расширении функций библиотеки будущего (4%), о необходимости в настоящем и будущем улучшить СБА (2%). И не оказалось предложений, которые нацеливали бы библиотекаря на использование совокупных информационных ресурсов города, на усиление взаимодействия с учреждениями культуры, науки, образования.

Мы далеки от абсолютизации результатов опроса и принимаем во внимание возможную неполноту и случайность ответов. Быть может, указывая на чрезвычайную важность автоматизации, респонденты имели в виду и расширение номенклатуры услуг, и возможность использования не только собственных, но и совокупных фондов литературы. Но в любом случае разрыв между частотой указания этих вариантов ответов (соответственно 57 и 10%), а также редкое упоминание необходимости повышения профессионализма работников библиотек не может не настораживать. Напомним, что и в ответах на вопрос «Что позволяет Вам гордиться библиотекой?», профессионализм сотрудников не вышел на первый план. Многие отмечали наличие сплоченного, дружного коллектива. Но хорошие отношения не гарантируют создания команды, которая объединяется лишь вокруг общей профессиональной идеи.

В 1994 г. кафедрой НТИ СПбГУК изучалось информационное поведение ученых города (II), в 1996-97 совместно с научно-методическим отделом ЦГПБ им. В.В. Маяковского — информационное поведение студентов и аспирантов. Выявлена устойчивая тенденция: чем выше компетентность людей, тем менее удовлетворены они уровнем собственной информированности. Опрос библиотекарей показал иное: при ограниченности путей и средств распространения профессиональной информации, почти половина респондентов оценила уровень осведомленности библиотечных коллективов как достаточный. Сильными оказались и стереотипы профессионального сознания, из-за чего положительные изменения чаще связывают с внешними факторами, чем с собственными усилиями.

Изложенные результаты нельзя считать окончательными. Исследование корпоративной культуры только начато и требует продолжения. Уже сейчас очевидно, что опрос лишь 39 рядовых сотрудников явно недостаточен; что для анкетирования руководства и персонала библиотеки надо использовать разные по содержанию вопросы; что некоторые позиции в анкете были сформулированы неточно, а иногда и неграмотно, т.к. носили престижный характер. Поэтому данной публикацией мы приглашаем коллег к обсуждению первых итогов, уточнению общей концепции и сотрудничеству при продолжении исследования.

тирования руководства и персонала библиотеки надо использовать разные по содержанию вопросы; что некоторые позиции в анкете были сформулированы неточно, а иногда и неграмотно, т.к. носили престижный характер. Поэтому данной публикацией мы приглашаем коллег к обсуждению первых итогов, уточнению общей концепции и сотрудничеству при продолжении исследования.

Литература

1. Томилов В.В. *Культура организации предпринимательской деятельности*. СПб.: СПбУэиФ, 1993. — 120 с.
2. Кошпа Е.М. *Концептуальная модель качества обслуживания // Совр. проблемы и методы совершенствования управления* — СПб.: СПбГТУ, 1997. С. 56-60.
3. Креславский Е. *Работа с персоналом // Деловой Петербург*. — 1996. — № 89. — С.16.
4. Камя А. *Творчество и свобода*. — М.: Радуга, 1990. — 602 с.
5. Крюкова Н.Ю., Перегудова Н.В. *Организационная культура — успех фирмы: о системе управления фирмами в ведущих странах Запада // ЭКО*. — 1995. — № 2. — С. 156-160.
6. Тульчинский Г.Л. *Технология менеджмента в сфере культуры // СПбГАК: Гуманитарный ун-т профсоюзов*. — СПб., 1996. — 92 с.
7. Барон Л. *От чего зависит процветание японских компаний // Человек и труд*. — 1995. — № 9. — С.11.
8. Коваль Т. *Развитию лояльности мешает страх наказания // Деловой Петербург*. — 1998. — № 20. — С.11.
9. *Словарь-справочник менеджера*. — М.: ИНФРА, 1996. — 606 с.
10. Шольц К. *Организационная культура: между иллюзией и реальностью // Проблемы теории и практики управления*. — 1995. — № 3. — С.111-114.
11. Кугель С.А., Зусьман О.М., Минкина В.А. *Информационное поведение ученых — представителей научной элиты // Научн.-техн. информация*. — Сер. 1. — 1995. — № 7. — С. 12-18.

РУМЫНСКИЕ БИБЛИОТЕКИ ВОЗРОЖДАЮТСЯ ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: КОММУНИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ПЕРСПЕКТИВА*

Хермина Ангелеску — работала в Национальной библиотеке Румынии в Бухаресте. В настоящее время проходит стажировку в Школе библиотковедения и информатики Университета Техаса (США). Неоднократно выступала на международных конференциях. Имеет публикации в профессиональной печати

Историческая справка

История возникновения румынских библиотек во многом похожа на историю других библиотек Западной Европы. Первые библиотеки в трех Румынских Княжествах на территории современной Румынии — Валахии, Молдавии и Трансильвании — были созданы в монастырях в XIV веке. Определенную роль сыграли вторжения кочевых племен, замедлившие развитие культуры на этих землях, но уже в XVI, XVII и XVIII веках правители этих стран создавали придворные библиотеки, приобретая иллюминированные рукописи из Европы и Малой Азии.

Значительное число библиотек и архивов было создано в Трансильвании. В 1653 г. бывший канцлер Трансильвании основал Библиотеку Телеки-Болей в Таргу Муреш. В 1784 г. были созданы Библиотеки Батянеум в Альба Юлия и Библиотека Брукенталь в Сибиу. Среди лучших частных библиотек Валахии в XVII в. были семейные библиотеки Кантакузино и Маврокордат. В Молдавии XVIII в. своей библиотекой прославился князь Дмитрий Кантемир.

Придворные библиотеки существовали наряду с библиотеками ученых и сановников того времени. Учебные библиотеки, первоначально входившие в церковные, отделились в XVI в. и стали функционировать при коллежах.

Библиотека Коллежа Св. Савы в Бухаресте была основана в 1679 г. князем Константином Бранковяну. Князя, сменявшие его на троне Валахии, способствовали пополнению собраний этой библиотеки, которая в 1838 приобрела статус Национальной Библиотеки и насчитывала 10 000 томов.

В ходе национально-освободительного движения XVIII века развивалась система образования

для всех граждан, а в последующем веке создавались публичные библиотеки. Окончание русско-турецкой войны (1828-1829) ознаменовало конец Османского господства над румынскими княжествами. В это время в Валахии и Молдавии были введены Основные Уставы. Эти ограниченные конституции вступили в силу в 1831 г. в Валахии и в 1832 в Молдавии. Временем введения этих Уставов датируется создание первых публичных библиотек в Румынских Княжествах.

Комиссия по составлению Основного Устава для Валахии учитывала необходимость общественного образования и общедоступных библиотек на этих двух территориях. Пункт 13 Статьи 63 предусматривает обязательные отчисления из годового бюджета на «содержание общественных школ в столице [Бухаресте] и двух других городах княжества, типографии и библиотеки». В 1833 г. в Основные Уставы были включены четыре новые статьи с особыми положениями о библиотеках. Эти четыре пункта составляют первое законодательство о публичных библиотеках в Румынии.

В 1859 году, когда Валахия и Молдова избрали одного правителя — Александру Иоан Кузу, получившего образование в Париже, было основано Румынское государство. Реформы Кузы проложили путь признанию независимости Румынии от Османской Империи в 1877 г. С основанием Румынского государства и ускоренным развитием экономики, просвещения и социальных отношений в XIX в. росли стремления к знаниям.

Это привело к созданию университетов и организации системы вузовских библиотек — Центральной университетской библиотеки в

Яссах (1870), Центральной университетской библиотеки в Клуже (1872) и Центральной университетской библиотеки в Бухаресте. В 1866 г. была основана Библиотека Румынской Академии, которая выполняла функции национальной библиотеки до 1955 года, когда была основана Центральная государственная библиотека. В настоящее время первая из них ориентируется на вузовские и научные исследования ретроспективных направлений, а вторая — на современный материал. В 1989 г. Центральная государственная библиотека получила новое наименование — Национальная библиотека Румынии.

Библиотечная система в Румынии

В 1990 г. сеть публичных библиотек Румынии включала Бухарестскую городскую библиотеку, сорок окружных библиотек и 2 823 библиотеки муниципального, городского, общинного и сельского уровня. В 1997 г. Министерство культуры, которое осуществляет финансирование и руководство библиотек, решило передать их в ведение местных властей, поскольку из-за высокой инфляции министерство уже не могло субсидировать деятельность публичных библиотек. Эта, на первый взгляд, децентрализация как естественное следствие краха коммунизма на практике обернулась ничем иным как забвением, ибо у местных властей было множество своих проблем и они просто игнорировали библиотеку, не входившую в систему финансовых приоритетов.

«Когда Городской совет решает, куда вложить средства — на приобретение книг для муниципальной библиотеки или на новое покрытие для магистрали, — ясно, что деньги пойдут на дорогу, ибо ею пользуются все в отличие от библиотеки, которой пользуется всего лишь часть населения», — сообщил мне Георге Максим, сорок лет проработавший директором Праховой окружной библиотеки в Плоешти.

Система вузовских библиотек включает центральные университетские библиотеки и факультетские библиотеки в университетах — всего 43. Эта сеть наряду с 10 956 учебными библиотеками средних и старших средних школ находится в ведении Министерства просвещения. Цент-

ральная университетская библиотека в Бухаресте, которая пережила гибель своих собраний во время народного восстания 1989 г., — первая румынская автоматизированная библиотека, представленная в Интернете. В других библиотеках автоматизация еще только зарождается.

Существует также система специализированных библиотек (всего 2 908), в основном сосредоточенных в Бухаресте. Эти библиотеки подчиняются тому министерству, которое обслуживают. Например, Центральная педагогическая библиотека подчиняется Министерству просвещения; Центральная медицинская библиотека обслуживает Министерство здравоохранения и подчиненные ему учреждения; Центральная военная библиотека подчиняется Министерству обороны, а вспомогательные функции для этого национального органа выполняет Библиотека Национального института информации и документации.

Статус библиотекаря

До 1990 г. все виды библиотечной деятельности в Румынии — комплектование книг и периодики, строительство и содержание зданий и оплата труда сотрудников — субсидировались государством. Необходимо отметить, что государственные ассигнования на библиотеки далеко не удовлетворяли потребности комплектования и оплаты труда. Низкая оплата труда и низкий престиж библиотечной профессии составляли основные причины того, что она привлекала немногих. В 1989 г. в Центральной государственной библиотеке — первой библиотеке страны — насчитывалось всего 250 сотрудников, из них 175 с дипломами по иностранной филологии и истории.

Библиотечное образование было прекращено в 1970-х гг., когда Министерство просвещения решило закрыть единственную библиотечную школу при Бухарестском университете. Считалось, что любой выпускник вуза может выполнять библиотечные обязанности, которые сводятся к выдаче книг читателям и последующей их расстановке. Такое представление о библиотекаре сохраняется в Румынии и сегодня. Сами библиотекари озабочены образом библио-

* С любезного разрешения автора мы публикуем текст выступления на международной конференции «Книга, библиотеки, чтение и издательская деятельность в годы холодной войны» (Париж, 11-12 июня 1998 г.).

¹ Румынский библиотекарь представляется как «профессор», «филолог» или «лицензиат по истории». В крупных библиотеках имеется должность «редактора» для лиц, занимающихся составлением местной библиографии. Другие библиотекари используют термин «документалист» — неологизм, известный немногим специалистам библиотковедения.

текаря в обществе и стараются не указывать свою профессию в деловых картах¹.

В 1990 г. на факультете литературы Бухарестского университета было создано отделение библиотечного дела и информации. Программа² пока не отвечает задачам подготовки библиотечарей XXI века. Выпускники отделения скорее историки книги, чем специалисты библиотечного дела и информатики. Основное внимание в программе уделено латыни, древнегреческому, церковнославянскому языкам, истории книги и библиотек, каталогизации и классификации. Основная причина состоит в отсутствии преподавателей-специалистов по таким предметам, как новые технологии, развитие фондов, информационный поиск, преобразование данных, пользователи библиотечного обслуживания, справочное обслуживание библиотечными материалами.

Профессиональное объединение

В 1980-х гг. в Румынии были запрещены все профессиональные объединения. Директор Центральной государственной библиотеки Анжела Попеску-Брадичени так объяснила этот запрет: «Это была правительственная паранойя. Они видели антикоммунистический заговор в любом собрании коллектива из нескольких человек в одном месте»³. По этой причине прекратила свое существование Румынская библиотечная ассоциация. Совет по социалистической культуре и образованию (тогдашнее Министерство культуры) прекратил финансирование членских взносов в ИФЛА. Попытки Попеску-Брадичени вновь включить румынские библиотеки в международное библиотечное сообщество не имели успеха, несмотря на многочисленные докладные записки в Совет по социалистической культуре и образованию⁴. В связи с изоляционистской политической позицией Румынии в это десятилетие существенно сократилось участие страны во всех международных научных мероприятиях. На конференциях ИФЛА Румыния была представлена лишь эпизодически.

В 1990 г. возникло два библиотечных объединения: Румынская ассоциация сотрудников учебных библиотек (ABIR), объединившая со-

трудников школьных и вузовских библиотек, и Румынская ассоциация сотрудников публичных библиотек (ABVPR) для сотрудников публичных библиотек. К сожалению, и сегодня эти объединения действуют как отдельные формирования и не проявляют склонности к сотрудничеству. Однако здесь есть и положительная сторона, ибо непосредственно после своего основания в 1990 г. они вступили в ИФЛА.

Образ библиотеки в обществе

Низкий престиж института библиотек объясняется тем, что сами руководители партии и правительства Румынии не пользовались библиотеками, поскольку их образование ограничивалось знанием текстов марксизма-ленинизма. Библиотеки входили в типовую сферу культуры наряду с такими учреждениями культуры, как драматические театры, кинотеатры, оперные театры, филармонии и музеи. Высшей целью социалистической экономики было производство материальных благ. Сфера культуры производила духовные блага, не поддающиеся количественному измерению. В результате эта сфера совершенно отошла на задний план. Если к другим учреждениям культуры, которые получали хотя бы какие-то доходы от проданных билетов, относились как к Золушке, то с библиотеками дело обстояло еще хуже — они были Золушками из Золушек, прислугами у прислуги, поскольку не зарабатывали денег.

В показательных публичных выступлениях президента Чаушеску на таких парадных мероприятиях, как съезды Румынской Коммунистической партии, предназначенных для демонстрации достижений народа в выполнении пятилетних планов, никогда не упоминались библиотеки и их роль в обществе. Чаушеску любил говорить о насущной необходимости исследований и разработок, о внедрении в жизнь последних завоеваний науки и технологии «для общего прогресса общества и повышения материального и духовного благосостояния народа». Культурно-просветительский раздел его речей содержал указания на «формирование нового человека, сознательного строителя социализма и комму-

низма»⁵. Выполнять эту задачу должны были печать, радио, телевидение и кинематография, а также литература и искусство⁶.

В документах Румынской Коммунистической партии⁷, которые составлял совет из членов Центрального Комитета партии, библиотеки также не упоминались. Роль эстетического воспитания масс отводилась литературе и искусству⁸. Задача средств массовой информации состояла в «работе по обобщению передового опыта, накопленного во всех секторах социалистического строительства... по обеспечению широкого отражения взглядов и предложений трудящихся, всех граждан в связи с деятельностью в различных областях экономической и общественной жизни...»⁹ Научные исследования во всех областях (промышленности, сельском хозяйстве, биологии, физике, химии и математике)¹⁰ должны были проводиться в лабораториях научно-исследовательских институтов. Очевидно, ни Чаушеску, ни его советники не подозревали о задаче библиотеки! Слово и не существовало такого института!

Чаушеску хотел увековечить свое славное правление в знаменитом Бульваре Победы Социализма, пересекающем исторический центр Бухареста с востока на запад. В западной его оконечности воздвигалось самое большое здание в Европе — Народный Дом, монументальное сооружение по северо-корейскому образцу, до сих пор не завершённое. Восточная оконечность была отведена для здания Национальной библиотеки. Несмотря на то, что библиотеки игнорировались и получали мелкие дотации от его правительства, Чаушеску хотел оставить символ своего «золотого века» в виде библиотеки национального масштаба. Хотя здание еще не было завершено, в июне 1989 г. — за несколько месяцев до своего драматического конца — Чаушеску открыл в фойе (единственном законченном помещении 8-этажного здания) книжную выставку, на которой в основном были пред-

ставлены его собственные труды и партийные документы. Он разрезал ленточку, и на фасаде здания был высечен роковой 1989 год.

Последующие за падением Чаушеску правительства уделяли библиотекам не больше внимания, чем их предшественники, из-за обвальной инфляции и других приоритетов в румынской экономике этого десятилетия. Строительство Национальной библиотеки было приостановлено, и здание вошло в ряд незавершенных объектов, типичных для столицы Румынии 1990-х гг. Еще на этапе проектирования здание не отвечало требованиям современной библиотеки. Это был первый объект библиотечного строительства в коммунистической Румынии. Все публичные библиотеки Румынии размещаются в зданиях самого различного назначения, построенных до второй мировой войны. Так, например, Национальная библиотека в Бухаресте расположена в здании бывшей Фондовой биржи, превосходном образце архитектуры арт деко, но совершенно непригодном для библиотеки, особенно национальной¹¹.

Культурная политика

В течение всех сорока пяти лет коммунистического правления одна из основных задач правительственной политики заключалась в распространении культуры во всех слоях общества, во всех городских и сельских районах страны. На практике это оборачивалось массовым внедрением догм коммунистической идеологии. В рамках данного исследования выявляются два основных направления деятельности правительства: а) создание особого издательства для публикации пропагандистских текстов, иллюстрирующих социалистическое учение, и б) создание национальной сети публичных библиотек для размещения и распространения этих текстов.

Задача Политического издательства заключалась в переводе на румынский язык и публика-

⁵ Там же, с. 57.

⁶ Там же с. 63, 64.

⁷ Программа Румынской Коммунистической партии по строительству многосторонне развитого социалистического общества и успехи Румынии на пути к социализму. Бухарест: Румынское агентство новостей — AGERPRES, 1975.

⁸ Там же, с. 163-165.

⁹ Там же, с. 166-167.

¹⁰ Там же, с. 100-102.

¹¹ Бухарестская городская библиотека размещается в центральной части города в доме, построенном нефтяным магнатом для своей любовницы в период между мировыми войнами.

² Имеются курсы трехгодичного и четырехгодичного обучения.

³ Интервью с Анжелой Попеску-Брадичени от 13 августа 1997. Бухарест.

⁴ Письма Центральной государственной библиотеки в Совет по социалистической культуре и образованию. Корреспонденция в архиве Национальной библиотеки Румынии.

ции трудов трех отцов социализма: Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ильича Ленина. Естественно, многочисленные тома и экземпляры их трудов должны были занимать множество полок в любой румынской библиотеке.

После избрания Николае Чаушеску генеральным секретарем Румынской Коммунистической партии и президентом Социалистической Республики Румынии в 1965 г. его труды были поставлены рядом с трудами Маркса, Энгельса и Ленина. Монументальное 32-томное собрание социально-политических произведений президента Румынии было издано массовыми тиражами и отражено в разных рубриках, напр. *Румыния: Достижения и перспективы: Румыния на пути к завершению социалистического строительства: Доклады, выступления, статьи; Румыния на пути к строительству многосторонне развитого социалистического общества: Доклады, выступления, интервью, статьи; Румыния: Прошлое, настоящее, перспективы; и далее по темам, напр. Наука, Прогресс, Мир. Социалистический гуманизм*, и переведено на пять официальных языков ООН (французский, английский, немецкий, русский и испанский). Издания на иностранных языках выпускал особый отдел издательства «Меридиан».

В главном зале любой библиотеки — публичной, вузовской, специализированной или учебной — помещалась хотя бы одна витрина с портретом президента в окружении его последних трудов. В читальном зале читателей встречали другие экспонаты и изречения, отражавшие «глубокие мысли верховного правителя страны». Именно эти тома выбрасывались из окон штаб-квартиры Румынской Коммунистической партии во время восстания в декабре 1989 г., репортаж о котором видел весь мир — их уничтожение символизировало конец мрачного периода для румынского народа¹², периода грубой демагогии и затуманивания сознания. Это были первые объекты, удаленные из всех библиотечных со-

браний после падения коммунизма. К счастью, сохранили некоторое количество экземпляров для изучения этого мрачного периода истории Румынии.

Фонды

Все виды политики развития фондов предусматривали исключительно комплектование книг и периодики, изданных в Румынии. Централизованный государственный контроль через министерства обеспечивал простоту регистрации национальной издательской продукции в национальной библиографии [Библиография Социалистической Республики Румынии]. В 1971 г. в Румынии было издано 5 000 заглавий. В 1989 г. произошел значительный спад, когда 24 издательства выпустили всего 1 000 заглавий. Это в основном было связано с жесткой цензурой и повышением стоимости бумаги. Рост частных издательств после 1990 г. (в 1994 г. их было уже 2 300) вызвал библиографический хаос. Новые издатели не знали о правилах обязательного экземпляра, поэтому Национальная библиотека перестала его получать. Ситуация нормализовалась только с принятием нового закона об обязательном экземпляре в 1996 г. и благодаря усилиям Национальной библиотеки по ознакомлению издательств со стандартами ISBN и CIP.

Отсутствие свободно конвертируемой валюты привело к изоляции румынских библиотек от международной системы знаний. Румынские библиотеки получали зарубежные издания только через международный обмен, но последнюю *Британскую энциклопедию*, естественно, через обмен получить невозможно. В 1990 г. последние энциклопедии, имевшиеся в справочном отделе Национальной библиотеки, были изданы в 1970-х гг. Последний выпуск крупного международного журнала по химии *Chemical Abstracts* в [Национальной] библиотеке датировался 1972 годом. В Национальной библиотеке Румынии «отставание знаний составляет

10—15 лет по сравнению с другими странами...», — писал Блэйн Харден в статье в «Washington Post» от 28 декабря 1989.

О бедственном положении фондов румынских библиотек свидетельствуют многие западные библиотечари, побывавшие в Румынии, особенно те, кто видел, как горели собрания Центральной университетской библиотеки. В 1990 г. в Румынию были направлены крупные партии книг и периодики по ряду международных программ восстановления и модернизации библиотечных собраний Румынии.

Существовали обширные программы обмена с братскими — т.е. социалистическими — странами, хотя трудно поверить, что читатели приходили в библиотеку, чтобы узнать о событиях в Болгарии, Албании и других коммунистических странах, разделивших общую судьбу¹³. Библиотечная статистика за период коммунистического режима отнюдь не достоверна и требует тщательной проверки. Все показатели не отражают реальность — от числа томов в фондах библиотеки¹⁴ до числа пользователей библиотеки¹⁵. В своей работе о румынских библиотеках Стив Эмери иронически отмечает: «Официальным источником библиотечной статистики в Румынии является *Статистический ежегодник по Румынии*. Он в лучшем случае ненадежен, а в худшем непригоден... Для страны с населением в 22 755 260 человек объем библиотечного обслуживания в 26 700 000 человек это подлинное достижение».

Цензура

До 1989 г. в Румынии было 24 издательства. Все они были государственными и все подвергались строжайшему идеологическому контролю. Все книгоиздательство субсидировалось государством, кроме одного издательства — Editura Litera, где автор издавал свое произведение за свой счет. Однако издание не гарантировалось. Обычно Editura Litera издавало рукописи, отвергнутые другими издательствами по разным причинам, в основном когда содержание не соответствовало линии партии.

Обязательным условием работы в издательстве было членство в Румынской Коммунистической партии. Это предполагало верность коммунистической идеологии и при этом способность выполнять не только редакторские, но цензорские функции, чтобы потенциально вредные для правительства идеи не проникали в печать, а соответственно и к читателям. Как ни странно, но одна из немногих работ по истории библиотек в Румынии не была пропущена цензурой, и автору пришлось издать ее за свой счет¹⁶.

В качестве примеров можно привести произведения таких зарубежных авторов румынского происхождения как Эуген Йонеско, Эмиль Чоран, Тристан Тцара, княгиня Марта Бибеско и многие другие, чьи произведения не издавались в коммунистической Румынии. Дело было не столько в содержании, сколько в их статусе эмигрантов¹⁷. В настоящее время стремительно возникающие после 1990 г. издательства зара-

¹³ Национальная библиотека по-прежнему хранит восточное собрание китайских, монгольских и вьетнамских книг, полученных по обмену; они не каталогизированы ввиду отсутствия румынских библиотечарей со знанием этих языков.

¹⁴ «При заполнении анкет для World of Learning нужно было привести диаграмму роста библиографических единиц в фондах библиотеки. Мы старались придерживаться скромных показателей роста», признавался в 1997 г. Георге Иосиф-Беркан, избранный открытым голосованием на должность директора Национальной библиотеки в январе 1990 г.

¹⁵ Чтобы доказать Совету по социалистической культуре и образованию эффективность своей деятельности, Национальная библиотека должна была указать 1 000 пользователей в месяц. Нет нужды говорить, что она не могла привлечь столько читателей, особенно в зимние месяцы, когда из-за экономии энергии постоянно возникали перебои с подачей электричества и тепла и температура в залах опускалась до 40°Ф. Нужно было немало стараний, чтобы заниматься в таких условиях. В это время сотрудникам поручали обходить читальные залы и расписывать в журнале учета читателей за себя, членов своей семьи, друзей, соседей — людей, которые в жизни не бывали в библиотеке. Так достигалось соответствие плановым показателям.

¹⁶ Корнелиу Дима-Драган. Румынские гуманистические библиотеки: История, значение, организация. Бухарест, 1974. В этом случае дело было не в подрывном содержании, а в политической позиции автора: Дима-Драган был антикоммунистом. Он бежал в 1980-х гг. в Канаду. Через несколько лет он был убит. Когда Дима-Драган покинул Румынию, это рассматривалось как предательство и, соответственно, его книги не могли предоставляться для работы в библиотеке. Его произведения были переведены в «Фонд S».

¹⁷ А если их произведения все же издавались, то с очень большими изменениями и уходом всех мест, не соответствующих официальным взглядам. Это именовалось «сокращенными изданиями» или «избранными произведениями», а отбор производится по пропагандистским заданиям правительства.

¹² Я находилась в здании Центральной государственной библиотеки в Бухаресте (будущей Национальной библиотеки) во время народного восстания против Чаушеску 21 октября 1989 г. Нам не разрешили участвовать в народном восстании; чуевная оверь здания была заперта на засов по указанию партийного комитета района, в котором расположена библиотека. Можно сказать, что «революция» прошла мимо библиотеки и библиотечарям не довелось в ней участвовать. В то же время директор Ангела Попеску-Бродичени, предвзятой возможности свержения правительства, распорядилась убрать постоянную экспозицию «Посвящается Президенту» в коридоре, ведущем к кабинету директора. Она велела «тщательно упаковать книги в коробку», чтобы убрать их в безопасное место, подальше от разъяренной толпы, которая могла уничтожить и другие книги, если бы революционеры взяли оверь в библиотеку. Когда сотрудникам разрешили покинуть здание, на втором этаже библиотеки остались только пустые витрины.

батывают состояния на издании авторов, запрещенных в коммунистическую эпоху.

Эти авторы входили в «черный список» экспатриантов или относились к категории людей, отрицательно отзывавшихся о правительстве в Бухаресте и коммунизме в целом. Если оригиналы их произведений направлялись почтой в Румынию из любой страны мира, их выявлял бдительный цензорский комитет при Министерстве почты и телекоммуникаций. Основная часть таких книг направлялась в Центральную государственную библиотеку для помещения в знаменитый «Фонд S». На практике «S» — специальный/секретный — обозначало «запрещенный». Фонд «вредных» материалов включал книги и периодiku о религии (марксизм проповедовал атеизм), монархии (король Михаил был отправлен в изгнание в 1947 г.), нацизме (в Румынии перед второй мировой войной было собственное фашистское движение — Железная гвардия) и даже истории (работы по таким большим вопросам истории Румынии, как споры о провинциях Трансильвании или Бессарабии).

Первый список запрещенных книг был опубликован еще в 1945 г., непосредственно после пришествия коммунизма, а в 1948 г. появился еще более объемный, без обиняков озаглавленный Список запрещенных изданий. Впоследствии составлялись и другие списки, но уже без официального распространения. Они распространялись ограниченно и «совершенно секретно» печатью идеологического бюро Центрального Комитета Румынской Коммунистической партии через Совет по социалистической культуре и образованию (преобразованный в Министерство культуры в 1990 г.)

Любая окружная библиотека имела более или менее значительный «Фонд S». «Фонд S» отличался от фонда текущей выдачи: он подлежал особой классификации и хранению под особой охраной». Работа с изданиями «S» регулировалась жесткими правилами. Библиотекарям особенно вменялось в обязанность регистрировать тех, кто обращается с просьбой о работе с этим фондом, и круг интересов таких пользователей, таким образом создавался список научных работников, интересующихся запрещенными вопросами.

Чтобы получить доступ к таким материалам, научные работники должны были подавать письменное заявление директору библиотеки. Несмотря на серьезные ограничения, которые они

обязаны были вводить, некоторые директора библиотек все же разрешали доступ к документам, которые официально считались «враждебными, хортистскими, антикоммунистическими и шовинистскими». «Напротив, я обычно поощрял тех, кто просил о допуске к литературе этого жанра. Однако я не мог признаваться в этом открыто», сознался мне директор одной вузовской библиотеки.

Во время правления Чаушеску секретные фонды изобиливали материалами, содержащими лишь одну фразу по поводу его диктаторского режима. Многотомные энциклопедии — например, восьмитомная *Философская энциклопедия* — были запрещены только из-за статей с отрицательными отзывами о Румынии или коммунизме. Знаменитая 16-томная *Энциклопедия религии* была удалена по двум явным причинам: предмет — религия — и редактор, Мирча Элиаде, румын, уехавший в 1944 г. преподавать в Соединенных Штатах.

Были и более суровые периоды, когда речь шла о полном уничтожении антикоммунистической литературы. В этой связи были изданы постановления о физическом уничтожении материалов фонда «S». «Я ничего не уничтожил. Ни одного экземпляра. Ни одной книги. Мы спрятали все от политиков и всех, кто мог обвинить нас в неисполнении распоряжения. Я предпочел закрыть глаза, будто ничего не вижу, и библиотекари забрали эти материалы к себе домой. Только так мы спасли и книгу как физический объект, и те идеи, которые содержали эти книги», — рассказал мне Траян Брад, директор Окружной библиотеки им. Октавиана Гога в Клуж-Напока.

В 1990 г. по всей Румынии фонды «S» были переведены в основные фонды библиотек. Карточки с библиографическими описаниями были включены в генеральный каталог. На них сохранен символ «S», чтобы будущие поколения научных работников знали, что для их предшественников доступ к этим документам был закрыт.

Инфраструктура

Основная техника, облегчающая процесс исследований, а именно копировальные устройства, вполне обычные на Западе, были предметами роскоши в Румынии. «Для фотокопирования документа в библиотеке нужно было

получить специальное разрешение, подписи и печати, прежде чем изготовить хотя бы один экземпляр», — отмечает Мэри Нелл Брайант¹⁸. Все множительные методы подлежали строгому ограничению и контролю¹⁹.

Печатная карточка и карточный каталог по-прежнему являются единственным способом отражения фондов в румынских библиотеках, за исключением уже упомянутой Центральной университетской библиотеки. Попытки автоматизации румынских библиотек не были систематическими по двум причинам — из-за отсутствия средств и сотрудничества между библиотеками. В условиях инфляционной экономики невозможно приоритетное внедрение новых технологий в таких учреждениях, а ответственные лица не видят связи между прогрессом страны и необходимой поддержкой для создания современной библиотечной сети.

В большинстве библиотек нет компьютеров. В некоторых есть только один (компьютеры с CD-ROM редкость) — в административном отделе, без всякого представления о локальной сети. Ввиду отсутствия современной телефонной и другой связи Интернет остается мечтой для многих библиотек Румынии. Имеющиеся успехи в области системного доступа связаны с такими международными организациями как Фонд Открытого общества Сороса, Sun Microsystems, 3Com и USRobotics.

Менталитет

В годы коммунистического режима библиотеки служили средствами массовой пропаганды. И сегодня их задача предусматривает сохранение национального культурного наследия и развитие фондов. Акцент делается в основном на количество, а не на качество. Обеспечение доступа к документам или совершенствование обслуживания с ориентацией на конечного пользователя пока недостижимы. Преодоление характерной для румынских библиотек пассивности требует сдвига парадигмы, что в свою очередь предполагает изменение позиций библиотекарей.

Общества коммунистического блока не ориентировались на удовлетворение потребительского спроса. Это касается и библиотек. Задача библиотекарей заключалась скорее в охране книг, входящих в национальное культурное наследие, чем в стремлении предоставить отдельному научному работнику отдельную необходимую ему книгу²⁰. Исключение составляли случаи, когда книга требовалась номенклатурному «товарищу». Здесь не жалели сил.

Межбиблиотечный абонемент не удовлетворял все запросы, а предназначался исключительно для особых инстанций. Здесь необходима была санкция директора Центральной государственной библиотеки — эта работа была централизована на национальном уровне — и весь процесс занимал почти два года. К тому времени, как запрошенная книга добиралась до Румынии, ученый успевал издать свою книгу! Та же процедура предусматривалась для выполнения зарубежных заявок на румынские книги. Похоже, что действовали по принципу «Тише едешь, дальше будешь». Этот менталитет необходимо менять. К сожалению, он сопровождался и другой максимой коммунистической эпохи: «Мы делаем вид, что работаем, а государство делает вид, что нам платит», в результате чего производительность труда во всех странах Восточной Европы была крайне низка. Именно в этой сфере наступила пора для смены позиций. Однако изменение менталитета, позиций и поведения дело медленное, требующее длительного времени.

Одной из наиболее передовых публичных библиотек Румынии в плане автоматизации работы является Окружная библиотека им. Октавиана Гога в Клуж-Напока. В настоящее время ее систематический каталог отражает около 45 000 заглавий в фондах библиотеки²¹. Но еще важнее, чем ретроспективное преобразование собраний, — местный информационный центр библиотеки, предназначенный для обеспечения системного доступа к ряду локальных информационных источников, от расписаний автобу-

¹⁸ Интервью от 4 июля 1997, Клуж-Напока.

¹⁹ Даже печатные машинки подлежали ежегодной регистрации в полиции. Посредством этого закона правительство надеялось предотвратить распространение реакционного материала.

²⁰ За 13 лет работы в Национальной библиотеке не могу припомнить ни одного случая приобретения книг, рекомендованных научными работниками.

²¹ На 12 мая 1998 г. систематический каталог Окружной библиотеки им. Октавиана Гога в Клуж-Напока отражает: 42 794 заглавия в 197903 экземплярах — поступления за период 1900—1907 гг.

сов и поездов до объявлений о приеме на работу и от поставщиков услуг здравоохранения до развлечений в регионе Клужа. Это новое слово библиотечного обслуживания в Румынии и достойный пример активного обслуживания для других библиотек. Изменение позиций возможно!

Румынские библиотеки страдают от отсутствия управленческого опыта на национальном уровне. Эйфория «декабрьской революции» привела к смене руководства в ряде библиотек — директоров и заведующих отделами, которые были политическими ставленниками²². Однако новое руководство, хотя и политически не занятое, не имеет административных и управленческих навыков. После 1990 г. некоторые румынские библиотеки ввиду такого управленческого вакуума оказались не в силах реализовать коренные перемены. «Удаление» определенных лиц, представлявших символы ушедшей эпохи, было необходимо румынскому обществу в целом. А нынешним библиотекам нужны молодые руководители с современными взглядами, способные привести их в XXI век. Однако подготовка руководителей дело не одного дня.

Заключение

Румынские библиотеки продолжают испытывать последствия коммунистического режима, выраженные в отсутствии необходимых библиотечных зданий и профессионального персонала, а также устаревших фондов. Почти чудо, что румынские библиотеки сохранились как учреждения за 45 лет коммунистического забвения. В настоящее время они находятся в тяжелых условиях в связи с обвальной инфляцией, характерной для румынской экономики после 1989 г. За очень немногими исключениями модернизация румынских библиотек и интеграция их фондов в международную информационную систему, наряду с расширением обязательного диапазона обслуживания пользователей, — дело библиотекарей будущего.

Невнимание коммунистического правительства к библиотекам — это печальное наследие,

корни которого не исчезнут, пока новые политики будут продолжать игнорировать эти учреждения. Настало время, когда руководители страны должны взглянуть на библиотеки как на информационные центры, обслуживающие и обогащающие население, как на учреждения, предназначенные для обеспечения доступа к информации всех представителей общества. Они должны признать важность библиотеки как института и предоставить финансовую поддержку, необходимую для обретения румынскими библиотеками равного статуса с библиотеками в развитых странах мира.

Перевод с английского М.П. Дубянской

ВЛИЯНИЕ ПОЗИТИВИЗМА НА РАЗРАБОТКУ НАУЧНЫХ МЕТОДОВ: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ И ИНФОРМАТИКИ*

Арчи Дик — факультет библиотековедения и информатики, Университет Вестерн Кейт, п/я X 17, Бельвилль, 7530 Южно-Африканская Республика

Позитивизм определяет разработку и внедрение научно-исследовательских методов в библиотековедении и информатике. Рассматривается эмпирическая теория знания, лежащая в основе позитивизма, и дается обзор дискуссий о пригодности такой эпистемологической базы исследований в области библиотековедения и информатики для изучения технических и административных аспектов и непригодности ее в более широких социально-политических и культурных контекстах.

Введение

Определить позитивизм нелегко. Мутон, например, отмечает, что «в истории философии позитивизм имеет целый диапазон самых разнообразных значений и установок» (57:20). Кроме разнообразия значений, затрудняющим определение фактором является наличие целого ряда синонимических формулировок для позитивистских по существу положений. К таким формулировкам относятся: «логический позитивизм», «последовательский эмпиризм», «логический эмпиризм», «научный эмпиризм», «логический неопозитивизм» и даже философии «аналитического» или «обычного языка», разработанные в Кембридже и Оксфорде (59:52).

Тем не менее, в качестве ключевых характеристик сущностного содержания позитивизма можно выделить три основные темы.

1. Основополагающая база эмпирической эпистемологии** или теории знания — то есть положение о том, что все научное знание основано на чувственном опыте (эмпирически наблюдаемых впечатлениях) и его достоверность

определяется эмпирическими принципами.

2. Утверждение, что естественные и социальные науки должны изучаться одинаково (т.е. позиция методологического натурализма), и ориентация на конечное объединение всех наук.

3. Оптимистическая вера в прогресс человеческого разума и вытекающее из нее мнение о том, что общественные науки позволяют человечеству установить новый общественный порядок (1:415; 57:2).

Данная статья посвящена рассмотрению роли эмпирической эпистемологии как основной философской предпосылки и даже базы для разработки наиболее распространенных исследовательских методов в библиотековедении и информатике. Дается краткий критический обзор литературы об успешном применении этой эпистемологической базы исследований в данной области при решении так называемых «технических» или «административных» задач и ее фактической непригодности для углубленного изучения более широких социально-политических и культурных вопросов библиотечного и информационного обслуживания.

Логический позитивизм и естественные науки

Историческая связь позитивизма с естественными или «физическими» науками определяется их общим интересом к эмпиризму как теории знания (1:415). Эмпиризм — это теория о том, что источником знания является опыт, а не разум. В этом смысле он противопоставлен рационализму (2:499).

Нельзя недооценивать значительный вклад

²² Национальная библиотека была среди библиотек, где после декабрьского народного восстания сотрудники приняли решение о проведении свободных выборов на уровне учреждения и отделов. В результате были избраны два новых директора, переизбран ряд заведующих отделами, а политические ставленники заменены не состоящими в коммунистической партии.

* С разрешения автора статья перепечатана из журнала «S. Afr. J. Libr. Inf. Sci.», 1991, 39(4).

** Эпистемология — (греч. Episteme — знание и logos — учение, слово) — теория познания, теология. Термин эпистемология употребляется английскими и американскими философами, разделяющими философию на онтологию и эпистемологию.

европейского рационализма в развитии науки на Западе, но Ван Гайч и Столлидей утверждают, что, «однако, при этом западная наука и ее философия все более склонялись к эмпиризму, отвергая рационалистское требование очевидности истин для разума и последующий дедуктивный переход к положениям, обеспечивающим новое знание» (68:42).

Связь между позитивизмом и эмпиризмом отразилась в движении логического позитивизма, организованном группой мыслителей из Вены в 1920-х гг. Эта группа прославилась под названием «Венский кружок». Его члены были тесно связаны с естественными науками и считали себя продолжателями венской эмпирической традиции XIX века (тесно связанной с эмпиризмом в Великобритании) (59:52).

Преимущество эмпирической позиции логических позитивистов проявляется в утверждении те называемого «принципа верификации» (также именуемого принципом проверяемости или теорией проверяемости смысла), согласно которому метафизика отделяется от науки.

В общих чертах этот принцип предусматривает, что «если можно описать наблюдение, релевантное в определении (проверке) истинности или ложности положения, то положение значимо; если нет, оно не имеет смысла» (61:238).

Акцент на наблюдение обеспечивал прочную эмпирическую базу научного исследования и подтверждал его способность создавать «информативное» утверждение в отношении реальности, сводя все метафизические или эмпирически непроверяемые утверждения в категорию «тривиально-аналитических или не имеющих смысла» (61:284).

Трудности защиты и последовательного применения принципа верификации постепенно привели к замене его «подтверждаемостью», «испытываемостью» и, наконец, «проверяемостью» в трудах Поппера (62). Однако, что важнее, при одностороннем выделении знания в эмпирической теории неизбежно возникнут противоречия. В частности, «принцип верификации» сам по себе эмпирически не «испытываем» и в этом качестве тоже может быть отвергнут как

бессмысленный (59:55). К тому же классические эмпирики рассматривали эмпирически все, за исключением самого понятия «опыта», и создавали всеобъемлющую метафизическую абстракцию, чудесным образом порождаящую знание (45:149).

Выделение опыта как источника научного знания также означало, что вся наука в сущности едина, ибо весь опыт един. Это привело к положению о единстве науки и предположению о том, что методы исследований, распространенные в естественных науках, с равным успехом могут применяться и в социальных науках. Натуралистический идеал методологического единства всех наук требует применения научного метода в социальных науках на том основании, что применяемые в самых разных науках термины в принципе поддаются унификации, поскольку могут быть сведены к терминам, обозначающим то, что можно непосредственно наблюдать в опыте. Кроме того, этот редукционистский подход тесно связан с принципом физикализма***, согласно которому все науки в принципе могут быть заново сформулированы на языке физики (45:97).

Существенное значение этого позитивистского положения состоит в том, что социальные науки тем самым рассматриваются как хотя и незрелые, но истинно естественные науки, отличающиеся лишь по степени, но не по роду. В соответствии с этим взглядом прогресс социальных наук требует внедрения методов, процедур и критериев проверки гипотез и теорий, которые оказались эффективными в естественных науках (9:27). В результате сложилось представление о применимости механистических, количественных методов исследований естественных наук, изначально основанных на эмпирических принципах, в целом ряде социальных наук.

Ограничения позитивистских исследовательских подходов

Применение количественных методов исследований в естественных и социальных науках постепенно столкнулось с проблемами, которые не могли решаться в рамках так называемого научного эмпиризма. Основная позитивистская особен-

ность эмпирического наблюдения, согласно которой существует объективная, более или менее изолированная и независимая от наблюдателя вселенная, все чаще подвергалась критике, особенно в последних разработках физики (82; 21; 11; 38).

Так, например, в контексте субатомной физики роль наблюдателя, то есть присутствие человеческого сознания, приобрела решающее значение при определении фундаментальной природы материи или конечных частиц. Конради сообщает, что «физики стали понимать, что вселенную нельзя делить на наблюдающего субъекта и наблюдаемый объект. Это одно целое» (26:2). Наблюдатель стал участником, сознание которого составляет неотъемлемую часть самого процесса наблюдения, а потому знание невозможно без существенного участия знающего ума.

Понимание эти недостатков исследовательских подходов в ряде естественных наук привело к расширению систематического поиска с использованием (наряду с механистическими) методов исследований на основе холистского**** мировоззрения (60; 10; 70; 13). В отличие от узко эмпирического способа познания, холистские исследовательские подходы признают все формы познания как достоверные в рамках собственных эпистемологических критериев определения истины.

Эти вопросы вновь возникают в критическом плане при разработке исследовательских методов в ряде профессиональных дисциплин. В таких классических профессиях, как, например, медицина, признается, что механистические и холистские подходы «дополняют друг друга и равно необходимы для сбалансированного понимания» природы медицинской теории и практики (50:xi). Механистический подход обеспечил такие достижения научной медицины, как лечение инфекционных заболеваний, возможность удаления больных органов — например, воспаленного желчного пузыря или аппендикса, а также профилактика заболеваний путем иммунизации (50: xxv). Однако этот подход оказался не столь эффективен при лечении дегенеративных заболеваний и рака. С другой стороны, при холистском подходе заболевание и бо-

лезнь рассматриваются как следствия сложного взаимодействия социальных, экологических, психологических и физических факторов и предлагается более соответствующий контекст для задач, которые не решаются механистическими методами (49: 36).

Аналогичные проблемы отмечаются в профессиональной литературе, посвященной передаче знаний, более тесно связанной с библиотечковедением и информатикой, а именно образованию. Здесь критикуется понятие «объективности» в понимании логического позитивизма и его применение в разработке методов педагогических исследований. Позитивистские методики, связанные с естественными и физическими науками, якобы дают педагогическим исследованиям «аполитичный» метод изучения вопросов техники (28; 33). Однако понятие «объективности» уже критиковалось и в естественных науках, и возникновение других достоверных подходов к получению знания в процессе образования способствовало осознанию недостатков исключительного применения строгой позитивистско-эмпирической эпистемологии в педагогических исследованиях (81: 32; 43).

Влияние позитивизма на исследования в области библиотечковедения и информатики

Природа воздействия позитивистских подходов на исследования в области библиотечковедения и информатики запечатлена в высказывании Мак Кьюра: «Пока библиотечковедение поспешно рядили в одежды правдоподобия и почтенности, эта профессия заимствовала целый ряд подходов и понятий научного поиска из области философии и методик точных наук. Однако библиотечковедение и информатика — как и многие профессии, связанные с социальными науками, — зачастую обнаруживают недостижимость или непригодность ожиданий и требований исследования по модели точных наук» (52:282).

Чувство амбивалентности в отношении пригодности точных наук возникло еще при первых попытках создания «библиотечной науки» как средства утверждения статуса библиотечной профессии.

** *Физикализм — концепция логического позитивизма, согласно которой истинность какого-либо положения науки зависит от перевода на язык физики — науки, изучающей наиболее общие свойства материального мира. Стремление к универсальному языку науки.

**** Холизм (греч. *hogos* — целое) — термин введен Я.Х. Слэтсом. А статья А. Дика означает принцип целостности — познание субъекта в политическом и культурном контексте.

Происхождение научной модели

Первое требование американского библиотекаря Батлера (1886—1953) о применении методик естественных наук к аспектам библиотечного дела следует рассматривать как призыв к освоению научных методов в качестве составного и необходимого компонента профессиональной философии библиотечного дела. Батлер остро сознавал как возможность, так и ограничения библиотечного дела. Он признавал, что эта наука не может рассматривать «проблемы конечной природы вещей и конечной реальности» (46:64) и поэтому необходимо сосуществование научных и гуманитарных аспектов библиотечного дела (20:xii,29-26). Но при этом он полагал, что вынужденное принесение в жертву определенной доли духовности во многом перевешивается преимуществами точной науки (20:xi-xiii).

Впоследствии Батлер заключил, что библиотекари склонны к прагматической эмпирике и «научообразное заблуждение» привело их к предположению о том, что библиотечное дело как профессия существует лишь постольку, поскольку оно является наукой (19:236; 239). Это «научообразное заблуждение», по мнению Гарриса, характерно для типа исследований, которые велись вначале существования Библиотечной школы Чикагского университета и развили позитивистскую эпистемологию, подхваченную многими современными исследователями библиотечного дела (396:517).

В Южно-Африканской Республике (ЮАР) и Великобритании возникли аналогичные предостережения относительно неоправданного увлечения библиотечными исследованиями научными методами в их узком понимании. Так, например, Коузи (1905—1987) был сторонником научного подхода в библиотечном деле и информатике, но не придерживался узко методической концепции науки. Он доказывал значение и достоверность как индуктивного, так и дедуктивного подходов и утверждал, что слепое применение современного материалистического научного подхода в ущерб гуманитарным исследованиям не может быть плодотворно в библиотечном деле и информатике (23:11; 24:121; 25:34). В свою очередь Брукс (1910 —) считает, что позитивистские теории знания, хотя и не полностью неверны, тем не менее непригодны в подлинной информатике (которую он, кстати, рас-

сматривает как автономную и независимую от библиотечного дела) (14:12).

Возникновение информатики

Если первые попытки утверждения библиотечного дела вызвали сомнения относительно пригодности позитивистских исследовательских подходов, возникновение информатики и сочетание с библиотечным делом значительно способствовали снятию таких сомнений.

Связь информатики с естественными науками, а следовательно и с позитивистскими исследовательскими методами, более четкая, нежели природа ее отношений с библиотечным делом. Так называемый «соблазн науки» (42:749) привел ряд библиотечных теоретиков к развитию позитивистских подходов к приобретению знаний в информатике (т.е. ее эмпирических основ) с одной стороны, а с другой — к предположению о том, что последняя отрицает библиотечное дело как более мелкий компонент и даже, возможно, между ними вообще нет никаких связей (65: 80; 15: 16; 29: 37; 48). Хотя существуют и другие взгляды на соотношение библиотечного дела и информатики и несмотря на утверждение о том, что информатика не так научна, как ей хотелось бы (17; 248), совершенно очевидно, что распространенное использование научных методов в библиотечном деле и информатике связано с отсутствием профессионального самосознания и четкого определения научной сферы.

Позитивистская традиция в исследованиях в области библиотечного дела и информатики

При наличии сомнений в том, что позитивистская позиция с ее научной моделью определяет современные исследования в области библиотечного дела и информатики (39:518; 17:237—238), тем не менее нельзя отрицать ее влияние. Один из авторов — Мэчлал — отмечает, например, что «библиотечное дело эмпирично во всех своих аспектах» и что «каждая фаза исследований в этой области практично—эмпирична» (55:16). Отрывки из двух монографий по исследовательским поддерживают это мнение. Буша и Гартер в работе, озаглавленной «Исследовательские методы в библиотечном деле», утверждают, что «библиотекари, как и представители других социальных и общественных наук, вероятно,

оптимистически представляют потенциал своей области в плане превращения в эмпирическую науку, в которой возможно обобщение конкретных примеров в широкие принципы» (18:6).

В своем «Введении в научное исследование библиотечного дела» Голдор утверждает: «Библиотечное дело сегодня особенно нуждается в обобщенных истинах, раскрытием которых занимается научное исследование... Пока мы не сможем дать универсальные обобщения или законы... библиотечное дело останется искусством или областью практики, но не будет наукой или дисциплиной» (34:2).

Позитивистское требование четкой дихотомии и/или — то есть, либо библиотекари применяют методологии эксперимента и измерения для обнаружения универсальных связей библиотечных параметров, либо большая часть исследований библиотечного дела обречена на провал — перекликается с доводом о том, что библиотечной науке предстоит сделать выбор между «наукой и не-наукой» (44:102). В этом случае в качестве образцов для исследователей в области библиотечного дела и информатики предлагаются физические или «точные» науки, которые якобы дают «точное знание о реальности» (51:375). В результате укрепляется убежденность в том, что библиотечное дело существует как профессия лишь постольку, поскольку принимает модель естественных наук с ее позитивистской исследовательской методологией.

В соответствии с этим взглядом Брукс считает, что для преобразования библиотечного дела в науку требуется позитивистская методология. Он утверждает, что «только позитивистские исследования выдвигают эмпирические формулировки, которые могут опровергаться экспериментом, отвергаться доказательством или подвергаться критическим испытаниям. Другие методологии могут обеспечивать впечатления, интересные сравнения, темы для дискуссий и прочее, но их результаты не воспроизводимы, их методы не объективны, их определения не точны и их методики не открыты. Они не научны» (17:243).

Ясно, что хотя позитивистская традиция не является господствующей в исследованиях в области библиотечного дела и информатики, ее сторонники объявляют ее единственным путем утверждения области их научного, а следовательно и профессионального статуса.

Выявлен ряд причин такого неоправданно широкого применения количественных методов в библиотечном деле и информатике. Ван Хузе, например, указывает, что совершенствование количественных методов, с одной стороны, и рост объемов и сложности библиотек наряду с требованием подотчетности в общественном секторе — с другой, заставили руководителей библиотек принять эти методы в целях получения надежных данных для принятия решений. К тому же, ряд исследователей вне библиотечной сферы — например, экономисты и операционисты — «открыли» библиотеки как недостаточно используемые базы исследований и, используя свои усовершенствованные количественные методы, разработали для библиотек средства измерения эффективности и продуктивности (69:269).

Сильное влияние позитивизма на библиотечные исследования, возможно, стало причиной недостаточного внимания к «гуманитарным» или качественным направлениям развития, несмотря на их явную целесообразность в данном плане. Это видно, например, при разработке анкет, где поиски решения проблемы неоднозначности вопросов, порождающей ненадежность информации, ведутся не в рамках явно пригодной методологии качественных исследований (например, герменевтики), а в позитивистской структуре (сравним применение Воостейном и Линдсеем математической «модели экспресс—шкалы» для решения этой проблемы (12)).

Тем не менее, возникают некие «донные течения» в поддержку применения качественной методологии в исследованиях в области библиотечного дела и информатики для устранения ошибочного увлечения узко эмпирическими основами научных исследований.

Реакции на позитивизм

Реакция на внедрение позитивистской методологии в исследованиях в области библиотечного дела и информатики просматривается в постоянном диапазоне между двумя крайними полюсами, от полного отрицания с одной стороны, до принятия просто как единицы репертуара возможных подходов — с другой.

Позитивизм как антиметафизический
Райт разграничивает в своей формулировке ме-

тафизический (рациональный) и физический (эмпирический) аспекты библиотековедения и информатики. Один из критиков охарактеризовал его как эпистемологического дуалиста (27:371). В рамках такого дуализма он последовательно защищает приоритет метафизического над физическим. При этом он полагает, что «человеческий ум есть... источник и предмет... библиотечного дела» (75:396). Физические аспекты библиотечной практики необходимы, но имеют вторичное значение по сравнению с «нематериальными», метафизическими аспектами.

Эпистемологические позиции в библиотечном деле связаны с выбором конечных реальностей. Райт считает, что если конечные реальности «сводятся к данным», то для их рассмотрения наилучшим образом подходят эмпирические способы. Однако, если наши конечные реальности «сводятся к идеям», то их нужно рассматривать рациональными, а не эмпирическими способами. Он поясняет, что «это означает приверженность познавательным методам критического гуманизма, который как наука изначально ретроспективен и рефлексивен» (76:15). Его увлечение рационалистическими способами мышления и исследования находит высшее выражение в понимании библиотечного дела и естественных наук как антигетичных, ибо направленных на «разные порядки реальности» (74:261). Даже информатика должна отказаться от использования физических (позитивистских) методов естественных наук, если она ориентируется на более серьезный вклад в библиотечное дело.

Отрицание Райтом позитивистских методов исследования с их эмпирической базой на основании их антиметафизичности, а следовательно несоответствия его пониманию природы библиотечного дела распространяется и на прагматизм. Он рассматривает прагматистскую эпистемологию в ее узком (и на мой взгляд ошибочном) антиинтеллектуальном понимании. И вновь связь прагматизма с эмпиризмом образует основу его отрицания ценности прагматизма для библиотечных исследований. Он полагает, что прагматизм образует «философию действия с уклоном к опыту, выведенную из научного материализма» и что «библиотекари занимаются знанием, а не действием» (78:765). По мнению Райта, американские библиотекари, применяющие положения прагматистской позиции,

ошибочно сводят свои задачи знания к теории действия в целях научного их решения. Однако, как он заявляет, «теория действия не может решать задачи знания в библиотечном деле, потому что теории знания (эпистемология) не сводятся к теориям действия (этика/ социология/ наука) и наоборот» (79:51).

Поэтому для Райта рационалистская эпистемология предпочтительнее, чем эмпиризм или его приложение в прагматизме. Он указывает на символический интеракционизм как на пример исследовательского метода, не основанного на позитивистских принципах, утверждая, что он (символический интеракционизм) «изучает формальные объекты, которые передаются естественным языком и не могут быть описаны математически, а рациональность — единственный... критерий истинности» (78:751). Символический интеракционизм выдвинул Шира в так называемом «отречении» (6) как область исследований, способную обеспечить соответствующую базу для теории библиотечного дела (67:386). В этой последней своей крупной статье Шира выразил сомнение в существовании фундаментальной связи информатики с библиотечным делом и провозгласил основной областью интересов последней социальные, а не природные явления, а следовательно и непригодность позитивистских методов исследований в качестве инструментов для изучения реальностей библиотечного дела (78:746; 79:48).

Согласно этой позиции, эмпиризм допускается только в роли инструмента, и таким образом признается, что физические символы — лишь инструменты передачи вызванных в уме идей. Тем не менее, именно эти «интеллектуальные реальности мысли» для Райта составляют истинную сферу интересов исследователей библиотечного дела и требуют методов исследования, которые не обеспечивают позитивизм.

Позитивизм как консервативная эпистемология

Эта позиция предусматривает положение о том, что позитивизм ограничивает диапазон возможных исследовательских задач библиотековедения и информатики. Другими словами, позитивистские исследовательские методы весьма целесообразно применять для решения задач техники и управления, но они не годятся для изучения социальных, политических и экономи-

ческих вопросов. Главный представитель этой позиции Гаррис считает, что позитивистская эпистемология «привела нас к фетишизации определенных методологических подходов в своих исследованиях и утере нужных вопросов» (41:217). Упоминание Гаррисом «нужных вопросов» касается изучения таких вопросов, как политическое и экономическое воздействие на библиотечное и информационное обслуживание; анализ основополагающих сил воспроизводства «ныне господствующей культуры» в обществе; «общественные отношения, дающие информацию для библиотечного обслуживания»; и «идеология библиотекарей» (41:245 — 246).

По этой причине, а также по причине претензий позитивизма на аполитичность и ценностную нейтральность, Гаррис характеризует его как «явно консервативную» эпистемологию (40:111). Эта типично марксистская критика позитивизма. Так, например, Ричардс следующим образом определяет позицию критиков — теоретиков Франкфуртской школы: «так называемая нейтральная (позитивистская) наука... едва ли пригодна для современных властей. Экономика, политика и наука сегодня взаимосвязаны, и с помощью средств массовой информации массами манипулируют от имени науки (и научной рациональности)» (63:56).

Именно это идеологическое измерение позитивизма стремится разоблачить Гаррис.

«Сирена науки» и ее «объективистская иллюзия», по мнению Гарриса, вызвала мечту о разработке «физики библиотечного дела» (41:219). Позитивистская эпистемология объединяется с плюралистской онтологией, согласно которой библиотекари — «аполитичные слуги «народа», а библиотеки — «просто зеркала, нейтральные отражения «расовой памяти общества»» (41:215). Он характеризует позитивистскую эпистемологию следующим образом:

1. Библиотековедение это подлинная, хотя и незрелая, естественная наука. Отсюда следует, что методологические процедуры науки приемлемы в библиотековедении; что количественное измерение и упорядочение неотделимы от научного метода; что сложные явления наилучшим образом понимаются путем сведения к существенным элементам и изучения способов их взаимодействия.

2. Библиотека (в широком понимании) дол-

жна рассматриваться как комплекс фактов, управляемых общими законами. Открытие этих законов и теорий — основная задача этих исследований.

3. Соотношение этих законов и теорий с практикой в основном инструментальное. То есть, как только будут установлены эти законы и теории, мы можем объяснить, прогнозировать и контролировать — создавать нужное положение дел простым применением теоретического знания.

4. Библиотековед может и должен сохранять в своей работе строгую «ценностную нейтральность» (39:522).

Гаррис утверждает, что позитивистская эпистемология определяет мышление большинства серьезных представителей библиотековедения и информатики (он ограничивается Соединенными Штатами). Однако эта эпистемология столкнулась с широким кругом трудностей и переосмысления ценностей и в общественных, и в естественных науках. Это он считает нежелательным для библиотековедения и информатики. Отсюда необходимость переосмыслить эпистемологические основы данной профессиональной дисциплины и рассмотреть качественные подходы, которые предлагаются, например, в теории критики и герменевтике (39:516).

Сам Гаррис рекомендует холистскую направленность исследований с акцентом на культурные, исторические, политические и экономические контексты библиотек и библиотечного обслуживания. Кроме того, нужна рефлексивность и эмпиричность исследований — то есть, исследователю нужно учитывать влияние на наблюдения собственных убеждений и склонностей. Таким образом, основная позитивистская дихотомия субъекта/объекта устраняется и заменяется «высшим синтезом, в котором есть место и тому и другому» (39:524). И наконец, необходима диалектика исследований в смысле направления внимания не только на поверхностно внешнее, но и на создающие это внешнее «скрытые социальные условия» в целях более полного объяснения «сложной, встроенной природы библиотечного обслуживания» (39:525; 40:112).

Хотя позитивистская эпистемология предлагается как однозначно пригодная для решения вопросов снабжения, управления и техники. Берген считает, что Гаррис не доказывает невозможность успешного применения позитивист-

ких подходов для решения других библиотечных задач — например, политекономии и культуры (8:73). Хотя до сих пор неясны возможности успешного применения позитивистских методов исследования в социальных или культурных аспектах библиотечно-информационного обслуживания, совершенно ясно, что библиотековедению и информатике приходится решать множество самых разнообразных проблем. Более того, в связи с широким применением позитивистских методов исследования требуют ответа и другие вопросы. Фримэн (31:29), например, задает вопрос: «Не составляет ли увлечение цифрами и статистической обработкой в этой области одну из причин того, что библиотечные исследования скорее описательны, чем объяснительны? Не скрывает ли стена математической премудрости самые тривиальные занятия?» Поэтому критика Гарриса своевременна.

Позитивизм как один из ряда возможных исследовательских подходов

В противоположность характеристике позитивизма как абсолютного чуждого и затемняющего более широкие вопросы, существует и более скромное представление о нем как о вполне законной части в ряду методологий науки в целом.

По мнению Шрадера исследования в области библиотекведения и информатики направлены на проблемы достаточно разные, требующие разных методов поиска и обеспеченных разными методами знания, или эпистемологиями. Он не требует единой или абсолютно эпистемологической базы, а признает равную ценность разных способов достижения знания или открытия для исследований в области библиотекведения и информатики (66:376).

Такой подход предполагает понимание ценности использование ряда эпистемологий, ибо каждая из них дает нам возможность выявить свое в общественном мире. Берген предлагает «анархическое гостеприимство» ко всем взглядам вместо канонизации единого. Он считает, что «мы должны использовать все, что есть под рукой, поэтическую интуицию, томистскую метафизику, символический интеракционизм, а также плюрализм—позитивизм и гегельянский марксизм. Нам не вредно расслабиться и проявить большую степень нейтральности, даже анархии, в отношении разных способов получения знания» (8:75).

Аналогичные взгляды выражены в работах Олайсена и Кестинга. Олайсен указывает на необходимость порвать с функционалистской (т.е. «логически—эмпирической») ориентацией в библиотечно-информационных исследованиях и перейти к «парадигматической терпимости», обеспечивающей более эффективное средство исследования «всей совокупности типов информационных потребностей, информационных ресурсов и механизмов передачи информации» (выделено автором, 58:147). Кестинг в свою очередь рекомендует профессиональный взгляд, обозначенный как «супрадоктринализм» или «трансдогматизм», который — наряду с прочими аспектами — предусматривает освоение всех методологий науки в целом и в каждой отдельной специализированной дисциплине, для которой пригодна каждая из них в отдельности» (47:viii).

Постепенный сдвиг к более «холистским» подходам в разработке исследовательских методов вызван необходимостью преодолеть обнаруженные ограничения позитивизма, не впадая при этом в «субъективизм» — то есть, преодолеть пределы «объективизма и релятивизма» (9). Понятие единства или взаимосвязанности сегодня вошло в число основополагающих принципов философской позиции многих мыслителей. Холистская позиция делает невозможным полное понимание всякого единого целого без учета его контекста или среды в целом и позволяет исследователю лучше понять природу изучаемого субъекта (36:267).

Такая направленность мысли в науке привела к росту готовности представителей исследований в области библиотекведения и информатики перейти от чрезмерного увлечения механистическими подходами на базе эмпирики, определяющими разработку и применение количественных методов, к качественным методологиям как столь же эффективным инструментам исследования.

Ценность не-эмпирических исследований в библиотекведении и информатике

Не смотря на попытки ряда библиотекарей возвести в ранг добродетели так называемую «субъективность» библиотечно-информационной работы, растет число качественных методов исследования, безусловно пригодных для

изучения этих аспектов. Мутон убедительно показал равноценность эпистемологического статуса качественных и количественных методов (56). В сущности, качественные методы исследования обеспечивают сбор данных, характеризующих представление группы о своем мире, изложенное отдельными членами этой группы (36:249). Литература по библиотечно-информационным исследованиям содержит много примеров применения этих методов, но они представлены, например, когнитивистскими подходами в поиске и передаче информации (5:35), а также индексации (30); герменевтическим анализом текстов по библиотековедению и информатике (6) и применением принципов герменевтики в передаче информации (64); оценочными исследованиями (22) и применением принципов символического интеракционизма (36).

Дороговизна исследовательских проектов с применением качественных методов затрудняет оценку их роли в библиотекведении и информатике, но признание их как значимых способов научного исследования способствовало развенчанию мифа о святости количественного изучения. Вейнланд отмечает, что «не—эмпирические исследования полностью оправданы в изучении прошлого (истории), будущего (прогнозирования) или настоящего (описаний), и... эти методы способны внести не меньший вклад в сумму теоретического знания, чем любимое детище — эмпирическое исследование» (71:205).

Оценка влияния позитивизма на исследования в области библиотекведения и информатики

Как часто случается с преходящими интеллектуальными методами, достоинства и ограничения позитивизма выявили фундаментальные и пока не нашедшие ответа вопросы, затрудняющие развитие библиотекведения и информатики как профессиональной дисциплины.

Необходимость теоретической структуры исследований

Все попытки применения позитивистской методологии эксперимента и измерения для обнаружения универсальных отношений библиотечных параметров оказались неудачными, потому что «остаются нерешенными основные теоретические проблемы» (17:239). Эти вопросы и затруд-

нения связаны с проблемами своеобразия и определения, а также четкого отграничения от других видов информационной деятельности (72:82); «особого вида знания» библиотекарей — то есть, профессиональной «идеологии» или профессионального мировоззрения (54:97; 73:133), и уточнения концепций таких ключевых терминов, как «информация» и «знание». Налицо недостаток согласия среди немногих теоретиков, занимающихся этими основными проблемами, и минимальная реакция огромного большинства библиотекарей-практиков. Фримэн утверждает, что «сейчас как никогда нужны теория и моделирование, но серьезные представители библиотечных исследований не находят своей аудитории» (31:29; 53).

Представление о библиотекведении и информатике как о части общественных наук привело к неразборчивому «заимствованию» их исследовательских методологий. «Импорт» позитивистских методов из тех общественно-научных дисциплин, которые приняли модель естественных наук, особенно в период 1930—1960-х гг., был основан на предположении о более значительных параллелях библиотекведения и информатики с социальными, чем с гуманитарными науками. С этим было связано крайне незначительное использование «гуманитарных» методов исследования в библиотекведении и информатике. Более того, недавнее снижение популярности позитивизма как метода создания знания об обществе в общественных науках не коснулось библиотекведения и информатики, где он обрел прочные исследовательские позиции. Берген предостерегает от такого «чрезмерно старательного» заимствования их социальных наук и предупреждает об опасности изображения этих заимствованных методов исследования как «истинных, объективных или окончательных» (7:30). В отсутствие направляющей структуры, основанной на понимании собственного своеобразия, проблемы библиотекведения и информатики станут базой для внедрения модных методологий, а исследования останутся «эпизодическими, изолированными и неакумулируемыми» (17:240).

Еще одно нужное теоретическое положение, могущее препятствовать возникновению в этой профессиональной дисциплине «методологической шизофрении», — это постулат общей

эпистемологической позиции, соответствующей уникальному комплексу профессиональных функций. Такая позиция выявит релевантные способы мышления для профессионального мировоззрения. Холлистская и метанаучная природа библиотековедения и информатики допускают самую широкую структуру с включением эмпирических и рациональных способов получения знания и их производных как ценных позиций в объективно определенной сфере исследований (47; 77; 4).

Дополнительное преимущество такой эпистемологической позиции выразится в ее вкладе в понимание «информации» и, что еще важнее, понятия «знания» в контексте библиотековедения и информатики. Утверждение концепции «знания» будет способствовать пониманию библиотечарем своей посреднической роли в процессе передачи знания и совершенствованию его критического восприятия в качестве исследователя качественных и количественных методов получения «законного», профессионально ориентированного знания.

Необходимость признать «вопросы факта» и «вопросы ценности» как базу исследований

Признание ограничений позитивизма в рассмотрении не—эмпирических проблем (17: 245—246) подтвердило необходимость поиска соответствующих методов изучения таких «вопросов ценности», как широкие культурные, экономические, политические и эстетические измерения библиотековедения и информатики.

Поскольку, согласно принципу проверяемости логических позитивистов, положения ценности не составляют положений эмпирического факта, они считаются ничего не утверждающими — то есть они не верны и не ложны и не имеют познавательного смысла (59:54).

Эта отстраненность позитивизма от сферы человеческих ценностей подчеркивает необходимость поиска библиотечарями путей изучения «вопросов ценности» вне позитивизма. Эмпирическая эпистемология вполне уместна при рассмотрении «вопросов факта» и значительно способствовала разработке «физических» аспектов библиотековедения и информатики.

Однако растущая зрелость и профессионализация данной области требует более глубокого понимания «метафизического», «этического» и

других расширенных контекстов, формирующих природу практики. Позитивизм здесь практически бесполезен, а пригодность качественных научных методов как полезных инструментов исследования вполне очевидна. Возникновение так называемого альтернативного библиотечно—информационного обслуживания в ЮАР обеспечивает соответствующую сферу применения таких методов.

Исследование «вопросов качества» будет способствовать упрочению активной положительной роли библиотек в сохранении и распространении человеческих ценностей и отграничит их от других видов информационной деятельности как профессию, обеспечивающую жизненно важный человеческий контекст передачи информации.

Совершенствование позитивистско—эмпирических методов исследования во многом сохранит их значение для библиотековедения и информатики в плане разработки аспектов и решения задач, поддающихся статистической обработке и описанию по модели естественных наук. Базовая эмпирическая эпистемология позитивизма позволяет использовать его при изучении материальных, или физических, аспектов библиотековедения и информатики — то есть «вещей, которые можно измерить, взвесить, налить, закрепить или смешать» (67:384). Однако библиотечари, прежде всего, имеют дело с идеями, понятиями и мыслями и лишь потом с «вещами». При единстве нематериальных реальностей и физических инструментов судьба позитивизма как исследовательского подхода в библиотековедении и информатике, по—видимому, будет связана с поисками оптимального равновесия профессионального развития.

Заключение

Позитивизм послужил нам на пользу. Он способствовал ценности других методов исследования и выявил необходимость изучения философских предпосылок различных способов исследования и профессиональной практики.

Перевод с английского М.П. Дубянской

ЛИТЕРАТУРА

1. Abbagnano, N. 1967. *Positivism*, in *Encyclopedia of philosophy*, ed. by P. Edwards, New York; Macmillan, 6:415-419
2. Acton, H.B. 1967. *Empiricism*, in *Encyclopedia of philosophy*, ed. by P. Edwards, New York; Macmillan, 2:499-505.
3. Beagle, D. 1988. *Libraries and the «implicate order»: a contextual approach to theory*. Libri, 38 (1):26-44.
4. Bekker, J. 1987. *Die twee kulture en die nuwe bibliotekaris*, in *Die nuwe bibliotekaris: festschriftterere van H.O.K. Zastra, onder redaksie van A. Blom, J. Boon & De Wet*. Pretoria: Staatsbiblioteek:7-21.
5. Belkin, N.J. 1990. *The cognitive viewpoint in information science*. Journal of information science, 16 (1):11-15.
6. Bennett, G.E. 1988. *Librarians in search of science and identity: the elusive profession*. Metuchen, NJ: Scarecrow Press.
7. Bergen, D. 1985. *Reviews*. Library and information science research, 7 (3):306-309.
8. Bergen, D. 1987. *Editorial*. Library and information science research, 9 (2):71-75.
9. Bernstein, R.J. 1983. *Beyond objectivism and relativism: science, hermeneutics and praxis*. Oxford: Blackwell.
10. Bohm, D. 1981. *Wholeness and the implicate order*. London: Routledge & Kegan Paul.
11. Bohm D. 1984. *Casuality and chance in modern physics*. London; : Routledge & Kegan Paul.
12. Bookstein, A & Lindsay, A. 1989. *Questionnaire ambiguity; a Rasch scaling model analysis*. Library trends, 38 (2):215-236.
13. Briggs, J.P. & Peat, F.D. 1984. *Looking glass universe; the emerging science of wholeness*. Glasgow: William Collins.
14. Brookes, B.C. 1964. *Communicating research results*. Aslib proceedings, 16(2):7-21.
15. Brookes, B.C. 1980. *The foundations of information science*. Journal of information science, 2. Parts 1-3.
16. Brookes, B.C. 1981. *The foundations of information science, 4; information science; the changing paradigm*. Journal of information science, 3:3-12
17. Brooks, T.A. 1989. *The model of science and scientific models of librarianship*. Library trends, 38(2):237-249.

18. Busha, C.H. & Harter, S.P. 1980. *Research methods in librarianship: techniques and interpretation*. New York: Academic Press
19. Butler, P. 1951. *Librarianship as a profession*. Library quarterly, 21 (4):235-247.
20. Butler, P. 1961. *An introduction to library science*. Phoenix edition. Chicago: University press.
21. Capra, F. 1981. *The tao of physics: an exploration of the parallels between modern physics and eastern mysticism*. Suffolk: Chaucer Press.
22. Childers, T. 1989. *Evaluative research in the library and information field*. Library trends, 38 (2):250-267.
23. Coetzee, P.C. 1959. *Die bibliotekewese van Suid-Afrika in kultuurhistoriese perspektief*. Suid-Afrikaanse biblioteke, 27(1):11-17.
24. Coetzee, P.C. 1965. *Invisible horses*. Suid-Afrikaanse biblioteke, 32(4):121-122.
25. Coetzee, P.C. 1965. *Scholarship, science and documentation*. Suid-Afrikaanse biblioteke, 33(2):33-35.
26. Conradie, G. 1986. *Consciousness, matter and the between*. (Unpublished article).
27. Donohue, J.C. 1977. *Reviews*. Journal of the American society for information science, 28:371-372.
28. Eisner, E. 1988. *The primacy of experience and the politics of method*. Educational researcher, 17(5):15-20.
29. Farradane, J. 1980. *Knowledge, information and information science*. Journal of information science, 2:75-80.
30. Farrow, J.f. 1991. *A cognitive process model of document—indexing*. Journal of documentation, 47(2):149-166.
31. Freeman, M.S. 1985. *The simplicity of his pragmatism; librarians and research*. Library journal, 110(9):27-29.
32. Freeman, H. & Jones, A. 1980. *Educational research and two traditions of epistemology: Education philosophy and theory*, 12:1-20.
33. Giroux, H.A. 1981. *Ideology, culture and the process of schooling*. Philadelphia: Temple University Press.
34. Goldhor, H. 1972. *An introduction to scientific research in librarianship*. Urbana-Campaign, IL: University of Illinois, Graduate School of Library science.
35. Green, R. 1991. *The profession's models of information; a cognitive linguistic analysis*. Journal of documentation, 47(2):130-148.
36. Grover, R. & Glazier, J. 1985. *Implications*

for application of qualitative methods to library and information science research. *Library and information science research*, 7(3):247-260.

37. Hammarberg, R. 1981. The cooked and the raw. *Journal of information science*, 3 (6):261-267.

38. Harman, W.W. 1989. Redefining the possible: the need for a restructuring of science. *The quest*, 7-18.

39. Harris, M.H. 1986. The dialectic of defeat: antinomies in research in library and information science. *Library trend*, 34:515-531.

40. Harris, M.H. 1986. Reviews. *Library and information science research*, 8(1):108-112.

41. Harris, M.H. 1986. State, class and cultural reproduction: toward a theory of library service in the United State. *Advances in Librarianship*, 14:211-252.

42. Harris, M.H. 1989. Book reviews. *Information processing & management*, 25(6):748-749.

43. Hope, S. 1988. The idea of holistic man: an inquiry into the educational possibilities. Cape Town (Unpublished dissertation).

44. Houser, L. 1982. The Ph. D. Dissertation in the library science. *Library research* 4:95-107.

45. Kaplan, A. 1962. The new world of philosophy. London: Collins.

46. Karezky, s. 1982. Reading research and librarianship: a history and analysis. Westport, Conn.: Greenwood.

47. Kesting, J.G. 1990. Introduction, in *The future of library and information science: social, technological and educational challenges. Proceeding of the 50 anniversary symposium of the School of librarianship, University of Cape Town, 20-21 November 1989*: i-ix.

48. Kochen, m. 1983. Library science and information science- broad or narrow?, in *The study of information: interdisciplinary messages*, edited by F.Machlup & U.Mansfield. New York: Wiley:371-377.

49. Laura, R.S. 1985. The philosophical foundation of medical education. *Educational philosophy and theory*, 17(2):29-43.

50. Ledermann, E.K. 1986. Introduction, in *philosophy and medicine*, revised ed. Hants:Gower: xix-xxv.

51. Lynch, M.J. 1984. Research and librarianship: an uneasy connection. *Library trends*, 32(4):367-383.

52. McCure, C.R. 1989. Increasing the usefulness of research for library

managers: propositions, issues and strategies. *Library trends*, 38(2):280-294.

53. McCure, C.R. & Bishop, A. 1989. The status of research in library/information science guarded optimism. *College & research libraries*, 50(2):127-143.

54. McGarry, K.,J. 1985. The future has already begun. *Library Association Record*, 87(3):97.

55. Machlup, F. & Mansfield, U. 1983. *The study of information: interdisciplinary messages*. New York: Wiley.

56. Mouton, J. 1985. Contemporary philosophies of science and the qualitative paradigm in the social sciences. *South African journal of sociology*, 16(3):81-89.

57. Mouton, J. 1987. Positivism, in *Wetenskapbeelde in die geesteswetenskappe, onder redaksie van J.J.Snyman & P.G.W. du Plessis. Pretoria: Raad vir Geesteswetenskaplike Navorsing*: 1-29.

58. Olaisen, J.L. 1985. Alternative paradigms in library science: the case for paradigmatic tolerance and pluralism. *Libri*:35(2):129-150.

59. Passmore, J. 1967. Logical positivism, in *Encyclopedia of philosophy*, edited by P.Edwards. New York: Macmillan, 5:52-56.

60. Phillips, D.C. 1976. Holistic thought in social science. Stanford, Ca.: Stanford University Press.

61. Popkin, R.H. & Stroll, A. 1982. *Philosophy made simple*. London: Heinemann.

62. Popper, K. 1959. *The logic of scientific discovery: a translation of Logic der Forschung*. London.

63. Richards, W.J. 1988. Die verhouding mens en struktur as vraag in die grondslaeproblematiek. *Navorsingsbulletin: Tydskrif vir die*

64. Suid-Afrikaanse plan vir geestwetenskaplike navorsing, 18(3):56-59.

65. Samuels, A.R. 1989. Information clustering and problem solving. *Library trends*, 38(2):157-170.

66. Saravie, T. 1982. Time for divorce: setting up degree programs in information science. *American Society for Information Science bulletin*, 8(5):32.

67. Schrader, A.M. 1983. *Toward a theory of library and information science*. (Unpublished dissertation). Indiana University Press.

68. Shera, J.H. 1983. Librarianship and information science, in *study of information:*

interdisciplinary messages, edited by F. Machlup & U.Mansfield. New York: Wiley:397-406.

69. Van Gigh, J.P. & Stolliday, I. 1980. *Epistemological foundations of the system paradigm*, in *Progress in cybernetics and systems research*, edited by F.R.Pichler & F. de P.Hanika. Washington: Hemisphere, 7:41-45.

70. Van House, N.A. 1989. Output measures in libraries. *Library trends*, 38(2):268-279.

71. Vaught, C.G. 1982 *The quest for wholeness*. Albany, NY.: State University of New York Press.

72. Weingand, D.E. 1985. Editorial: debunking the myths. *Library and information science research*, 7(3):205.

73. Wilson, P. 1988. Mission and information: what business are we in? *Journal of academic librarianship*, 14(2):82-86.

74. Winter, M.F. 1988. The culture and control of expertise: toward a sociological understanding of librarianship. New York: Greenwood Press.

Wright, H.S. 1978. Inquiry in science and librarianship. *Journal of library history, philosophy and comparative librarianship*, 13(4):250-264.

75. Wright, H.S. 1978. Of mirrors, monkeys apostles. *Journal of library history, philosophy and comparative librarianship*, 13(4):388-407.

76. Wright, H.S. 1983. An interdisciplinary philosophy of librarianship. *Scholar and educator*, 7:11-24.

77. Wright, H.S. 1985. The occupational alignment of librarianship with the metasciences. *Scholar and educator*, 9:15-19.

78. Wright, H.S. 1986. The symbol and the referent: an issue for library education. *Library trends*, 34:729-776.

79. Wright, H.S. 1988. Jesse Shera, librarianship and information science. *Occasional research paper, no.5. Brigham Young University School of Library and Information Sciences*.

80. Zaaïman, R.B. 1969. Nuwere ontwikkelinge op die gebied van die gespesialiseerde biblioteek en inligtingsdienste, in *Nuwere ontwikkelinge op die gebied van die bibliotekwese en inligtingsvoorsiening, onder redaksie van H.C. van Rooy & A.J.Viljoen. Potchefstroom: Potchefstroomse Universiteit vir Christelike Hoer Onderwys*: 106-154.

81. Zigler, R.L. 1978. The holistic paradigm in educational theory. *Educational theory*, 28(4):318-326.

82. Zukav, G. 1980. *The dancing Wu Li masters: an overview of the new physics*. New York: Bantam Books.

Позитивизм или метафизика? Миф и реальность

(комментарий к статье А. Дика)

Людмила Николаевна Гусева — научный сотрудник научно-исследовательского отдела библиотековедения Российской национальной библиотеки

Предложенная читателям «Петербургской библиотечной школы» статья А. Дика представляет собой анализ дискуссии библиотековедов англоязычных стран о непригодности эмпирической теории познания для разработки методов исследования деятельности библиотек в конкретных культурно-исторических ситуациях.

Дискуссия о качественных и количественных методах ведется в зарубежных странах с конца 1970-х — начала 1980-х гг., но до сих пор российские библиотековеды не включились в этот процесс: работы зарубежных авторов не анализируются и не переводятся, а если и Информа-

ция дается, то ее смысл искажается. Среди участников международных конференций по концепциям библиотечной и информационной науки нет библиотековедов из России.

Исследования отечественных авторов просто не печатаются под тем предлогом, что в них слишком много философии, которая непонятна и по этой причине не нужна практикам: для них надо разрабатывать технологии, писать инструкции, методические рекомендации и т.п., что, на мой взгляд, не соответствует действительности. Среди практиков, особенно в крупных научных библиотеках, большое количество высокообра-

зованных специалистов, способных воспринимать абстрактные философские понятия, и заметно проявившийся интерес библиотечных специалистов к проводимым в РНБ философским «круглым столам» доказывает это.

Неудивительно, что при таком отношении официальной науки к библиотечной философии даже Е. Кузьмин, являясь начальником управления библиотек и информации Министерства культуры РФ, категорически заявляет, что «человечество не придумало пока лучшего способа» анализа и планирования своей деятельности, чем статистика¹. Таким образом, в определении библиотечной политики акцент делается на количественных методах сбора фактов о том, как библиотекари сами приспосабливаются к новым социальным отношениям, а не на создании необходимых условий для организации работы библиотек в интересах самых различных представителей российского общества.

Культурный процесс познания библиотекарями перемен, происходящих в современном обществе, в соответствии с которым и реорганизуется библиотечное обслуживание, не исследуется, поэтому интерпретация эмпирических данных, фиксирующих результаты прошедшего этапа работы библиотек, происходит на основе статистического анализа в рамках общепринятой идеологии, как это и было еще в 30-е гг., в связи с чем публикация статьи А. Дика представляется особенно своевременной.

Занимаясь почти 15 лет разработкой новой методологии исследовательской деятельности в области библиотековедения, я на собственном опыте убедилась, что главная причина замалчивания работ библиотековедов англоязычных стран заключается прежде всего в их философских основах, которые еще совсем недавно в нашей стране также подвергались критике: философия жизни, феноменология, экзистенциализм, идеи о сознании и бытии Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, М. Фуко, Ю. Хабермаса, М. Хайдеггера, Ж. Делеза и других мыслителей XIX в. Философские исследования не стали достоянием отечественных специалистов в области библиотековедения и информатики, поэтому они не владеют необходимой для равноправного

участия в дискуссии терминологией, не видят перспектив для развития библиотечной науки и практики использования качественных методов в библиотековедческих исследованиях.

Целью данной статьи является желание познакомить читателей «Петербургской библиотечной школы» с основными философскими концепциями, которые используют библиотековеды англоязычных стран, стремящиеся к совершенствованию концептуального мышления практиков, как особого способа познания действительности в конкретных культурно-исторических ситуациях.

Чем же так не устраивает библиотековедов позитивизм и что хорошего в метафизике? Если коротко сформулировать недостатки позитивизма для библиотековедческих и информационных исследований, то можно сказать следующее:

1. Научные исследования, проводимые на основе позитивизма, не позволяют создавать теоретические знания, которые можно использовать для определения библиотечной политики. Общие понятия, создаваемые теоретиками, вторичны по отношению к знаниям о действительности, которые библиотекари приобретают самостоятельно и на основе которых они выявляют свои проблемы. Понимание этого и дает основание, например, Райту делать вывод, что «человеческий ум ... источник и предмет ... библиотечного дела».

В нашей стране, например, С.Г. Матлина, критикуя позитивизм, тем не менее считает, что теоретические знания в библиотековедении должны создаваться на основе изучения и обобщения инновационного творчества талантливых библиотекарей страны. Методисты описывают практику, а «теоретическое ее осмысление — дело будущего»². Таким образом, признается, что практиков, но не все, а только талантливые, сами познают действительность и преобразуют библиотечное дело, а теоретики создают теоретические знания для будущего поколения библиотекарей, которые будут работать уже в других условиях, и поэтому эти теоретические знания им будут не нужны. Основная проблема библиотечной науки как раз и состоит в том, что теоретики не предоставляют современному поколению

практиков гипотетических теоретических концепций для решения проблем в изменившейся общественно-политической и культурной ситуации.

2. Общие понятия — концепты — как особый способ познания действительности практиками формируются, в основном, в результате политико-идеологического восприятия ситуации, которое передается через средства массовой коммуникации, организованные властями семинары, конференции, совещания. Понятие о библиотечной деятельности выводится из мысли о ее существовании в конкретных социально-политических и культурных ситуациях, поэтому библиотекари и не могут преодолеть идеологическую зависимость от авторитарного слова политиков и обосновывающих их идей философов.

Лишь немногие из библиотечных специалистов создают собственные концепции, самостоятельно анализируя ситуацию, хотя далеко не всегда способны их оформить в текстах, т. к. не получают необходимую для этого подготовку в вузах. Это и есть самые талантливые специалисты, но как раз их представления об окружающей действительности и не изучаются, поскольку они отличаются от общепринятого в библиотечной сфере взгляда на мир.

Концепции творческих библиотекарей, т. е. смысл, который они вкладывают в имя (в широком смысле — это название любого предмета библиотечной деятельности, а не только вещей), способствует развитию деятельности библиотек. Например, если взять название «Национальная библиотека», то здесь важно понять, является ли изменение смысла деятельности результатом преломления в разных конкретных условиях общего для всего общества принципа, созданного теоретиками, например, свободного доступа к информации, или это различные социальные силы, идеологами которых являются творческие, интеллектуально развитые библиотекари, реализуют свои принципы, используя при этом общую форму.

Для меня таким творческим библиотечным специалистом была бывшая заведующая отделом национальной литературы Российской национальной библиотеки Э.К. Сагидова, которая

поддерживала тесные связи с большим количеством культурных центров и национальных обществ Санкт-Петербурга, хорошо видела происходящие в их культурной среде перемены и в связи с этим осознавала необходимость сохранения единого фонда на языках народов бывшего СССР. Э.К. Сагидова понимала, что в результате распада СССР, большого притока в крупные города России эмигрантов и беженцев возникла необходимость нового концептуального обоснования деятельности отделов литературы на национальных языках крупнейших библиотек страны, но она не получила поддержку у тех, кто принимает решения и ориентируется на информационную идеологию.

Современная ситуация в крупных городах осознана на теоретическом уровне американскими библиотековедами, которые, основываясь на принятом в антропологии и социологии понятии «культура», считают, что развитие различных социальных групп представляет собой социокультурный процесс, характеризующийся формированием собственного «образа мира»³ и что особую роль в этом процессе играют библиотеки. Поэтому в США и проводятся исследования реальных условий и социальных отношений, в которые включены библиотеки.⁴

Ориентация социологических служб в крупнейших библиотеках России на изучение чтения читателей (кто и что читает), а не на исследование социокультурных перемен познавательной деятельности, влияющих на изменение отношения читателей к библиотеке, ограничивает научно-информационную базу для определения развития деятельности библиотек на государственном уровне.

Социологи работают изолированно от библиотековедов-теоретиков, не применяют новую методологию в области социологии, позволяющую решать поставленные задачи, а ведь именно результаты социологических исследований могли бы устранить многие конфликтные ситуации в теоретических дискуссиях и в отношениях библиотек с обществом.

Как считает П. Бурдые, социолог может попытаться войти в борьбу за символическую власть «и иметь последнее слово в словесной схватке.

¹ Региональные библиотеки России в зеркале цифр и информации: Статистический сб. (1993-1997 гг.). М.: Либерия, 1998. С. 4.

² Матлина С.Г. Заметки на полях «Философских статей» // Библиотековедение. 1996. № 4/5. С. 101-110.

³ «Образ мира» — целостный образ, фиксирующий условия, в которых совершается деятельность. Он предшествует деятельности и направляет ее.

⁴ См.: Доклады американских специалистов на конференции в Вологде: Библиотека и чтение в ситуации культурных изменений: Матер. междунар. конф. Вологда, 18-22 июня 1996 г. М., 1996. 223 с.

говоря, чему соответствуют вещи в реальности».⁵

Представление о научной объективности концепции информационной науки, в соответствии с которыми главными средствами социальных преобразований рассматриваются научные знания (сциентизм) и технические нововведения (технизм) — это миф, т.к. понятия «информационное пространство», «информационное общество», «библиотека — информационная система» и другие создавались не в процессе осмысления результатов эмпирических исследований, а на основе использования обычного языка. Слово «информация» в данном случае — это метафора («сообщение»), а «передача информации» — «передача смыслов», отсюда и прямая связь с метафизикой.

Метафизика в определении И. Канта — это «практическое знание». «... Она определяет отношение всякого знания к существенным целям человеческого разума, дает им порядок и связь, а главное — смысл; без метафизического знания все другое знание о каких бы то ни было объектах, чувственно воспринимаемых или сверхчувствительных, телесных или «духовных», естественных или чудесных — бессмысленно и бессмысленно, ибо какое применение мы можем найти для нашего рассудка, даже в отношении опыта, если мы не ставим себе целей? Но высшие цели суть цели моральные».⁶

Главной составляющей частью метафизики является онтология — учение о бытии, как особого рода реальности, которая не может быть воспринята в результате чувственного опыта. Таким образом, онтология как фундаментальный раздел метафизики находится в центре внимания библиотекведов, пытающихся разработать способы познания, адекватные проблемам, которые в настоящее время являются актуальными для практики.

Политики и творчески мыслящие практики, используя обычные слова, конструируют объекты, о которых они говорят так, как будто они существуют в действительности. Это и есть процесс познания (создания) как культурный процесс, который описывает, например, П. Бурдьё: «Когда произносят фразы, имеющие своим

субъектом Государство, Общество, Гражданское общество, Трудящиеся, Нацию, Народ, Французов, Партию, Профсоюзы и т.п., подразумевают, что обозначаемое этими словами существует... Каждый раз, когда суждения существования (Франция существует) скрываются за предикативными высказываниями (Франция большая), мы поддаемся онтологическому смещению, которое заставляет переходить от существования имени к существованию названной вещи».⁷ Вот этот переход от символов к реальности происходит в демократических странах в результате борьбы социальных сил, и именно социологи в состоянии отстаивать в библиотеках интересы различных социальных групп, поддерживать творчески мыслящих библиотечарей, которым противостоят специалисты, удовлетворенные сложившимся представлением о мире и считающие, что только они одни, основываясь на объективной информационной науке, владеют истинными знаниями об организации обслуживания в библиотеках.

Большинство современных библиотечарей воспринимают концепцию «информационного общества» как реально существующее общество. Наличие научного понятия «информация», созданного информатиками, не меняет суть онтологического процесса осмысления социальной действительности, но позволяет современным представителям «глобальной экономики» и политикам манипулировать общественным сознанием от имени науки.

Это доказательно обосновывает в своих исследованиях французский писатель, философ и языковед Ж.-Ф. Лиотар, критикуя исторические концепции обществ Дюргейма, Парсонса, Маркса с позиций «глобальной информационной экономики». Как пишет С. Ганнабус, Ж.-Ф. Лиотар высказал мысль, что любая концепция общества в свете национальной самобытности не годится для постмодернистского мира, главной составляющей которого является информация.⁸

Лиотар считает, что такое видение реальности «крупным планом» — парадигма — представляет собой соединение систем знаний и идеоло-

гии, т.е. это гораздо больше, чем дисциплина. Парадигма обусловлена существованием определенных норм и правил. В постмодернистском мире, где признание знаний носит локализованный характер, достижение согласия в рамках глобальных «образов мира» («meta-narratives») становится невозможным. Ученые перестали следовать философским пристрастиям, а практики сами занимаются утверждением своих норм, совершенствуя и изменяя их в соответствии со сложившейся ситуацией. Это хорошо видно на примерах отставания прав интеллектуальной собственности в электронной среде, а также в области профессиональных этик. Лиотар утверждает, что постмодернистское общество склонно руководствоваться «рациональностью».

Он связывает перемены в промышленной, экономической и информационной инфраструктуре современного государства со всеобщей компьютеризацией и обеспечением глобального доступа к информации, которые привели к изменению концепций образования и библиотек (доступ к информации вместо выдачи книг) и к коммерциализации знаний на национальном уровне.

В результате, делает вывод Лиотар, наиболее вероятностной формой признания знаний на практическом уровне будет капиталистическая форма (спрос — предложение), в свете которой будут рассматриваться научные и образовательные процессы, предоставление информации и обеспечение доступа к ней. Традиционные концепции знаний станут более практическими, а наука — более заинтересованной стать понятной обществу.

Критики Лиотара утверждают, что, отрицая «meta-narratives», он сам скатился на модернистскую позицию, пытаясь охватить весь постмодернистский мир разом, устанавливая общую для всех норму социального поведения, характерную для предпринимательской деятельности. При этом он признает, что люди добровольно становятся массой, которой управляют политики.

По мнению Ганнабуса, если бы можно было согласиться с тем, что информацию можно, по аналогии с опытом культуры, донести до массовой аудитории только в легкоусваиваемой форме ширпотреба, то можно было бы смириться и с насаждением в средствах массовой информа-

ции избыточной рекламы, проспектов, и с коммерциализацией online доступа к информации, электронной почты, служб Интернет и т.д. На самом же деле популяризация стала основополагающим фактором в коммерческой деятельности, а не в области науки, образования, культуры, где процесс приобщения к достижениям человечества требует особой интеллектуальной деятельности.

Тем не менее, несмотря на критику концепции социальной коммуникации Ж.-Ф. Лиотара, его отрицание всеохватывающих социальных теорий послужило для исследователей в области информационных наук основанием обратить внимание на происходящие в обществе тенденции: организацию корпоративной власти в информационной индустрии, разделение общества на различные социальные группы, поправные повсеместно в мире национальных устоев и ценностей в культуре, опасность оказаться в тисках глобальных «образов мира», если необдуманно ими пользоваться.

Самое важное, что следует из работ Ж.-Ф. Лиотара, это то, что стало очевидным, какие главные социальные силы заинтересованы в информатизации общества: представители информационной индустрии и политики.

Стремление интеллектуальной элиты к самостоятельному познанию окружающего мира и конструированию своего «образа мира» в понятиях таких сфер практической деятельности как психология, педагогика имеют давнюю историю. Это реальность и в библиотечном деле. Научное познание (позитивизм) не является единственным способом совершенствования библиотечной практики. Как отмечает А. Дик, П. Батлер — один из основателей библиотечной науки в США — признавал, что научные методы являются составной частью профессиональной философии. Таким образом, он разделял теоретические (философские) и эмпирические (научные) исследования, но признавал преимущество более надежных, с его точки зрения, научных методов.

В своем аналитическом обзоре А. Дик выделяет основные характеристики позитивизма и отмечает его связь с методологией естественных («физических») наук, которая стала идеалом и для общественных наук. Основатель позитивизма О. Конт считал, что «метафизика», оперирующая абстрактными понятиями, не способна

⁵ Бурдьё П. *Начала. Choses dites/ Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. С.89.*

⁶ Кант И. *Сочинения. М., 1964. Т.3. С. 669-670.*

⁷ Там же.

⁸ Hannabuss S. *Lyotard and postmodern knowledge // Aslib Proceedings. 1977. Vol. 49. № 8. P. 217-224.*

познать действительность и науки, в том числе и социология, должны ограничиться описанием изучаемого явления. Но при этом не шла речь о преимуществе количественных методов.

Перекокс в сторону количественных методов и математики, формализация языка в общественных науках были связаны с деятельностью «Венского кружка», определившего в 1920-х гг. новый этап позитивизма — неопозитивизм. Вот почему А. Дик уделяет идеям неопозитивизма особое внимание. Именно неопозитивизм в середине XIX в. оказал огромное влияние на современное состояние информационных и библиотечных исследований, в том числе и в нашей стране, на признание положения о том, что только на основе количественных исследований можно создать теорию библиотечного дела, так как количественные исследования обеспечивают надежность выводов при исследовании закономерностей, принципов формирования, развития, функционирования библиотек.⁹

Один из основателей информационного подхода в библиотечном деле, Д. Шира, высказал в 60—70-е гг. мысль, что целью библиотечной философии является корректировка библиотечных законов — принципов деятельности — на основе достижения библиотечного дела. Но в действительности под влиянием неопозитивизма стала происходить не корректировка, не уточнение смысла деятельности библиотек, приобретенного практиками опытным путем и зафиксированного в этических понятиях и нормах деятельности, а их замена научными понятиями, лишенным связи с реальным контекстом, что способствовало затеоретизированности мышления практиков и дальнейшей изоляции от действительных проблем общества.

Д. Шира исходил из того, что «основная связь, через которую индивидуумы достигают единства в культуре, происходит через передачу информации. Таким образом, информация — это цемент, которым закрепляется структура общества».¹⁰ В исследованиях связи между мозгом и печатным текстом (центральной пробле-

мой библиотек, по мнению Шира) главное место он отводит компьютеру, тем самым положив начало отказу от исследований сознания и когнитивной деятельности, связанных с качественными методами, и переходу к электронному моделированию и математическим моделям, где все исследование строится на количественных методах.

Современные исследования в области антропологии, психологии, социологии, лингвистики доказывают, что невозможно использовать математические и формально-логические модели для понимания процесса взаимодействия отдельного человека или социальной группы с текстом, то есть решить ту задачу, которую поставил перед библиотечным делом Д. Шира. Как правило (за исключением исследователей: герменевтиков, культурологов и т.п.), тексты понимаются в отрыве от политического и культурного контекста, в котором они создавались, и поэтому их смысл подвергается деформации представителями различных социальных групп, воспринимающих мир через призму своих национальных и групповых представлений.

Критикуя, например, использование в экономике неосмысленных математических моделей и недостаточное внимание к социологическим исследованиям, П. Бурдьё приходит к выводу: для того чтобы математика могла служить инструментом обобщения, позволяющего путем формализации освободиться от частных случаев, нужно начинать с конструирования объекта в соответствии со специфической логикой искомого универсума. Это предполагает разрыв с дедуктивной мыслью, свирепствующей сегодня в социальных науках, отставить чистую дедукцию в пользу анализа, который отталкивается от феноменов, чтобы подняться до принципов и математической формулы, способной представить полное описание фактов.¹²

Как видно из статьи А. Дика, большое влияние на изменение отношения библиотечников к количественным методам и математическим моделям оказали психологи и педагоги, на которых в свою очередь повлияли исследования

по методологии Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, М.М. Бахтина.¹³ Именно в это время, в 1970—80 гг., в СССР начинают печататься и переводиться на иностранные языки их работы, ранее запрещенные, а американские исследователи в области культуры и познания начали переключаться с сравнительно-культурологических исследований реализации единых принципов, в которых исключалась возможность объяснения возникновения самих принципов, на изучение контекстов реальной жизни в качестве ситуаций исследований, рассматривая процессы познания как изначально культурные.

Подобную социальную точку зрения на формирование человеческих способностей А.Р. Лурия, например, реализовал, используя классический метод исследования развития психических функций человека — клинический анализ (описание каждого отдельного случая в конкретном социокультурном контексте). Он противопоставляет классической позитивистской науке, сводящей живую действительность к абстрактным схемам, «романтическую науку». «Романтики в науке не хотят ни расчленять живую реальность на ее элементарные компоненты, ни воплощать богатство конкретных жизненных событий в абстрактных моделях, которые теряют свойства самих явлений. Величайшее значение для романтиков имеет сохранение богатства конкретных событий как типовых, и их привлекает наука, сохраняющая это богатство».¹⁴

Следует отметить одну особенность, что хотя, по словам А. Дика, Д. Шира уже в начале 1980-х гг. определял в качестве исследовательской методологии в библиотечном деле символический интеракционизм как наиболее пригодный для изучения объектов, связанных обычным языком, идеи представителей этого направления в социологии, Д.Г. Мида и Г. Блумера, оказались очень близки идеям Л.С. Выготского и его ученика А.Р. Лурия. Этих специалистов объединяло то, что они придавали фундаментальное значение роли языка в когнитивном развитии человека. Развитие рассматривалось ими не как

отражение бытия мира, а как результат мыслительной деятельности личностей, способных с помощью культурных средств (символов) конструировать социальную реальность.

Как описывает А.Р. Лурия, создание компьютеров привело в психологии к той же ситуации, что и в библиотечном деле: ученые стали заменять наблюдение за реальным поведением человека электронным моделированием или математическими моделями, переполнив такими моделями и схемами учебники психологии и монографии. «Этот поток принес с собой еще большую опасность: реальность человеческой сознательной деятельности заменялась механистическими моделями».¹⁵

Тем не менее, А.Р. Лурия не отрицал значения компьютера в исследовательской деятельности и считал язык связующим звеном между абстрактными моделями и поведением конкретного человека.

В этой связи с надеждой на взаимопонимание между библиотечниками и информатиками можно рассмотреть слова одного из представителей информационной науки, В.Ш. Рубашкина, для которого термин «информатика» — просто синоним названия курса «Введение в информационные технологии». Рубашкин предупреждает об опасности «подверстать под шапку «информатика» едва ли не весь запас человеческих знаний — на том основании, что все человеческие знания есть информация, а все существенное и специфическое в человеческой деятельности можно определить как создание, использование и переработку информации».¹⁶

Что же нового для библиотечного дела может дать использование качественных методов? Новое состоит в том, что на основе качественных методов создаются профессиональные знания в виде понятий, которые можно использовать для организации обслуживания самых разных категорий читателей с учетом их культурных особенностей: языка и норм поведения. Исследователи осмысливают в широком социокультурном контексте идеи, мысли, понятия тех, кто

⁹ См. также работу: Мотылев В.М. Основы количественных исследований в библиотечной теории и практике / БАН СССР. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. 198 с.

¹⁰ Shera J.H. What is Librarianship // American library philosophy and anthology: Hamden, Conn., 1971. P. 165-171.

¹¹ Там же, с. 168.

¹² Бурдьё П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Soklo-Logos, 1994. С. 77.

¹³ Rogoff B., Chavajay P. What's become of research on the cultural basis of cognitive development. Amer. psychologist. 1995. № 10. P. 859-877.

¹⁴ Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Науч. автобиограф. / Под ред. Е.Л. Химской. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 167.

¹⁵ Лурия А.Р. Романтическое эссе. М.: Педагогика-Пресс, 1996. С. 8.

¹⁶ Рубашкин В.Ш. Информатика в гуманитарном вузе // Современное библиотечно-информационное образование: Учебные тетради. Вып. 2. СПб., 1997. С. 79-87.

создавал библиотечное дело в разных странах мира в разные исторические периоды, и тех, кого они обслуживают, и создают научные концепции в области библиотечного дела.

Научные концепции направлены на обогащение сознания библиотекарей научным знанием целого комплекса социальных и гуманитарных наук. В них не ставится задача давать рекомендации библиотекарям, как надо работать, что характерно для современных прикладных библиотечных исследований, в которых гипотеза строится из практического представления или теории берется из других наук, поэтому подтверждение гипотезы имеет форму практических рекомендаций.

В США в настоящее время при подготовке исследователей большое внимание уделяется именно теоретическому (базовому) исследованию, «в результате которого образуется новое знание, строится теоретическая база библиотечной и информационной науки, что в последствии принесет профессиональный успех. Такое исследование», — считает Рональд Р. Пауэлл, — «связано с разработкой концепций и их взаимосвязи, теорий (гипотетических) и не обязательно должно относиться к техническим или практическим проблемам. Исследователи не просто должны уметь, а даже обязаны проводить исследование,двигающие науку вперед»¹⁷.

Если судить по статье Р.Р. Пауэлла, американская официальная наука остается на позиции «объективистской» концепции позитивизма, претендуя на объективное познание действительности. Но это не единственная точка зрения американских теоретиков. А.Л. Дик, например, в одной из своих статей утверждает, что концепция «объективности» общественных наук в настоящее время подвергается критике и высказывается мнение, что библиотечное дело и информатика сольются в одну общественную науку, которая будет основана не на «объективной», а на «нормативной» концепции.¹⁸

«Нормативный подход» основан на идее, что знания об окружающем мире, создаваемые в настоящее время интеллектуальной элитой библиотечного сообщества, не являются объективными. Они морально и политически ориентированы и выражены в виде концепций, т.е. общих понятий, в смыслах которых человек воспринимает окружающий его мир и соответственно которым действует. Концепции конструируются в текстах и, будучи опубликованными, оказывают регламентирующее влияние на человеческое поведение, подобно текстам, создаваемым такими институтами, как церковь или государственный аппарат управления.

В целом можно сказать, что новая концепция исследовательской деятельности в библиотечном образовании формируется в рамках эмпирической (неосознанной) эпистемологии, в которой процессы познания рассматриваются как изначально культурные. Библиотековеды переключаются с разработки технологий, технических средств и компетентного принятия решений на изучение социально-политических и культурных контекстов реальной жизни.

Переход к созданию теоретических концепций в рамках научной дисциплины — библиотечного образования — в нашей стране осложнен тем, что профессиональные философы до сих пор претендуют на монополию в своей области и не произошло в полной мере понимания культурного разнообразия общества: этнического и этнического.¹⁹ Несмотря на это, библиотековеды пытаются самостоятельно на философском уровне разобраться в сущности своей профессиональной культуры.

С определением «сущего», в конечном счете, и связано в настоящее время выделение научного предмета в библиотечном образовании, а отсюда и позитивизм. Субъект познания противопоставляется независимому от его сознания объекту (библиотека) и познает ее прошлое (история), настоящее (прикладная социология) и будущее (теоретические модели). Но я разделяю точку зрения Ю.В. Перова, что «самое точное и полное знание того, что есть, не в состоянии обосновать то, что должно быть. Цели человеческой деятельности (кроме целей инструментальных, оказывающихся всего лишь «технологичес-

кими», «прикладным знанием») не есть знание в собственном смысле слова, т.е. знание «сущего».²⁰

Если мы осознаем, что библиотеки — это результат человеческой деятельности, то речь может идти не о «сущем», а о «существовании» (экзистенции).²¹ Согласно новой экзистенциальной онтологии (М. Хайдеггер), в отличие от бытия мира, исследуемого наукой, бытие человека является предметом философии. Получается, что в библиотечном деле две философии.

Одна — философия практика, который, находясь в условиях общественных перемен, переосмысливает ценности своей профессиональной деятельности или, наоборот, пытается их отстаивать. Эта философия не является в полной мере рациональной, то есть основанной на разуме, и к ней в большей степени подходит определение философии, данной М.М. Бахтиным — «философия поступка».

Другая философия — это рациональная философия теоретика, «философия понятия». Теоретики, создающие научные концепции, в отличие от практиков стремятся к объективному познанию действительности, поэтому они обращаются к результатам научных исследований бытия творчески мыслящих практиков (междисциплинарные культурологические исследования) и бытия окружающего мира (понимающая социология). Таким образом, теоретические (научные) концепции создаются не в результате обобщения инновационного творчества талантливых библиотекарей страны, а на основе социокультурного анализа мыслительной деятельности практиков, конструирующих свои принципы.

М.М. Бахтин связывал в человеческих поступках «ценности» и «должное»: Он считал, что в современной материальной этике этическое долженствование извне привнесено и притергнуто. «Долженствование может обосновать действительную наличность именно данного суждения именно в моем сознании при данных ус-

ловиях, т.е. историческую конкретность индивидуального факта, но не теоретическую в себе истинность суждения».²² Для того чтобы долженствование стало нормой социального поведения, оно должно быть приобщено к «действительно свершающемуся нравственному событию — бытию — практическому разуму».²³

В этом и состоит отличие социальной науки от этики, и если современные социальные науки строятся по логике этики, то это не означает, как подчеркивал Бахтин, что они должны называться этикой. Этические принципы — это представление о норме социального поведения тех, кто создает «профессиональные кодексы». Согласно И. Канту, этика — «система целей чистого практического разума». Библиотечные специалисты описывают их в текстах с целью сохранения от влияния общественных перемен. Здесь еще раз стоит процитировать П. Бурдьё, который исследовал, каким образом социальные условия формируют читателя (интерпретатора текстов): «С давних пор известно, что от этоса к этике переходят, когда принципы перестают практически действовать на практике. Нормы начинают замечать, когда они умирают».²⁴

Социальные науки исследуют, как формируются ценности и нормы поведения под влиянием разных факторов, поэтому в новой методологии проявляется интерес к феноменологии, интеракционизму и этнометодологии, описывающим культурный феномен, данный в опыте конкретных непосредственных участников исторических событий. Вот почему А. Дик обращает внимание на понимание различий «онтологического» (метафизического) и «этического» контекстов, формирующих сознание практиков.

У позитивистов источником научного знания является опыт: эксперимент и личный опыт субъекта, исследующего независимый от него субъект. Как пишет Дик, «классические эмпирики рассматривали эмпирически все, за исключением самого понятия «опыт», и создали

¹⁷ Пауэлл Р.Р. Развитие исследовательских способностей позитивистов (Р.Р. Д.) в области библиотечной и информационной науки // Науч. и техн. б-ки. 1996. № 5. С. 20-31

¹⁸ Dick A. L. Library and information Science as a Social Science: Neutral and Normative Conceptions. // The Libr. Quart. Vol. 63. № 2. P.216-235

¹⁹ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о современном обществе. М.: Политиздат. 1991. С. 130-153.

²⁰ Перов В.Ю. О метафизических предпосылках философии ценностей // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Философия. Политология. Социология. Психология. Право. Международные отношения. 1997. Вып. 2. (№ 13). С. 25.

²¹ Экзистенция (лат. existentia — существование) — способ существования человеческой личности. Термин введен датским философом С. Кьеркегором

²² Бахтин М.М. Человек в мире слова / Сост., предисл., примеч. О.Е. Осовского. М.: Изд-во Российского открытого университета, 1995. С. 24.

²³ Там же, с. 28.

²⁴ Бурдьё П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Soklo-Logos, 1994. С. 176.

всеобъемлющую метафизическую абстракцию, чудесным образом порождающую знание». Позитивисты не учитывают социальный опыт взаимодействия с обществом, который передается посредством языка, и то, что практики, организуя библиотечное обслуживание, уже обладают определенным знанием окружающего мира, которое получают через систему образования, общение, печать и другие средства коммуникации.

Этот отличный от эмпиризма способ познания Дик называет «холистским». С точки зрения основателя холизма Я.Х. Смэтсома, целое не сводится к сумме частей. Человек способен к целостному восприятию окружающей действительности. Это характерная особенность практического мышления, дивергентного усвоения знаний, т.е. через понятия. И именно этот способ познания рекомендует, например, Гаррис, для изучения культурных, политических и экономических контекстов библиотечного обслуживания. Заимствуя из других наук понятия, а не методы, можно создать «образ мира» библиотечных специалистов, отличный от глобальных «образов мира», создаваемых профессиональными философами.

На это следует обратить особое внимание, т.к. в марксистской философии также всегда говорилось об исследовании социокультурного контекста, но при этом анализ социокультурной ситуации не служил обогащению знаний о действительности. Философские понятия, определяющие глобальный «образ мира» с позиций определенного класса, а priori признавали истинными (объективными), отражающими действительность. То же самое происходит и сейчас, когда концепция «информационного общества» рассматривается как отражение объективного мира, а не мира определенной социальной группы.

По утверждению Ж.-П. Сартра, представителя французского экзистенциализма, «философия, пребывающая в полной силе, никогда не выступает как нечто инертное, как пассивное и уже завершенное единство знания; порожденное общественным движением, она сама представляет собой движение и простирает свое влияние на будущее: эта конкретная тотализация есть в то же время абстрактное намерение (project) продолжить объединение до крайних

пределов. В этом плане философия характеризуется как метод исследования и объяснения; ее вера в себя и в свое будущее развитие лишь воспроизводит убеждения класса, который служит ее носителем. Любая философия является практической, даже та, что поначалу кажется сугубо содержательной».²⁵

Естественно, что столь беглое знакомство с философскими предпосылками исследовательской деятельности в области библиотековедения и информационной науки в современных англоязычных странах не может дать полного представления о них, но, надеюсь, и в этом я полностью солидарна с А. Диком, будет способствовать пониманию значения философии для дальнейшего развития библиотечной науки и практики.

«СТОИТ ЛИ ДОЛБИТЬ ЧУЖУЮ ГРАММАТИКУ?»

Встреча с Е.Г. Эткиндом в Мемориальной библиотеке князя Г.В. Голицына
22 сентября 1997 г.

Е.В. Конюхова, директор библиотеки:

Сегодняшнюю встречу с Ефимом Григорьевичем Эткиндом — известным литературоведом, переводчиком, исследователем русской и западноевропейской литературы, доктором филологических наук, блестящим педагогом, воспитавшим не одно поколение талантливых учеников, петербуржцем, ныне живущим во Франции, организовали Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского и Мемориальная библиотека князя Г.В. Голицына.

В этой аудитории нет необходимости представлять Е.Г. Эткинда, и все же я напомним основные вехи его жизни. Е.Г. Эткинд родился в

1918 г. в Петрограде, окончил Ленинградский государственный университет. В годы Великой Отечественной войны сражался на Карельском и Украинском фронтах. С 1947 по 1974 г. Е.Г. Эткинд был преподавателем Ленинградского педагогического института им. А.Н. Герцена (ныне Российский педагогический университет). В 1947 г. ему присвоено звание кандидата филологических наук, в 1965 г. — доктора филологических наук.

В 1974 г. «за антисоветскую деятельность» Е.Г. Эткинд был лишен ученых степеней, профессорского звания, уволен из института, исключен из Союза писателей и был вынужден эмигрировать во Францию. Историю своего

²⁵ Сартр Ж.-П. Проблемы метода / Пер. с фр. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. С.4.

изгнания он рассказал в книге «Записки неразговорщика» (Лондон, 1977), переведенной на ряд европейских языков. В эмиграции Е.Г. Эткинд опубликовал множество работ по теории перевода, истории и теории стиха, стилистике и психоэстетике; далеко не все они известны читателям в России. В настоящее время Е.Г. Эткинд — профессор-эмиртус Десятого парижского университета, член-корреспондент Баварской академии изящных искусств, Академии наук и литературы (г. Майнц), Немецкой академии поэзии и языка (г. Дармштадт).

Ефим Григорьевич никогда не прерывал связей с родным городом, в последние годы они заметно окрепли: Е.Г. Эткинд читает в Петербурге лекции, здесь вновь издаются его книги, вызывая большой интерес читателей. В Библиотеке Голицына также хранятся книги, написанные Е.Г. Эткиндром, все они имеют дарственные надписи автора.

Дружеские отношения связывают Библиотеку Голицына и Ефима Григорьевича Эткиндром на протяжении последних лет. В 1996 г. Е.Г. Эткинд преподнес нашей библиотеке щедрый подарок, передав значительную часть своей личной библиотеки: периодические издания русской эмиграции и свыше 100 монографий, опубликованных за рубежом и посвященных отечественной литературе и истории. Княжна Катя Голицына — один из основателей и попечителей Библиотеки Голицына — в связи с этим скажет несколько слов.

Княжна Катя Голицына:

Я хочу поблагодарить Ефима Григорьевича, который стал большим другом нашей библиотеки, подарив нам часть своей личной парижской библиотеки. Это был подарок не только библиотеке Голицына, но и всему Петербургу. Все жители города могут теперь читать эти известные журналы и книги.

Е.В. Конохова:

Слово предоставляется Ефиму Григорьевичу Эткиндром.

Е.Г. Эткинд:

Я хочу сказать, что, прежде всего, я очень сму-

щен. Я думал, что будет человек десять, а вас пришло очень много.* Поэтому я совсем не в том тоне буду говорить, в каком собирался. Глядя на подготовленную мною для этой беседы записку, я вспомнил рассказ одного моего московского коллеги, который учился у профессора Гудзия. Был такой замечательный историк древнерусской литературы; Гудзий читал лекции, держа в руке бумажку, и всегда на нее смотрел. Однажды он ушел на перерыв и положил бумажку на стол. Мы кинулись смотреть, что там написано. Оказалось, что на бумажке было одно слово: Толстой. И почему-то он на это смотрел. У меня тоже написано нечто в этом роде — то самое, о чем меня Елена Васильевна просила говорить.

Я уехал в октябре 1974 года. С тех пор прошло почти 23 года, а кажется, что это было вчера. Я уехал не в эмиграцию. За несколько лет до того, как пришлось покинуть мой родной город, мне пришлось переводить немецкого поэта, с которым меня вообще очень многое связывало и продолжает связывать, Бертольта Брехта. У Брехта есть стихотворение «О слове «эмигрант»». Я его перевел в 1969 году. На Западе я все время его вспоминал:

«Я всегда считал неверным название, которое нам дали: «Эмигранты». / Это значит — покинувшие родину. / Но ведь мы не покинули страну, чтобы по вольному выбору избрать другую страну. / И мы не выбрали другую страну, чтобы остаться там по возможности навсегда. / Нет, мы бежали — изгнанники, ссыльные. / Страна, принявшая нас, не дом для нас — лишь убежище. / В вечной тревоге живем мы — живем поближе к границам, ждем дня возвращения, следя с замиранием сердца / За малейшим изменением по ту сторону границы».

Перечитывая это стихотворение, я поражался тому, как Брехт по-немецки, а потом я по-русски это написали, как будто знали, что будет дальше:

«...следя с замиранием сердца за малейшим изменением по ту сторону границы, / Ревностно расспрашивая каждого новоприбывшего откуда, ничего не забывая, ни от чего не отказываясь. / И ничего не прощая, — нет, ничего не прощая, что было. / Безмолвие пролива нас обманет! / Мы слышим крики, которые к нам долетают из их лагерей».

Так и написано.

«Мы ведь и сами подобны слухам о зверствах, перелетевшим через границы. / Кажется из нас, идущий в разбитых башмаках сквозь толпу, / Свидетельствует о позоре, пятнающем нашу страну. / Но ни один из нас / Здесь не останется. / Еще не сказано последнее слово».

Брехт это написал в 1938 году, я перевел лет 30 спустя. И постоянно помнил о том, что еще не было сказано последнее слово. Оно и теперь еще не сказано. А после этого стихотворения были еще два маленьких, они называются «Мысли о длительности изгнания», они тоже были для меня важными лирическими свидетельствами того, что переживал он, а потом:

«Не вбивай в стенку гвоздя, / Брось пиджак просто на стол. / Стоит ли устраиваться на три дня? / Завтра ты вернешься домой. / Незачем поливать саженцы. / Стоит ли выращивать новое дерево? / Оно еще не успеет достигнуть вот этой ступеньки, как ты уже с радостью уедешь отсюда. / Нахлобучь шляпу на глаза, когда мимо проходят люди. / Стоит ли долбить чужую грамматику? / Весть, зовущая домой, дойдет до тебя на родном языке. / Подобно тому, как побелка сыплется с потолка (сама по себе, без всякого вмешательства!) / Так рассыплется трухой ограда насилия, ныне преграждающая путь справедливости».

Это первое. И второе:

«Видишь гвоздь — это ты вбил его в стенку! / Когда же теперь ты домой вернешься? / Хочешь знать, что ты в глубине души думаешь? / День за днем / Ты трудишься ради освобождения, ты сидишь в каморке и пишешь. / Хочешь знать, веришь ли ты в свой труд? / Посмотри на капитановое дерево в углу двора, которое ты поливаешь водой из большого кувшина».

Вот то, о чем он мечтал. Но три дня превратились в годы: с 1938 года, когда началось его изгнание, по 1945-й. Это почти половина того, что выпало на мою долю; это и бесконечно меньше того, что выпало на долю таких моих собратьев и друзей по изгнанию, как Александр Галич и Виктор Некрасов, — ведь они никогда не вернулись.

Виктор Платонович Некрасов никогда иначе не представлял себе своей жизни, — он испытывал то самое, о чем написал Брехт: «Сто-

ит ли долбить чужую грамматику?» Некрасов чужой грамматики не долбил, хотя великолепно говорил по-французски. Только... слов у него не было. Зато была интонация, было замечательное произношение. Он с большой грустью всегда говорил: «Если бы в мой акцент да еще словарь вставить!» Акцент у него был, потому что он в раннем детстве был замечательный актер. Прочитываю то, что любил говорить Некрасов: «Я делаю французский шум». «Французский шум» он делал замечательно. Но говорить ему было трудно.

В Париже жил и другой русский писатель, тоже необыкновенно замечательный. Говорю — жил, — он тоже совсем недавно умер. Я имею в виду Андрея Синявского, который мог повторить то, о чем писал Брехт: «Стоит ли долбить чужую грамматику?» Синявский никакой грамматики не долбил и даже «шума французского» не делал. Он просто сидел у себя в Фонтене-о-Роз, в маленьком поселке под Парижем, и писал. Писал он по-русски, утверждая, что языки вообще знать вредно, потому что они разрушают единство личности. Это было, конечно, проницательный аргумент — он, вероятно, прекрасно понимал, что это шуточный довод, комическое самооправдание. Мне было легче и проще, я с давних пор знал французский. Многого, конечно, не знал — что касается жизни. Я читал философию искусства Ипполита Тэна. Помню, как моя жена, Екатерина Федоровна, которая на Западе умерла в 1986 году, говорила о том, что ей легче говорить оборотами из Ипполита Тэна, чем прибегать к повседневной речи. Она говорила «Le frottement de la chaire» — «третанье плоти», но сказать уборщице, в каком углу подмести — этого она не умела. У меня было похожее положение: я мог без труда читать лекции, но ведь это совсем не то, что бытовое общение.

В течение долгого времени эмиграция считалась в СССР враждебной силой. Всех, кто жил в эмиграции, даже называть было нельзя: их имена были запрещены. Они считались «белобандитами». Такое мнение разделял даже Маяковский. Помните его стихи о Шалляпине? Стихи, как обычно у Маяковского, искренние, но в этом случае постыдные. Или стихи его о Горьком. Но дело не в Маяковском, а в общей установке: эмигранты — вра-

* На встрече присутствовало около 130 человек.

ги. Кто говорил о Цветаевой, о Ходасевиче, о Бунине? Возник этот последний мною названный писатель в советской литературе благодаря Твардовскому, который невероятные усилия приложил к тому, чтобы издать сначала томик избранного, а потом и собрание сочинений Бунина. Официально эмигрантов считали (и я, разумеется, тоже) белыми врагами. Потом все переломилось и стало «наоборот». И то, что все «стало наоборот», меня тоже огорчает. С тех пор как эмиграция реабилитирована, появилось представление о том, что не было никакой русской литературы, кроме как в эмиграции.

Помню статью несколько лет назад в «Литературной газете» — Виктора Ерофеева: «Поминки по советской литературе», и следовавшие за

ней другие статьи, согласно которым не было в советское время поэзии, и прозы никакой не было, и драматургии не было. Это менее кроваво, но столь же несправедливо.

В Советской России была русская литература. Она была всякая. И веселая даже была. Были Ильф и Петров. Были замечательные поэты. Ну, конечно, ужасна была судьба многих из них. Недавно я в Америке участвовал в симпозиуме, посвященном Серапионовым братьям; доклады были американские, европейские, русские. Большинство из них были глубоко трагическими. вспомните о литературной судьбе Зощенко, Всеволода Иванова, Льва Лунца. Кажется, единственно благополучной была литературная судьба Каверина. Да и то она благополучна только внешне. А я делал доклад о человеке, который

не просто благополучно жила, но рос необычайно стремительно как советский чиновник и под конец превратился в громадную официальную фигуру.

Я имею в виду Николая Тихонова; он стал чуть ли не министром литературы или культуры, председателем всех возможных комитетов по премиям, Ленинским и Сталинским. Только поэтом он перестал быть. И чем выше Тихонов поднимался по лестнице государственной карьеры, тем хуже он писал. То, что он сочинял в последние годы, производит впечатление страшной карикатуры на то, чем был блистательный поэт, который написал: «Мы разучились нищим подавать» или: «Когда уйду, совсем согнетса мать»... Напомню вам одно из стихотворений Тихонова, которое, мне кажется, является одним из самых сильных:

«Мы прекраснейшим только то зовем, что созревшей силой отмечено: / Виноград стеной или река весной, или налив, или женщина. / За грядущий день отвечаешь ты, пуля в пулю — так слово всаживай! / Позабыт на сегодня любой поэт, в мраке слов погребенный заживо».

Это называется «перевод с грузинского», а ведь перед нами блистательные стихи. Потом Тихонов стал писать такое, что читать нельзя. Это судьба многих: движение вниз по лестнице, ведущей вверх. Вверх — лестница карьеры, а вниз шла литература. Хочу в связи с этим еще раз обратить внимание на строку Брехта: «Ничего не забывая, ни о чего не отказываясь и ничего не прощая». Вот — «ни от чего не отказываясь». Как мне ни было плохо тут или как мне ни было трудно там, я понимал, что отказываться ни от чего нельзя. Обратная ложь не лучше прямой лжи.

Я был свидетелем того, как приезжали в эмиграцию люди из Советской России. Могу сказать о самом сильном и самом горестном впечатлении, которое и я, и те мои друзья, которых я уже называл (и Галич, и Некрасов, и Снявский), тяжелее всего переживали.

Трудно сжато сформулировать, но я постараюсь. самое трудное для нас было видеть, как приехавшие не умеют справиться с тем, к чему они не привыкли. А знаете, к чему они не привыкли? К свободе. Это труднее всего. Свобода требует многолетнего воспитания. Молодые писатели были в восторге от того, что нет цензуры; они начинали писать матерные тексты. Это

так легко! Вдруг оказывалось, что можно все называть — нет, не своими именами, а грязными, паскудными, черными словами. Оказывается — можно, и никто даже внимания не обратит. А если и обратит внимание, то просто посмеется. Таково было впечатление, например, от первой прозы Лимонова. Дальнейшие впечатления уже у вас. Я перестал его читать, а здесь Лимонова все-таки читают.

Когда я говорю «Лимонов», я не имею в виду, что он был один. Таких было довольно много. Формы гротескового искажения свободы были многочисленны. Наши предшественники, замечательные писатели первого поколения эмиграции (действительно — эмиграции!), знали, что это такое — свобода. И мы понимали, что у них надо этому учиться. Бунин писал эротические рассказы — вспомним цикл «Темные аллеи». Никогда он не позволил себе ни одного выхода за пределы, допустимые в русской культуре (я говорю именно о русской культуре, она другая). Это можно сказать не только об одном из лучших прозаиков XX века Иване Бунине, но и о таком, до сих пор недооцененном романисте, каким является Алданов.

У нас ведь почти не было исторических романистов. Рядом с Алдановым стоит другой умерший в эмиграции писатель — Мережковский. Думаю, что исторические романы Мережковского, и прежде всего роман «Четырнадцатое декабря», принадлежат к числу лучших исторических романов вообще. Но ведь Алданов свободой не злоупотреблял никогда. Назову еще Ходасевича, — сдержаннейшего, немногословного, необычайно лаконичного поэта. Назову еще Марину Цветаеву, которая при всей неукротимости темперамента никогда не перешла ни за один из возможных рубежей.

Не думайте, что я сейчас имею в виду только так называемую ненормативную лексику. Я имею в виду многое другое, что образует закон нормы или меры. Марина Цветаева любила говорить о том, что она живет «безмерностью в мире мер»; она знала, какие пределы переходить нельзя. Она очень высоко ценила Маяковского, он был для нее одной из вершин русской поэзии XX века. Но в поэме «Крысолов», где героем оказался Маяковский, мы видим, где те пределы, которые этот художник переходит: а ведь в «Крысолове» рассказано о музыканте, который губит детей. И я думаю (этого я доказать не могу,

и, вероятно, никто никогда доказать не сможет, что это связано со стихом Маяковского «Я люблю смотреть, как умирают дети». А ведь это и есть выход за пределы нормы.

Третье поколение русской эмиграции — литературное: думаю, что это относится и к поэзии, но, прежде всего, к прозе. Те замечательные авторы, которые в самом деле оказались очень важными для развития русской литературы XX века, с образцовой тактичностью и талантом сумели справиться со всеми искушениями — прежде всего с искушениями свободы, которой Запад дразнил со всех сторон.

Назову тех моих современников на Западе, которых я имею в виду, говоря о высочайшем уровне литературных достижений. Хочу сразу сказать, что ни в какой степени не противопоставляю этих авторов тем, которые писали в России. В России были в это же время и Василий Гроссман, и Тендряков, и Юрий Нагибин, и Илья Эренбург, и многие другие.

А вот из тех на Западе, кто поднял нашу литературу на очень высокий уровень, назову одним из первых Иосифа Бродского; ведь он в самом деле оказался одним из первых, а может быть, и первым поэтом своей эпохи; Синявского, создавшего особенную, историческую, фантастически-реалистическую прозу. Он сам называл свой художественный метод фантастическим реализмом, иногда он говорил — реалистическая фантастика.

Назову из ныне живущих необычайно интересного автора, Фридриха Горенштейна — он отличается от многих тем, что постоянно движется вперед. Это не такой частый случай в русской литературе. Почему в русской литературе часто бывает так, что блестящее начало не увенчивается блестящим продолжением? А ведь это драматическая судьба и самого известного из наших современников-прозаиков, недавно еще эмигранта, а теперь вернувшегося, Александра Исаевича Солженицына, начавшего с самой высокой точки, с рассказа об Иване Денисовиче, и продолжившего эпопеей «Красное колесо», которую мало кто читал, потому что ее трудно, а иногда и невозможно читать.

Назову Георгия Владимова, который был замечательным писателем и тогда, когда писал в Москве, когда написал «Три минуты молчания» и другие романы, которые принято считать «производственными», а ведь это — замечательней-

шая проза; и, конечно, «Генерал и его армия». Это очень высокая точка развития.

Хочу назвать недавно умершего, совершенно удивительного человека, в эмиграции раскрывшегося с самых разных сторон, оказавшегося не любителем, а специалистом во многих областях — такими бывали люди Возрождения; я имею в виду Феликса Розинера, автора прекрасного романа «Некто Финкельмайер» и другого романа, который два года назад получил премию «Северная Пальмира» в Санкт-Петербурге, — «Ахилл бегущий». Феликс Розинер был специалистом по истории и теории музыки.

Мы издаем на Западе семитомную историю русской литературы — по-французски и по-итальянски. Розинер написал для каждого тома по главе о русской музыке; вместе его шесть глав образуют книгу — «История русской музыки». Три года назад в Америке вышла по-русски его удивительная книга, которая посвящена литовскому художнику, композитору и поэту Чюрленису. Он занимался и живописью. И эти занятия живописью отразились у него в книге о Чюрленисе. Таков один из этой «третьей волны» эмиграции.

Назову Виктора Некрасова, без которого русскую литературу представить себе невозможно. Если бы Виктору Платоновичу, умершему в 1987 году, сказать, что на Крещатике, на доме, где он жил, будет мемориальная доска с его профилем, что будут помнить, главным образом, Некрасова из вообще русской литературы на Украине, он бы этому поверил, но очень удивился бы. Так же, как бесконечно удивился бы и Иосиф Бродский, если бы увидел доску на доме, где он жил в коммунальной квартире.

Когда, проходя мимо дома, где довольно часто бывал в 60-х годах, я увидел профиль того, молодого (на доске он совсем молодой — такой, каким жил в этом доме)... Но это уж совсем из другой области я рассказываю. Из области «фантастического реализма» или «реалистической фантастики».

К числу названных мною писателей хочу добавить еще одного, которого, вероятно, все в этом зале особенно любят — и потому что он ленинградец, и потому что у него поразительное по легкости, по живости, по остроте и блеску перо — это Довлатов. Без этого имени картина была бы неполной.

Из зала:

Ефим Григорьевич, в 1979 году вы здесь выступали на нашем вечере и тогда упоминали Василия Аксенова. А в этот раз почему не упомянули?

Е.Г. Эткнд:

Случайно.

Из зала:

Когда вы приехали в Париж, с кем вы встречались из эмигрантов: Лифарь, Набоков? Кого вы видели в Париже, и не только? Мне Набоков особенно интересен и, конечно, Лифарь.

Е.Г. Эткнд:

Набокова я никогда не видел. Набоков жил в Америке. В Америку я попал довольно скоро после приезда — мой давний коллега и друг Виктор Эрлих в 1976 году уходил в творческий отпуск и попросил меня на один семестр заменить его в Йельском университете. Так что я довольно скоро попал в Йель и там преподавал вместо Эрлиха. Набоков тогда еще был жив, но это было далеко и было бы даже стыдно к нему появиться. Тем более, что я не слишком хорошо знал его литературное творчество. А то, что я знал, мне не нравилось.

Я занимался теорией перевода и, в частности, выпускал вместе с моими коллегами альманах под названием «Мастерство перевода»: в этом альманахе у нас был регулярный раздел «Евгений Онегин» на языках мира». В частности, там была большая статья о переводах «Евгения Онегина» на английский, в том числе о переводе Набокова, который очень плох.

Что же касается Лифаря, то с ним я познакомился и, если это присутствующим интересно, могу коротко рассказать, при каких обстоятельствах. В 1987 году было 150 лет со дня гибели Пушкина. А за 50 лет до того было столетие смерти поэта, в 1937 году. И когда мы праздновали (это глупое слово, нельзя праздновать годовщину смерти), организационно этих торжеств, связанных с гибелью Пушкина, в Париже возглавил Лифарь.

А случилось так, что 50 лет спустя я исполнил те обязанности, которые за полстолетия до меня исполнял Лифарь. И мне было интересно с ним поговорить о том, как он это делал 50 лет

назад. Вы понимаете, тогда ему было тридцать с небольшим, а потом, когда я с ним уже встретился, ему было более 80-ти. Я к нему приехал, он жил тогда в Монре, в шикарном гостинице. Это было, вообще говоря, принято. Крупные художники, если им удавалось разбогатеть под конец жизни, кончали дни в швейцарских отелях. Чаплин там жил, Набоков и вот Лифарь. Я приехал к Лифарю с Робинном Кембаллом, англичанином, профессором русской литературы в Лозанне, и мы имели довольно долгий разговор. Не буду его пересказывать. Этот разговор напечатан в сокращенном виде в журнале «Revue des etudes slaves» Лифарь нам долго рассказывал, сколько у него ящиков с русскими рукописями, рисунками и прочими ценностями. И я с некоторой надеждой пытался войти к нему в доверие, чтобы он — хоть показал. «Да нет, — говорил он. — Что же я буду вам показывать? Это все когда-нибудь вернется домой. Этим уже ведаю не я. Меня скоро не будет. Этим ведает она», — говорил он, показывая на «нее». «Она» была, насколько я помню, шведской графиней, которая не очень-то хорошо знала по-русски. Ей эти рукописи (там были и рукописи Пушкина) не бог весть как были нужны. Я только помню, после смерти Лифаря речь шла о том, чтобы передать это России. И тогда наследница Лифаря сказала, что она готова все отдать за одну картину; она просила у советского правительства картину Матисса «Хоровод». Что произошло дальше с этими необыкновенными ящиками, не знаю. Кажется, они в Россию попали.

Могу по ассоциации рассказать еще про один ящик. Жил в Париже Юргис Балтрушайтис. Это сын известного поэта, который давно умер. У Юргиса Балтрушайтиса-сына была интересная профессия: он писал книги о химерах готических соборов. Я с ним познакомился, несколько раз к нему приходил. Отец его был не просто хороший поэт-символист, он был в центре символистского движения, и все ему писали письма. А у сына стоял сундук; в сундуке были рукописи со всеми письмами. Он говорил, что там есть и Блок, да и всякое другое. Я его умолял мне показать: он смеялся. Я к нему поддельвался, сколько мог. Не помогало; и я все не мог понять, почему? Однажды он мне объяснил: «Мой отец был во Франции не писателем и не поэтом, он был дипломатом, послом Литвы в Париже. И способствовал

выезду на Запад многих людей из Советского Союза. Это тайна. И я не имею права никому этого показывать». Я ему говорил, что мне интересен Блок и что все эти дипломатические бумаги я даже смотреть не буду. Так он мне ничего и не показал. Где-то этот сундук хранится. Он сказал мне: «Вы не бойтесь, я его завешал в хорошее хранилище». В какое, он мне не говорил.

Из зала:

Расскажите, пожалуйста, как воспринимают во Франции, Германии поэзию Цветаевой?

Е.Г. Эткинд:

Цветаева — поэт необыкновенно драматической биографии. И биография перекрывает ее творчество. Когда я говорю «перекрывает», то имею в виду те страны, которые вы назвали.

В Германии вышла не одна, а несколько биографий Цветаевой. Вообще сейчас количество цветаевских биографий на Западе огромное. По моему, их не то десять, не то одиннадцать. Есть биография, написанная русской женщиной — Разумовской; она написана по-немецки, в Вене. Несколько, по моему, три, вышли в Америке. Есть роман о Цветаевой; он вышел во Франции. Одним словом, Цветаеву знают хорошо.

Что касается стихов, то по-немецки они переведены не слишком сильно, зато прекрасно переведена проза; Цветаева-прозаик в Германии хорошо известна. Тем более, что немцев очень подкупило теперь довольно распространенное высказывание Марины Ивановны о немецкой культуре и о Германии.

Она писала Рильке — и это несколько раз напечатано в Германии — примерно так: нет национальных поэтов; не бывает французского, немецкого или итальянского поэта. Поэт пишет на языке ангельском. После ангельского языка есть еще только один — немецкий. А после немецкого — русский. На самом последнем месте — французский. Он совершенно антипоэтический. Именно поэтому она переводила себя на французский — ей хотелось преодолевать наибольшие трудности. Она ведь и вообще так жила, преодолевая непреодолимое.

Теперь о французах. Цветаева перевела свою поэму «Молодец» на французский. Это перевод гениальный. Сравниться с ним может только оригинал Цветаевой. Для того чтобы написать

«Молодца» по-русски, она придумала особый русский язык, «фольклорный». Для того чтобы перевести его на французский, она придумала особый французский язык. Этот перевод вышел несколько лет назад по-французски и сразу привлек большое внимание.

Я сказал, что есть роман о Цветаевой на французском, автор романа — Доминик Дезанти. Была во Франции молодая женщина, умершая уже лет 15 назад, Эв Мальре, она обладала феноменальным переводческим талантом. Если бывает перевод конгениальный, то это вот то, что она делала. Эв Мальре не знала французский автопереводов Цветаевой; автопереводы появились позднее. Я напечатал «Молодца» по-французски лет через девять или десять после смерти Эв Мальре, но она открыла способ переводить Цветаеву на французский язык, очень похожий на тот, которым пользовалась сама Цветаева.

Так что во Франции, где вообще в поэтическим переводом дела обстоят плохо, Цветаева-поэт известна гораздо лучше, чем в Германии, чем в Англии и тем более чем в Италии, где ее совсем плохо знают.

Из зала:

Я думаю, что в рамках сегодняшнего разговора хорошо было бы сегодня вспомнить Льва Зиновьевича Копелева. Что бы вы могли рассказать о нем?

Е.Г. Эткинд:

Благодарю вас, что вы напомнили об этом человеке. Лев Зиновьевич Копелев несколько месяцев тому назад умер. И в «Литературной газете» появилась большая статья, которая была озаглавлена «Махатма Копелев». «Махатма» — это всеохватывающая душа.

В сущности, названием статьи Вячеслава Всеволодовича Иванова «Махатма Копелев» все сказано. Копелев действительно был человеком невероятно широкой, восприимчивой и чуткой души. Он возглавил проект, который назвал Вуппертальским, — от университета, который с ним заключил договор, в г. Вуппертале. У него была исследовательская группа, сохранившаяся до сих пор; каждый год выходил большой том, посвященный немецко-русским культурным отношениям: немцы в зеркале русского восприятия. Это

не только литература. Это и путешествия, мемуары, история, публицистика.

У Копелева было много сотрудников, он и сам много писал. Но главным образом был дирижером этого оркестра. Думаю, что тома, которые он выпустил, имеют большое культурное значение — без них уже нельзя себе представить историю немецко-русских связей. Копелев вообще очень много сделал, для того чтобы преодолеть закономерную несовместимость культур. Одним из важных шагов в этой области была книга, которую он выпустил совместно со своим близким другом и литературным единомышленником, с Генрихом Бёллем.

Эта книга замечательно называется: «Почему мы стреляли друг в друга?» Они ведь оба были солдатами. Бёлль был солдатом немецким, а Копелев — был офицером Красной Армии. Не думаю, что они стреляли; Бёлль нам рассказывал, что гордится тем, что так ни разу и не нажал на гашетку и вообще не сделал ни одного выстрела.

Мне кажется, Лев Зиновьевич тоже не стрелял. Он занимался пропагандой среди войск противника, писал листовку, выпускал газету для немцев. Но они оба были солдатами. И этот вопрос: «Почему мы друг в друга стреляли?» необыкновенно важный. Вот с этого началась серия книг, которая привела не только к преодолению взаимонепонимания, но и к глубокому пониманию друг друга. Ведь мы же сейчас переживаем пору, когда Россия и Германия все больше сближаются не только потому, что у немцев много денег и они могут финансировать разные проекты, а еще и по разным другим причинам. Но, в частности, большую роль в этом сыграл Генрих Бёлль немецкой стороны и Лев Зиновьевич Копелев — с русской.

Из зала:

Если говорить о Львах, напомните судьбу Льва Друскина.

Е.Г. Эткинд:

Я встречался с Львом Друскиным в Тюбингене, где он жил. И я хотел бы по этому поводу вот что сказать. Изгнание многих людей было для нас позором. Думаю, что изгнание Виктора Некрасова — это и позор, и культурное преступление. Лишение Льва Копелева и Раисы Орло-

вой советского, русского подданства — действие отвратительное.

Но самое отвратительное, что я вообще знаю, неправдоподобно уродливое и омерзительное, было то, что произошло с Львом Друскиным. Человека, который вообще никогда не ступал ногой по полу, который был парализован с раннего детства, заставили уехать из родной страны. Друскин был тяжелым инвалидом, но писал необыкновенно жизнеутверждающие стихи. Это его жизнеутверждение было не казенным, а органическим. Немцы подарили ему (немцы!) электронное кресло, чтобы он мог передвигаться. Авторитетный переводчик русской поэзии, в частности Пастернака, Людольф Мюллер, переводил и Друскина. И еще было два-три человека, которые о нем заботились очень много. Я им рассказывал о Ленинградском отделении Союза писателей, обречшим Друскина, тяжелейшего инвалида, на изгнание. Когда Друскина исключали из Союза писателей и отправляли в ссылку, мало кто из захребетников мог предположить, что ему встретится Людольф Мюллер и что вообще кто-нибудь подарит ему электронное кресло... Отправляли его на смерть. Я бы судил тех, кто это сделал.

Из зала:

Два слова о третьем Льве: о Льве Лосеве.

Е.Г. Эткинд:

Со Львом Лосевым я встречаюсь довольно часто. Он работает в американском Ганновере. Там есть колледж, где он преподает русскую литературу. Лев Лосев — редкое сочетание очень талантливого, иронического (и в то же время лирического) поэта и профессора литературы. В одном лице таких совмещений почти не бывает. Иосиф Бродский преподавал в университете; но он преподавал, будучи тем, что в Америке называется «Poet in residence», то есть как бы «поэт на университетском жаловании». Он считался профессором, но это больше игра слов; конечно, он был поэтом, а не профессором. А вот то, что его близкий друг Лев Лосев соединяет в себе эти два свойства, — это удивительно.

Пушкин высоко ценил того человека, которому он посвятил «Евгения Онегина» — Петра

Плетнева, тоже университетского профессора и поэта. Но Плетнев был не слишком хорошим поэтом, — даже не второстепенным. Лосев же поэт выдающийся. Книжка, которая вышла в Петербурге в прошлом году, называется «Новые сведения о Карле и Кларе».

Помните: «Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет», — в свое время в «Литературной газете» это было напечатано под гениальным названием: «Их нравы». Книжка Лосева получила в прошлом году премию как лучшая поэтическая книжка года.

Из зала:

Когда в семидесятых вас выдворили из города, у вас осталось здесь очень много друзей, коллег, учеников. С кем вы поддерживали отношения? Кто не боялся с вами поддерживать отношения до перестройки?

Е.Г. Эткинд:

К моему удивлению (я этого не знал), самыми храбрыми казались женщины. Совсем не потому, что они были со мной в каких-то особых отношениях — просто они оказались храбрее. Женщины писали, звонили, а мужчины боялись.

Я так говорю не потому, что я феминист. Мы с Александром Рубашкиным разговаривали несколько дней назад о Наталье Долининой, которая умерла почти 20 лет назад. Наталья Долинина писала нам регулярно раз в неделю. В то время это было очень опасно, она могла этого не делать. Были и другие.

Из зала:

Вы отвечали на эти письма?

Е. Г. Эткинд:

Я и моя жена старались отвечать так, чтобы не повредить писавшим. Поэтому мы, конечно, старались либо отвечать с оговоркой, либо как-нибудь незаметно или от чужого имени. Что мы и делали.

Я хочу назвать еще одного человека, поскольку его имя широко известно (и это литературно прославленное имя), который до самой своей смерти писал нам регулярно, по-моему, тоже раз в неделю, — это Павел Григорьевич Антокольский. Антокольскому было что терять. И он вообще был в опасности, особенно после того как

оказался «космополитом», когда написал стихи «Не вечная память...» Вся вселенная слышит имя *перо*... Советская власть никогда не могла простить ему этих, как говорили, сносительских строк, а ведь он был членом партии к тому же. Каждую неделю я получал от Павла Григорьевича обстоятельное письмо. Он ничего даже не скрывал. Просто все писал.

Из зала:

Расскажите о Галиче.

Е.Г. Эткинд:

Александр Аркадьевич Галич сначала был в Норвегии, потом в Париже. Работал на радиостанции «Свобода». Пел и разговаривал. Для него это было неподходящим занятием — быть диктором или даже собеседником на радио. Он однажды сказал очень грустно, что мог бы делать что-нибудь другое и что, когда он диктором выступает, то ему кажется, что он как бы часами заколачивает гвоздь. Все-таки часы предназначены для другого. Однако в эмиграции это частый случай — когда микроскопом гвозди заколачивали. Галич очень страдал. Из всех, кого я знал за границей, больше всех страдал Галич. Видеть его мало кто понимал. Концерты его были довольно часты.

Мы приехали в Париж 25 октября 1974 года; в частности, приехали в тот день потому, что вечером был концерт Галича. Галич был моим близким товарищем. И я решил — поеду так, чтобы попасть на этот концерт. Мы приехали прямо на концерт Галича. Галич пел. Выступал пожилой господин из старой эмиграции, который красиво сказал, что он «рад предоставить слово сладкопевцу Галичу». А ведь «сладкопевец» — это последнее, что можно было сказать о Галиче. Помню, как я был в буфете за столиком с одной дамой, которая сказала, что ей очень понравилось, что пел Галич, но она не поняла одной песни. «Там что-то в этой песне, — сказала она, — про овец». А потом она начала объяснять, и я понял. Это песня, в которой есть такие слова: «А начальник все спяну о Сталине, все хватает баранку рукой».

В день его гибели нам позвонили, и мы приехали почти сразу. Он лежал на полу. Еще был теплый. В руке он сжимал какой-то предмет. Потом оказалось, что это антенна от прибора.

В общем, легенда была такая, что он купил новый проигрыватель и воткнул в сеть не вилку, а прямо эту антенну, держа ее в руке. И что будто бы его убило током. Я не верил этому ни минуты, тем более, что домашний ток так вот на месте не убивает. Это очень неправдоподобно. А потом было вот что. Одного моего молодого знакомого, молодого физика, вызвали во французский КГБ (у французов тоже есть КГБ, но он по-другому называется — ДСТ). Его вызвали в ДСТ, и его принял генерал, который сказал ему: «Месье, я хочу вам сообщить, что мы с сегодняшнего дня снимаем за вами наблюдение». Он спросил: «А за мной наблюдали?» Генерал сказал: «Спасибо. Вы подтвердили, что наши люди хорошо работают». Мой молодой знакомый спросил: «А по какому случаю за мной наблюдали?» Генерал сказал: «Могу вам показать донос». И показал. Донос был напечатан на машинке (в отличие от советских доносов французские печатались на машинке). Донос был от некоего профессора очень известной школы бизнеса. Мой приятель сдавал там экзамены, сдавал блестяще и говорил на очень хорошем французском языке. И вот этот профессор заподозрил его в том, что он агент, и сообщил о своих

подозрениях «Куда следует». И за Яшей Иоффе стали наблюдать. Подслушивали телефонные разговоры, ходили за ним. Когда генерал кончил этот разговор, Яша спросил: «А можно я задам еще вопрос? Мы потеряли недавно очень для нас важного человека, замечательного поэта, песенника Александра Галича. Может быть, вы можете нам разъяснить что-нибудь по этому поводу?» Генерал помолчал и сказал: «По моим сведениям, это самоубийство. Большого я вам сказать не могу. До свидания». Мы не поверили этому.

Единственное, что было для нас важным в этом разговоре с генералом, это что он не сказал того, что мы предполагали, а сказал, что это самоубийство. Наверное, вот почему: тогда были отношения с Россией такие, что сказать «убийство» значило бы их усложнить. Я думаю, это было убийство. А время было то самое, когда, например, болгарские тайные полицейские убивали людей зонтиками, вводя в жертву отравленные шарики. Для КГБ Галич был очень желательной фигурой: он пользовался популярностью; его песни пели все. Это теперь их забыли. И они сильно действовали. В отличие от других песен они были политическими.

СОДЕРЖАНИЕ № 1 (10) 1999

К читателю	1
Поздравляем В.Н. Зайцева	2
ЮБИЛЕЙ ПЕТЕРБУРГСКОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ОБЩЕСТВА	
Щедрость профессионального общения (интервью с Президентом ПБО З.В. Чаловой)	4
Гордукалова Г.Ф. Точка роста	8
ЛИДЕРЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ ШКОЛЫ	
Михеева Г.В. Неиссякаемый творческий потенциал	12
Брежнева В.В., Захарчук Т.В., Зусьман О.М. Конспект научной биографии... написанный учениками	15
ГОРИЗОНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ	
Соколов А.В. Петербургская библиотечная школа: миф...тайна...факт?	19
Минкина В.А., Васильева Н. Корпоративная культура и профессионализация библиотекаря	22
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Ангелеску Х. Румынские библиотеки возрождаются после холодной войны: коммунистическое наследие и перспектива	36
Дик А. Влияние позитивизма на разработку научных методов: значение для исследований в области библиотековедения и информатики.	45
Гусева Л.Н. Позитивизм или метафизика? Миф и реальность (комментарий к статье А. Дика).	57
БИБЛИОТЕКА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР	
«Стоит ли долбить чужую грамматику?». Встреча с Е.Г. Эткиндром.	67

Отпечатано в типографии «Турусел».
191186, СПб, ул.Миллионная д.1. Тел./факс: 311 54 74
Лиц. ПЛД № 69-150 Заказ №105-99 от 06.05.99г. тир.400 экз.